ЭКОНОМИКА

В. М. ШТЕЙН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ПЕТЕРБУРГ
Издательство „ПРАВО"
1922

ЭКОНОМИКА

ВЫПУСК
IX

В. М. ШТЕЙН

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА

ПЕТЕРБУРГ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВО»
1922

Р. Ц. № 1521. Тираж—3 000 экз.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицого, 10).

ГЛАВА I.

Общие начала экономической политики.

1.

Теория и политика.

Методологическая утонченность и терминологическая точность, которые так культивируются современной наукой, дают ученому возможность провести резкую разграничительную линию между теорией и политикой. Первая изучает сущее,—то, что есть,—вторая говорит о должном,—о том, что должно быть. Материалом для теории служит мир фактов, бесконечное многообразие которого преодолевается ею путем формулировки общезначимых законов. Политика опирается при установлении ею норм человеческого поведения на систему абсолютных, обязательных для всех ценностей. Теория исследует причинную связь явлений, политика оперирует понятиями целей и средств для их достижения.

Однако, при изучении истории экономических идей это отчетливое противоположение теории и политики оказывается не очень-то плодотворным. Наиболее замечательные экономические системы представляют собой целостный, органический синтез теоретических и политических построений. Отдельные научные течения только тогда приобретают живой „эстетический" облик, когда они выливаются в стройное экономическое мировоззрение. Английское free trade movement было естественным, непринужденным выводом из теоретических построений классической школы, социализм был необходимым завершением историко-философской и экономической доктрин Маркса, в государственном социализме нетрудно признать политическое отражение теоретических конструкций исторической школы. Таковы наиболее убедительные примеры. Им, на первый взгляд, противоречат некоторые общеизвестные факты из истории экономической мысли. Исходя из одной и той же теории ренты, Мальтус и Рикардо приходили к различным программам экономической политики: Рикардо проповедывал свободную торговлю, Мальтус ратовал за таможенное покровительство земледелию. То-же расхождение во взглядах на торговую политику проявляется у Кэри и Бастиа, которых в теоретических построениях вдохновляла общая идея „гармонии интересов". Возможности таких боковых ответвлений от основного, широкого русла экономической мысли не приходится поэтому отрицать. Но каждая эпоха, или каждая научная „секта", имеет свою сакраментальную, законченную в основных построениях доктрину, собирающую вокруг себя „сплоченное большинство" правоверных сторонников. Случайные „отступники", не прием-

лющие некоторых частей доктрины, не вносят слишком резкого диссонанса в общий хор голосов. Сказанное находит наиболее яркое подтверждение в истории классической школы. В клубе политической экономии, учрежденном в 1821 году, по инициативе Тука, члены его, считая себя счастливыми обладателями „правильных принципов политической экономии", брали на себя, по уставу, обязательство способствовать их распространению и „зорко следить и сообщать, если бы какие-либо учения, враждебные здравым политико-экономическим взглядам, стали распространяться". По словам Мальтуса, „почти необходимо чтобы значительное большинство тех, кто, благодаря своему вниманию к предмету, считается публикой наиболее пригодными для роли компетентных судей, сходились во мнениях относительно истины" [1]).

Более того. Многие экономические теории самым происхождением своим обязаны обсуждению задач экономической политики. Так, Кэннан удачно обнаруживает практические корни воззрений классиков. „Мы обязаны спорам о валюте (Bullion controversy) рикардианской теорией ценности и спорам 1813—1815 г.г. о хлебных законах теорией ренты и общей теорией распределения Рикардо" [2]). „Опыт о законе народонаселения" Мальтуса явился ответом на некоторые проекты общественного переустройства, вдохновлявшиеся идеей равенства, и должен был послужить орудием в борьбе против старых английских законов о бедных. Приведем еще в пример „национальную систему политической экономии" Фр. Листа, в которой теоретический фундамент заложен специально для возведения на нем стройной аргументации в защиту протекционизма.

Наивная непосредственность, с которой ранние английские авторы подходили к вопросам экономической жизни и которая придает их творениям своеобразное очарование, побуждала этих писателей расценивать все теоретические конструкции по практической пользе, которую можно из них извлечь. Свою задачу они видели в указании способов увеличения народного благосостояния. Особенное внимание уделялось вопросу об улучшении положения низших классов (lower ranks of people), как наиболее многочисленной части населения. Эта тенденция отчетливо сказывается у Смита и Мальтуса, ее формулирует также Торренс в следующих характерных словах. „Изучение политической экономии, если бы оно не указывало способа, которым труду может быть обеспечено приличествующее вознаграждение, могло бы служить удовлетворению пустого любопытства (a merely speculative curiosity), но едва ли могло бы принести какую-либо практическую пользу". И, протестуя против утверждения, будто политическая экономия должна служить государственному деятелю или законодателю, Торренс об'являет ее „народной наукой" [3]).

Пусть в свете современных методологических достижений все эти попытки связать воедино теорию и политику представляют лишь ряд досадных заблуждений. Пусть процесс очистки теории от приставших

[1]) Подробнее об этом в нашей статье „Давид Рикардо" в Изв. Росс. Акад. Наук, Петр. 1917, стр. 1316 и сл.

[2]) E. Cannan. A history of the theories of production and distribution in english political economy, 2 изд. London, 1903, стр. 388

[3]) Torrens. On wages and combination, London, 1834, стр. 1—2.

к ней этических „шлаков" близок к завершению. Для экономической политики эта былая неразрывная слитность с теорией оказалась чрезвычайно плодотворной. Ей не приходится стыдиться связи, которую теория так решительно стремится разорвать. Без теоретического углубления экономическая политика представляет ряд благих пожеланий, ярко окрашенных субъективизмом. Лучшие современные работы по экономической политике написаны теоретиками; достаточно назвать хотя бы следующие сочинения: Clark. Essentials of economic theory, Hobson. Work and wealth, Pigou. Wealth and welfare, Marshall. Industry and trade.

2.

Идея рационализации хозяйства и причины ее успеха.

Время от времени человечество переживает периоды прилива реформаторской энергии, зажигается верой в возможность полного и всестороннего переустройства общественных отношений на разумных началах. Создаются планы грандиозных преобразований общественной жизни, которые не должны оставить в ней ничего случайного, произвольного, расходящегося с намеченными реформаторами заданиями. Против традиционализма ведется упорная и прямолинейная борьба. Вдохновляемые надеждой на скорое осуществление земного рая, сторонники рационалистического учения приступают к реализации своих гордых замыслов.

Однако, живучая социальная стихия, рано или поздно прорвавшись сквозь стены возводимого здания, разрушает, как карточные домики, замысловатые узоры социального регулирования. Тогда наступает эпоха жестокого разочарования и осмеяния еще недавно превозносившихся идеалов. Широкий размах идеологического маятника приводит к торжеству идеи полного невмешательства государства в общественные отношения. Из Левиафана государственная власть превращается в „ночного сторожа". Вспомним хотя бы ядовитую критику, которой подвергли наивный рационализм меркантилистической практики физиократы и экономисты-классики. Еще аббат Бодо метко клеймит „la manie réglementaire", нарушающую естественный порядок, насилующую свободу, губящую таланты, насильственно изменяющую определенное высшим предначертанием назначение человека [1]). Предостерегая правительство от попыток оградить „par des réglements" потребителя от происков недобросовестного торговца, Тюрго считает эти попытки проявлением идеального стремления „пожертвовать всем промышленным прогрессом ради химерического совершенства (à une perfection chimérique)" [2]); он пронизирует над опытами регулирования денежного процента „законами царей" (par les lois des princes). [3]) В унисон с только что цитированными авто-

[1]) Nicolas Baudeau. Première introduction à la philosophie économique. Цит. по изданию проф. Дюбуа, Paris 1910, стр. 71.

[2]) Turgot Eloge de Gournay. Цит. по Oeuvres de Turgot, изд. Schelle. Paris, 1913. T. I, стр. 603—604.

[3]) Turgot. Les reflexions sur la formation et la distribution des richesses. Oeuvres de Turgot. T. II, стр. 580—81. Paris, 1914; рус. пер. Тюрго. Размышления о создании и распределении богатств. Юрьев, 1905, стр. 45.

рами, Мальтус негодует по поводу того, что даже после опубликования и распространения труда А. Смита находятся экономисты, все еще верящие в возможность изменения условий существования в стране простым „быть по сему" каких нибудь чиновников или даже всемогущего парламента [1]).

Но проходит горечь обиды, вызванной неудачей попыток общественного переустройства, и снова рождаются величественные планы, снова мечты о „прыжке из царства необходимости в царство свободы", где люди с'умеют поставить общественный процесс „под их сознательный и планомерный контроль", снова вера в „возможность безусловной рационализации всех общественных отношений и безусловного контроля человека над природой" [2]). А там снова реакция, снова победа органического мировоззрения над рационализмом...

В наши дни наростает девятый вал рационализма. Пафос „наивной веры во всемогущество государства" [3]) проникает общественную атмосферу. „Социализация народного хозяйства" становится в Зап. Европе, особенно в Германии, излюбленной темой для экономистов всех толков и направлений. В докладе большинства германской комиссии по социализации промышленности, к которому принадлежали, наряду с Куновым и Гильфердингом, почтенные профессора „буржуазного" направления, (напр. Шумпетер и др.), определенно было высказано мнение, что „вся система военной экономики не может быть уничтожена росчерком пера, и международное экономическое положение делает необходимым и возможным сохранение регулирования нашей внешней торговли на значительный период... Все сердца полны сознанием, что тиранния частного капитала должна придти к концу, и социалистическими мечтаниями в самых разнообразных и, нужно признать, также в самых величественных (grotesque) формах" [4]).

Рационализации народного хозяйства в нашу эпоху властно требует крайнее обострение социальных и международных противоречий. С одной стороны, великая европейская война не только не устранила соперничества на мировом рынке, но еще усилила борьбу за мировую гегемонию. На протяжении истории коммерческие успехи наций всегда были переменчивой величиной. Великие державы возвышались в экомическом отношении и падали одна за другой. На заре капиталистической эры достигают необычайного расцвета колониальные державы— Испания и Португалия, обязанные своим сказочным богатством мистериям „первоначального накопления". Но уже в XVI ст. экономический под'ем сменяется в этих странах разложением и упадком [5]). К несколько позднейшей эпохе относится достижение Голландией вершины своего экономического величия. В XVII веке здесь „все огонь, жизнеспособность и развитие сил". Голландия превращается в „мануфактурное и торговое го-

[1]) Malthus. An essay on the principle of population etc., стр. 267–68 по изд. 1872 г.

[2]) Слова Новгородцева о Марксе. Новгородцев. Об общественном идеале. Вып. I, изд. II, Киев, 1919, стр. 163.

[3]) Слова проф Лифмана по поводу современных проектов огосударствления промышленности. Liefmann Kartelle und Trusts, 3 изд. Stuttgart, 1918, стр. 311.

[4]) Цит. по The international review, May 1919, стр. 400.

[5]) О причинах упадка Испании, см. интересные замечания у П. Б. Струве. Торговая политика России. 2 изд. СПБ, 1913, стр. 12—19.

сударство первого ранга". Но проходит ето—полтораста лет, и Голландия сходит с мировой сцены. Начинается процесс закостенения, одряхления национального организма. Голландия становится государством рантье [1]). Затем„ мировой фабрикой" (fabric of the world) становится Англия. В известном сочинении о британском империализме Шульце-Геверница мировое господство англо-саксонской расы об'является самым замечательным фактом XIX столетия. В необ'ятном, безбрежном англо-саксонском море другие народы и культуры как-бы являются незаметными островками или, в лучшем случае, континентами [2]). Но к концу XIX в., рост английской промышленности начинает замедляться. Издесь проступают признаки умирания активности, духовного застоя. Появляются новые, более молодые конкуренты: Германия, Соединенные Штаты, Япония. Борьба за верховенство становится все напряженнее. Достаточно отстать от своих соперников по быстроте развития производительных сил, чтобы попасть в число побежденных. Преодоление отсталых хозяйственных форм, поддержание созидательной энергии нации превращаются в высшую заповедь экономической политики. А эта задача в своем осуществлении требует планомерного вмешательства власти в экономическую жизнь, требует р а ц и о н а л и з а ц и и народного хозяйства. Ведь не случайный-же каприз истории решает судьбы народов и уготовляет блестящий расцвет одним и гибель другим. Наука должна выяснить, действительно-ли после веков напряженного творчества, увенчавшегося накоплением богатства и высоким развитием культуры, нация неизбежно должна почувствовать упадок сил и придти в дряхлость, подобно отдельному индивиду; действительно-ли каждому народу суждено растратить в отчаянной борьбе за существование свою национальную мощь и быть вынужденным безропотно преклонить голову перед новыми молодыми соперниками на мировой арене. В новейшей фазе развития капитализма эта опасность все чаще принимает форму изсякания промышленной активности, перехода капиталистического класса той или иной страны на положение рантье, безбедно живущих на обильную жатву собираемых с других стран процентов и дивидендов, потерявших вкус к производственным проблемам и безмятежно отдающихся „чистому потреблению" [3]). Как правильно указывает Вальтерсгаузен, „стремление к покою всегда опасно для народа—даже в том случае, если созданное им себе положение представляет гарантию обеспеченного и настолько обильного национального дохода, что за ним сохраняется политическая мощь в мировом целом и возможность осуществления широких социально-политических планов" [4]). Поэтому в настоящее время более чем когда-либо уместны попытки наметить такую линию экономической политики, которая избавляла-бы народное хозяйство от застоя и обеспечивала постоянное поддержание национальной предприимчивости на известном уровне. Создавшаяся международная обстановка заставляет с особенным рвением искать путей рационализации народного хозяйства Германию.

[1]) S a r t o r i u s v o n W a l t e r s h a u s e n. Das volkswirtschaftliche System der Kapitalanlage im Auslande, Berlin, 1907, стр. 367 и сл.

[2]) S c h u l z e - G a e v e r n i t z. Britischer Imperialismus und englischer Freihandel zu Beginn des XX Jahrhunderts, Leipzig, 1906, стр. 1.

[3]) Срв. Б у х а р и н. Политическая экономия рантье М., 1919, стр. 20.

[4]) S a r t o r i u s v. W a l t e r s h a u s e n, назв. соч. стр. 363.

Эта страна задыхается под бременем возложенных на нее Антантой обязательств. По рассчетам Дж. Кейнса, германское правительство должно отбирать у нации 45% всего ее дохода, чтобы получить возможность производить необходимые платежи [1]). Страна может выдержать подобное бремя только при условии рационального использования всех ее материальных и трудовых рессурсов. Можно позволить себе роскошь сохранения отсталых хозяйственных форм в эпоху национального процветания. В момент тяжелого кризиса приходится пожертвовать ими, как-бы это ни было тяжело с гуманитарной точки зрения.

Среди многочисленных предприятий, существующих в каждой стране, лишь ничтожная часть ведется рационально. Огромное большинство орудует на основе применения отсталой техники, не умеет наладить снабжения предприятия сырьем, дешевым кредитом и пр. Эта хозяйственная неумелость предпринимательской массы находит себе точное числовое выражение в факте крайнего разнообразия издержек производства даже в пределах одной и той-же отрасли промышленности. „Издержки производства метрического центнера чугуна одинакового качества в Австрии оказываются, по указаниям самих железоделательных предприятий, у заводов, работающих с минимальными издержками, приблизительно на $2^1/_2$ кроны ниже, чем у тех, кто находится в самых неблагоприятных условиях. В Германии издержки производства метр. центнера чугуна определяются отдельными предприятиями между 3 и 5 марками. При обследовании шести австрийских паровых пил обнаружилось, что издержка переработки кругляка в пиленый лес варииируют у них от 5,65 до 7,55 крон на кубический метр пиленого леса. Издержки на метр. центнер сахара-сырца колеблются у различных туземных сахарных заводов в пределах до 3 крон. Специалисты определяют разницу между минимальными и максимальными издержками производства метр. центнера льняной пряжи определенного качества на австрийских прядильнях в 7 крон" [2]). Если, таким образом, есть предприниматели, способные производить продукты чуть не вдвое дешевле других, то сохранение самостоятельности за отсталыми и неумелыми организаторами производства означает преступное расточение национального богатства. Экономическая иерархия должна быть построена так, чтобы власть распоряжения народным достоянием принадлежала наиболее способным и удачливым предпринимателям. Что такая рационализация хозяйства вполне гармонирует с интересами „промышленной демократии", засвидетельствовано такими компетентными в этих вопросах авторами, как супруги Вебб. По их словам, „очевидно, что в интересах трэд-юнионов устанавливать общие правила с таким расчетом, чтобы отсталые и не рационально ведущие дело фирмы постепенно вымирали, и чтобы все производство сосредоточивалось в руках наиболее способных „вождей промышленности", умеющих понижать издержки производства, не при-

[1]) Дж. Кейнс. Экономические перспективы ближайшего будущего. „Экономист" № 1. Петроград, 1922, стр. 36. По расчетам Брауна, эта доля повышается даже до $^2/_3$ национального дохода (2.867 из 4.500 мар. на душу населения), см. Л. Юровский Проблема экономического восстановления Европы в сб. „Международные проблемы" М., 1922, стр. 65.

[2]) R. Schüller. Schutzzoll und Freihandel. Die Voraussetzungen und Grenzen ihrer Berechtigung. Wien—Leipzig, 1905, стр. 9—10.

бегая к понижению заработной платы" [1]). И если даже до сих пор в классическом сочинении по экономической политике проф. Филипповича можно найти среди основных принципов т. наз. политики доходов требование поддержания мелких и средних предприятий (Mittelstandspolitik) [2]), то volens nolens странам, находящимся в положении Германии, придется усвоить себе как раз обратную политику. А между тем, торжество крупной промышленности и ее вождей означает важный этап в деле рационализации народного хозяйства.

Наконец, одним из важнейших мотивов в пользу рационализации является в настоящее время обострение социальных противоречий. Язва классовой вражды раздирает экономический организм капиталистических стран. По словам одного современного автора, „...теперешнее состояние промышленности только и можно сравнить с вооруженным миром. С одной стороны, союзы предпринимателей, а с другой союзы рабочих постоянно вооружаются и стоят в полной боевой готовности друг против друга. Постоянные вооружения этих двух сторон обходятся им дорого и вовсе не избавляют от конфликтов, которые, быть может, становятся реже, но зато тяжелее и дороже. Профессиональные союзы представляют из себя только временные окопы или, вернее, баррикады, на которых рабочие борятся с предпринимателями" [3]). Необходимо изобрести новые формы общественных отношений, которые не вызывали-бы постоянных раздоров, отчужденности и озлобленности одних против других, которые заменили-бы „антагонистическое" устройство общества „гармоническим". Жизнь обнаружила в последние десятилетия большое богатство организационных форм в области народного хозяйства. Как использовать их для достижения социального мира—это, опять-таки, проблема хозяйственной рационализации.

Таковы основные причины увлечения рационализмом в наши дни. Оценка этого направления экономической мысли может идти в двух направлениях.

Исходя от общего представления о строении народного хозяйства, можно оспаривать в теоретической форме возможность полной рационализации народного хозяйства и настаивать на „основном дуализме общественно-экономического процесса", как это делает в нашей литературе П. Б. Струве. Однако, Струве признает, что „частичная рационализация общественно-экономического процесса возможна. Человечество, несомненно, движется по пути все большей и большей рационализации его" [4]). Но раз так, сам собою возникает вопрос о пределах этой рационализации. Если возможность сознательного упорядочения экономических отношений возрастает, весьма важно установить на конкретном, живом материале, какие стороны экономической жизни поддаются планомерному воздействию власти и в каких областях, наоборот, стремления к рационализации народного хозяйства неизбежно обречены на неудачу. В настоящей работе мы и делаем попытку наметить пределы рационализации хозяйства и свести воедино возможные ее достижения.

---

[1]) С. и Б. Вебб. Теория и практика английского трэд-юнионизма (industrial democracy) т. II, СПБ, 1901, стр. 594.

[2]) Philippovich. Grundriss der politischen Oekonomie. II Band. Volkswirtschaftspolitik II Teil, 9 Aufl. Tübingen, 1920, стр. 251.

[3]) В. Ф. Тотомианц. Участие в прибыли и копартнершип. Петроград, 1915, стр. 264.

[4]) П. Струве. Хозяйство и цена. Ч. I, Москва 1912 ст. 66.

3.

Теоретические предпосылки доктрины невмешательства в хозяйственную жизнь.

Проф. Филиппович обозначает именем экономической политики „вмешательство организованных единств, в особенности государства, в развитие народного хозяйства“ [1]). Таким образом, в современной постановке вопроса самое понятие экономической политики построено на предпосылке возможности и плодотворности такого вмешательства. Эта предпосылка не может быть принята как утверждение аксиоматическое. Ряд поколений экономистов-теоретиков воспитывался на твердой вере в существование незыблемого естественного порядка вещей, который не может быть изменен человеческой волей. От физиократов и до Маркса эта точка зрения была непререкаемой догмой. Очень ярко она выражена еще у Лемерсье-де-ла-Ривьера: „в общественном порядке нет ничего произвольного; он отнюдь не является делом рук человеческих; наоборот, он создан самим Творцом природы, как и другие сферы физического порядка, который во всех своих частях абсолютно и всегда независим от наших желаний“ [2]). И то же представление о независимости естественного экономического порядка от человеческой воли в лапидарной форме выражено Марксом, по крайней мере, по отношению к „анархическому“ капиталистическому строю; для него трудовой принцип ценности является „регулирующим естественным законом, на манер закона тяжести, когда над вашей головою обрушивается дом“ [3]). А в „Критике политической экономии“, Маркс прямо об'являет производственные отношения „независящими“ от воли людей[4]). Поэтому, чтобы принять определение экономической политики, данное проф. Филипповичем, нужно, прежде всего, преодолеть старую доктрину.

Классическое учение было построено на основе философского мировоззрения, которое можно назвать натурализмом и которое нам придется в кратких словах обрисовать [5]). Натурализм стирает грань между миром вещей и миром людей. Человеческое хозяйство вдвигается в мировое целое и воспринимается как частица космоса, управляемого единым началом механической причинности. Хозяйствующий суб'ект захватывается водоворотом производственных и меновых процессов и незаметно растворяется в массе созданных им благ. Стихийная закономерность правит хозяйством. Через головы людей и независимо от их желаний, она приводит к благодетельным результатам. При таких условиях лучшая экономическая политика это—отсутствие всякой политики. При преследовании своих личных интересов каждый индивид, вместе с тем, способствует достижению всеобщего блага.

---

[1]) Philippovich, назв. соч., I. Teil, стр. 2.

[2]) Le Mercier de la Rivière. L'ordre naturel et essentiel des sociétés politiques, 1767. Цит. по новому изд. Paris, 1910, стр. 29.

[3]) К. Маркс. Капитал. Т. I. Пер. под ред. П. Струве, СПБ, 1906, стр. 31.

[4]) К. Маркс. К критике политической экономии, СПБ, 1907, стр. XIII.

[5]) Подробнее об этом в *нашей* статье: „Может ли теоретическая экономика быть точной наукой“ Ученые записки Одесской Высшей Школы. Одесса 1921 г.

Отсюда три руководящие идеи классической экономии: 1) мысль о неизбежности пассивного приспособления человека к окружающей его среде, 2) убеждение в ограниченности открывающихся перед хозяйствующим суб'ектом возможностей, 3) склонность приписывать прошлому предопределяющее влияние на настоящее и будущее.

Представители классической экономии довольно скептически относятся к социальному прогрессу. Они не верят в возможность безграничного совершенствования человеческой природы, не ожидают постоянного неуклонного роста общественного благосостояния. Закон падающей производительности почвы накладывает, в их глазах, мрачную зловещую тень на картину народного хозяйства. Прогресс замедляется и должен когда-нибудь совсем остановиться у какой-то преграды, созданной естественными законами. По мнению Рикардо „каждая нация в своем развитии доходит до апогея своей силы (vigour), но ее естественная тенденция сводится к поддержанию в течение веков без уменьшения своего богатства и населения.“ [1]) Канан удачно выражает эту сторону мировоззрения Рикардо, замечая: „он всегда рассматривал экономический прогресс, как нечто начинающееся с известным количеством энергии и затем постепенно теряющее в быстроте, вплоть до полной остановки“ [2]). Сомнения Мальтуса в способности человека к органическому развитию доводят его даже до утверждения, что „хотя в человеческой жизни и происходят большие вариации от разных причин, можно все-же сомневаться в том, чтобы с начала мировой истории могло быть ясно установлено какое-нибудь органическое развитие в человеке (in human frame“ [3]).

В двух теоретических конструкциях классической школы эти идеи получили наиболее яркое, законченное воплощение: мы имеем в виду теорию народонаселения Мальтуса и теорию фонда заработной платы.

По мнению Мальтуса, совершенно ошибочно представление, будто человеческий произвол может что-нибудь изменить в естественном порядке вещей. Наличный запас средств существования определяет границу, до которой может размножаться человеческий род. Ограничение деторождения предписывается человеку природой. Если, вместо обуздания полового инстинкта, человечество пытается добиться повышения уровня благосостояния законодательными мероприятиями, то результатом такой политики будет лишь усугубление нищеты низших слоев населения.

Еще поучительнее для нас теория фонда. Сокровенный ее смысл таков: вся хозяйственная деятельность человека предопределяется экономической историей — достигнутыми результатами, силой традиции, воспитанной годами устойчивостью рынка. В частности, заработная плата всецело зависит от соотношения между населением и капиталом. Две математические величины с абсолютной неизбежностью определяют судьбу заработной платы. Никакие усилия человеческой воли не могут вызвать немедленного, моментального уменьшения населения или увеличения капитала, а потому высота заработной платы устанавливается

[1]) Ricardo. Works, ed. by Mac Culloch, London, 1888, стр. 160.
[2]) Cannan, назв. соч., стр. 248.
[3]) Malthus, назв. соч., стр. 270.

в зависимости не от человеческих действий, совершаемых в данный момент, а от факторов, созданных всем прошлым развитием общества. Таким образом, производительная способность народного хозяйства оказывается ограниченной „количеством капитала". Сознательной человеческой работе не отводится в экономической жизни сколько-нибудь заметной роли.

Проекцией этих взглядов в области экономической политики было учение о необходимости предоставления хозяйствующему суб'екту „естественной свободы", чтобы в беспрепятственном стихийном взаимодействии индивидов претворялся в жизнь дивный порядок, предустановленный волей высшего существа или стихийного, стоящего над человеком, закона. Еще у Кенэ физические законы отличаются удивительным свойством приносить „наибольшую выгоду человеческому роду"; все люди и человеческие власти должны быть подчинены „суверенным законам, установленным Высшим существом"; эти законы неизменны и лучше всех мыслимых законов [1]). Отсюда естественно сделать вывод о бесцельности и даже преступности вмешательства человеческой воли в общественную жизнь для ниспровержения и изменения естественного порядка. В существующих человеческих законах экономисты классического направления открывают органический неустранимый порок—извращение естественного закона. Так Мальтус и Рикардо с'умели отлично использовать свои теоретические построения чтобы скомпрометировать английские законы о бедных и хлебные законы [2]).

Свободная, ничем не ограниченная конкурренция между производителями—лучший способ осуществления естественного порядка. По словам Ад. Смита, каждый индивид, преследуя личные интересы, „невидимой рукой" направляется к результату, гармонирующему с общим благом. Неограниченная конкурренция это „война всех против всех". Воля и поведение отдельного индивида так незначительны по своему масштабу, что они неизбежно разбиваются о массу противодействующих им индивидуальных сил. Люди все одинаковы, все они с большей или меньшей натяжкой подходят под тип homo economicus'а, с его элементарными инстинктами. Что может противопоставить этот червь земной божественной воле? В представлении экономистов-классиков, духовный облик хозяйствующего суб'екта еще приблизительно соответствовал примитивной психике ремесленника, которую так удачно изобразил Маршалл в следующих словах: „...способ производства регулировался нравами и привычкою и, так как ему не приходилось наблюдать за работой вне собственного жилища, то не было надобности для него в очень большом духовном напряжении. Правда, он отнюдь не пользовался беспрерывным благополучием: война и голод постоянно угнетали его и соседей, мешали его труду и прерывали спрос на его товары. Но он принимал счастье и невзгоду, как солнечный свет или дождь,—как события, в которых он ничего переменить не мог; его руки работали, но его мозг редко бывал переобременен" [3]).

---

[1]) H. Denis. Histoire des systémes économiques et socialistes. Vol. I. Les fondateurs. Paris. 1904 стр. 99—101.

[2]) Cannan, назв. соч., стр. 383 и сл.

[3]) A. Marshall. Handbuch der Volkswirtschaftslehre (немец. перевод Principles of Economics) стр. 311.

4.

Новые тенденции в народном хозяйстве.

Таковы основания классического учения о невмешательстве. Его ниспровержение было делом не столько научной критики, сколько исторических фактов. На наших глазах произошла коренная реконструкция экономической системы. Последние десятилетия обнаруживают чрезвычайное обострение имущественного неравенства и проистекающей из него неравномерности в распределении экономической власти. Мы живем в век образования грандиозных монополистических организаций, охватывающих целые промышленные отрасли, подчиняющих себе производство вспомогательных и побочных продуктов, деспотически давящих на рынок. Вот как Лифман изображает процесс наростания монополистических об'единений: „Посредством присоединения все более широких отраслей производства, крупные предприятия становятся все более и более независимыми от производителей сырья и лиц, занятых дальнейшей его переработкой. Путем слияния с другими однородными предприятиями они все более и более расширяют круг деятельности и этим создают основу для дальнейших комбинаций. Долгосрочными соглашениями они обеспечивают себя сырьем, которое они сами производить не могут, по ценам, стоящим в постоянном соотношении с ценами продуктов. Посредством картелей они уничтожают конкурренцию с другими крупными предприятиями, иногда даже за пределами государства. Дешевый экспорт и учреждение филиалов за границей дает им возможность преодолеть установленные там таможенные заставы. Если это нужно, они придают своим заграничным филиалам характер самостоятельных обществ, посредством владения акциями становятся участниками капитала помещенного как в эти общества, так и в созданные ими заграничные предприятия, простирая таким образом, свое влияние на различнейшие страны, в которых они в случае надобности и сами забирают сбыт продуктов в свои руки посредством организации специальных обществ продажи. Огромные капиталы они раздобывают путем создания особых учреждений по финансированию предприятий (Übernahme-und Finanzierungsgesellschaften), передавая им предприятия, в которых они хотят остаться участниками. Они, таким образом, непосредственно привлекают публику к снабжению их капиталами и становятся независимыми в отношении банков.... они в экономической области представляют государство в государстве, самостоятельный мирок в мировом хозяйстве, хотя все-же и связанный тысячами нитей с мощным экономическим организмом“ [1]).

Чтобы наглядно представить себе, какого исполинского размаха может достигнуть монополистическая организация, достаточно сказать несколько слов о величайшем мировом концерне—Моргановской группе. Еще по довоенным расчетам, она распоряжалась капиталом в $22^1/_4$ миллиарда долларов, что составляет пятую часть национального богатства Соединенных Штатов. Но, кроме того, с концерном были связаны 18 дру-

[1]) Liefmann. Назв. соч., стр. 242—243.

гих обществ и частных фирм, руководители которых занимали в 134 кампаниях 746 директорских мест. „Если знать", добавляет Лифман: „что означает в Америке такая концентрация владения, в смысле экономического и—самое главное—политического влияния, то нельзя не поставить с удивлением вопроса, как могут американцы называть свою страну истинной демократией, которою они хотят осчастливить и другие народы" [1]).

В Германии Гуго Стиннес занимает в промышленности положение, аналогичное значению Моргана в Соед. Штатах. „Достаточно" указать, что в предприятиях непосредственно об'единенных Стиннесом, занято 600.000 рабочих, а число предприятий, на которые распространяется его влияние, доходит, при беглом подсчете, до 1.340 (из них 230 приходится на угольные копи, 65—на рудники, 290—на фабрики и заводы, 235—на электрические станции, 190—на транспорт, 160—на банки, и торговые конторы, 120—на прочее), при чем число рабочих, при приблизительной оценке, увеличивается, по меньшей мере, еще на один миллион, а капитал, включая т. н. контролирующий капитал, и lose Interessen (сторонние интересы) составляет 8 миллиардов мар. Вошедший в концерн Стиннеса концерн Сименса-Шуккерта владеет громадными заводами в Токио и Вене, в Рио-де-Жанейро и Брюсселе, в Константинополе и Копенгагене, в Шанхае и Милане, в Капштадте и Лиссабоне, в Буэнос-Айресе и Стокгольме и охватывает все области электротехнической промышленности, начиная от лампочки и кончая подземной железной дорогой". [2]).

Маршалл в своем новом замечательном труде прямо заявляет, что „в Америке председатель общества, владеющего железнодорожной сетью (president of a railway system) в каких-нибудь десять тысяч миль, особенно если он и его друзья держат в своих руках значительную часть его акционерного капитала, могут придать железной дороге и даже до известной степени обслуживаемому ею району какую угодно физиономию. (fashion largely on his own model)" [3]). Какие рискованные финансовые комбинации могут удаваться современным монополистическим организациям, показывает следующая история.—Группа капиталистов, во главе с двумя предпринимателями: Morse и Heinze, держала в своих руках 12 банков, 2 треста, обширную пароходную компанию, медное дело и т. д. Интересы этой группы пришли в столкновение с интересами Моргана и Рокфеллера „Против группы Morse и Heinze во время кризиса 1907 г. была предпринята организованная атака, выразившаяся в систематическом понижении акций их предприятий, В то же время банки Моргана и Рокфеллера стянули огромное количество наличности и, задержав ее в своих кассах, произвели настоящий денежный голод. Дело дошло до того, что в минуты последнего напряжения за наличные деньги на бирже давали свыше 100%. Morse и Heinze обанкротились, их банки лопнули, акции их предприятий были скуплены за бесценок группой Моргана-Рокфеллера, а сами они попали на скамью подсудимых. Через несколько часов после того, как стало известно о крахе Morse и Heinze,

---

[1]) R. Liefmann, назв. соч., стр. 173.

[2]) Сборник экономических статей. Ф. Капелюш. Трестирование германской промышленности после войны. Петр. 1922, стр. 82—83.

[3]) A. Marshall Industry and trade, 4 изд. London, 1921, стр. 363.

Морган и Рокфеллер выпустили на рынок огромное количество наличности, и „учетный процент упал до 10". [1]).

О руководителе современного концерна уже нельзя сказать, что его мозг не бывает переобременен. Перед ним встают организационные задачи, требующие величайшего искусства. Какая-нибудь миллиардная сделка, посредством которой Карнеги передал свои предприятия руководителю стального треста Моргану и его присным, недаром характеризуется историком стального треста, как „самый мастерский дипломатический акт в истории американской промышленности" [2]). Сложность управления предприятием прогрессивно возрастает по мере роста вложенного в него капитала. По словам Гэдли, „есть много людей, способных управлять миллионом долларов, небольшое число способных управлять 10 миллионами и почти нет человека, который справился бы с 50 миллионами. Один только труд централизованного управления налагает на мозги человека, привыкшего к более узкому кругу обязанностей, тяжесть, которую очень немногие оказываются в состоянии вынести". Один из крупных знатоков промышленных об'единений в Соед. Штатах решительно утверждает, что концерн, который может производительно работать в руках „интеллектуального гиганта", подвергается большой опасности в чьи-либо иных руках [3]). Организаторский талант особенно необходим при зарождении новаго предприятия. По словам Тауссига, при создании нового треста „первоначальный успех является следствием способностей и престижа главарей. Проходит время, и должны появиться новые главари. А между тем, в уже организованном управлении, повидимому, неизбежно появление непотизма" [4]).

В классической доктрине предприниматель был как бы придатком к своему предприятию. Теперь он становится его творцом, определителем его судеб. Организационный элемент, сочетающий материальный инвентарь предприятия в одно целое, оказывает решающее влияние на самую ценность предприятия. Предприниматель игнорирует элементарнейшую математическую истину, концентрируя в сумме больше единиц ценности, чем их было в отдельных слагаемых. Один и тот же экономический материал складывается у разных предпринимателей в далеко не равноценные произведения экономической культуры.

Современная юриспруденция уже сознала необходимость отказаться от „атомистического воззрения на предприятие, как на простой конгломерат вещей и прав" [5]). Работы Ohmeyer'a, Pisko, Müller-Erzbach'a, Isay поставили проблему предприятия, как единого целого, заговорили о праве на предприятие, понимая под ним „благо, созданное предпринимателем, благодаря своему труду" [6]). Тот, кто включает в понятие предприятия одни материальные части его, упускает самое важное: об'единяющую их духовную связь. „Куча нагроможденных друг на друга

---

[1]) Проф. М. И. Назаревский. Очерки по истории и теории коллективно-капиталистическ го хозяйства: Т. I, ч. I. Москва, 1912, стр. 350—351.

[2]) W. Sombart. Der Bourgeois München u Leipzig, 1913, стр. 73.

[3]) Marshall, назв. соч., стр. 363—364.

[4]) Taussig. Principles of economics; ch. 63 § 4.

[5]) Isay. Das Recht am Unternehmen. Berlin 1910, стр. 37.

[6]) Там-же, стр. 27.

вещей и лиц не составляет предприятия" [1]). „Предприятие представляет собой телеологическое единство" [2]). В материальных частицах предприятия „овеществлен духовный элемент, организаторская идея, подобно тому, как мысль художника находит себе материальное воплощение в мраморе и на полотне, изобретение — в колесах и винтах. Это—более, чем простая метафора. Предприятие равным образом есть произведение искусства (Kunstwerk), гениальное творение, продукт тончайшей духовной работы" [3]).

В хорошо управляемом предприятии сосредоточена накопленная годами духовная мощь—осадок продолжительного опыта. Внутренняя организация предприятия, т.-е. целесообразное устройство и связь отдельных частей, масса собранных за долгие годы коммерческих секретов, отношения предприятия к поставщикам и клиентам, репутация и кредит дела—таковы нематериальные факторы каждого солидного предприятия. Благодаря этому, „пущенное в ход (im Betriebe befindliches) фабричное или иное подобное предприятие приобретается по цене, значительно превышающей ценность затраченного капитала, оборотных средств и других отчужденных вместе с ними составных частей имущества предприятия" [4]). В странах англо-саксонской культуры шансы предприятия, его виды на будущее, основанные на указанных невещественных элементах, служат даже предметом независимой от предприятия оценки и под именем good-will представляют самостоятельный об'ект собственности. Encyclopoedia of the law of England (2-е изд., 1907) определяет good-will, как прибыль, „проистекающую от связей и репутации" [5]).

Основываясь на своих наблюдениях над американской практикой, Veblen утверждает, что управление акционерными предприятиями находится всецело в руках собственников акций, всегда воплощающих в себе лишь good-will, между тем как владельцы т. наз. preferred stock, представляющего материальные части предприятия, совсем устранены от участия в делах акционерного предприятия.

Фондовый капитализм вообще создает чрезвычайно благоприятную почву для предпринимательских комбинаций. Превращаясь в ценные бумаги, капитал предприятия приобретает особенную живость и подвижность, легко перебрасывается на огромные расстояния, концентрируется большими массами, переплетается с капиталами других предприятий. При достаточном размере капитала владелец его „может сделаться посредством одного единственного заказа своему банкиру кредитором дюжин государств, сотен коммунальных учреждений и прочих общественных корпораций и тысяч промышленных, торговых и транспортных предприятий" [6]). Не двигаясь с места, предприниматели одной страны получают возможность хозяйничать в других странах. „Лица принадлежащие к английскому капиталистическому классу, являются, напр.,

---

[1]) Там-же стр. 23.
[2]) Там-же, стр. 46.
[3]) Там-же, стр. 24.
[4]) Pisko. Das Unternehmen als Gegenstand des Rechtsverkehrs. Wien, 1907, стр. 77.
[5]) The benefit arising from connection and reputation. Цит. у Isay, стр. 11.
[6]) R. Liefmann. Beteiligungs-und Finanzierungsgesellschaften, 2-ое изд. Jena, 1913, стр. 25.

до известного момента владельцами какого-нибудь общества. Но в один прекрасный день американцы купили на бирже большинство акций, и следующее общее собрание акционеров переносит местонахождение правления предприятия из Лондона в Нью-Йорк" [1]).

Руководители отдельных акционерных компаний пользуются неодинаковой полнотой власти, занимая каждый определенное место в промышленной иерархии. Приобретая акции друг друга, отдельные компании связываются неразрывными нитями и все более и более теряют индивидуальность. Все чаще и чаще отдельные предприятия затрачивают свои свободные средства не на возобновление необходимых им для производства материалов, а на покупку фондов. Возникают специальные общества, выбрасывающие на биржу свои акции только для того, чтобы на собранные таким путем капиталы становиться участниками разных акционерных предприятий и приобретать влияние на ход их дел. „Общность интересов" отдельных предприятий и возможность координации управления ими еще облегчается „персональною унией", в лице крупнейших финансовых магнатов, возглавляющих нередко десятки предприятий. В американский сенат был представлен при обсуждении билля об улучшении банкового дела в 1908 г. список лиц, контролирующих в качестве директоров и главных служащих промышленные, концессионные, транспортные и банковые предприятия Соед. Штатов. 89 лиц, значащихся в этом списке, занимают свыше 2000 директорских мест [2]).

Высшей точки развития фондовый капитализм достигает в работе банкового капитала. Недаром на мюнхенском банкиртаге известный издатель Plutus'a Бернгард назвал банкиров „вождями народохозяйственного развития" [3]). Банки являются резервуарами, в которые стекаются все свободные капиталы страны. Придавая значительной части этих капиталов фондовую форму, банки завязывают таким образом тесные сношения с промышленностью. Деньги представляют в современных условиях концентрированную экономическую власть и, руководя распределением этой власти, путем оказания кредита, между предпринимателями-банки становятся вершителями судеб народного хозяйства. Банки под, чиняют себе и рынок, на котором строятся фондовые цены—биржу. В последнее время наши экономисты много теоретизировали над вопросом о природе биржевых цен, стараясь уразуметь характер образования этих цен на основе стихийных сил биржевого рынка. Так, Л. Н. Юровский пришел к выводу, что биржевой единый курс есть попытка уловить равновесие спроса и предложения на бирже и что он строится на основаниях, вполне тождественных с теми, на которых производится выведение цены у теоретиков психологического направления: Маршалла и Бем-Баверка. Как известно, эти теоретики организуют в своих теоретических построениях нечто в роде „голосования цен" среди покупателей и продавцов. По мнению Юровского, на основе единого курса „действительно заключаются биржевые сделки" и „экономическая теория следует лишь

[1]) Sartorius v. Waltershausen, назв. соч. стр. 13.

[2]) Назаревский. Назв. соч. стр. 320—350. (У Назаревского приведен и самый список директоров и занимаемых ими мест).

[3]) Die Leiter unserer Volkswirtschaft, цит. у Plenge Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt, Berlin, 1913, стр. 355 и 407.

за хозяйственной практикой" [1]). По этому поводу приходится заметить, что теоретики, повидимому, проглядели весьма существенное изменение в „хозяйственной практике". На бирже, как и в акционерных компаниях, биржевая масса превращена в пассивных зрителей, в хор греческой трагедии, а цены просто на просто... диктуются банками. Так, „во Франции раздаются очень громкие жалобы на то, что публика, покупающая ценные бумаги, очутилась во власти двух синдикатов: синдиката биржевых маклеров и синдиката крупнейших банков... Рынок ценных бумаг дирижируется крупными банками". Нью-Иорская фондовая биржа „превратилась в зал спекулятивного банка, в котором и речи быть не может относительно об'ективной оценки бумаг... Биржа пустеет, залы банков наполняются". По отношению к Германии Риссер констатирует, что „биржа ослабла, она утеряла свое значение рынка, важного для образования курсов. Она уже не является инструментом измерения цеи и не служит регулятором спроса и предложения. Между биржей и банками развивается борьба интересов". Наша русская биржа „служит подмостками для банков, помимо которых не проходит ни одна эмиссия. Оффициальная биржа открывается не в здании биржи, а в кабинетах банков". [2]). Тот-же процесс констатирует и Филиппович: „Банки спекулируют в значительной части на деньги имущего среднего класса, имуществом которого они управляют, и оказываются в состоянии, благодаря сильному влиянию, оказываемому ими на решения своих клиентов, планомерно воздействовать в определенном направлении на покупки и продажи и по своему произволу определять высоту курсов (при условии достаточной мощности банка)" [3]). Таким образом, биржа, как стихийный рынок, умирает. Банки диктуют ей из-за кулис свою волю.

Мы видели, что одним из основных догматов классического учения было представление о предопределяющем влиянии прошлого на настоящее и будущее. Иным языком говорит современная хозяйственная жизнь. Будущее властно врывается в экономические отношения, заставляет видоизменять планы, перестраивать работу. В хозяйственной жизни все большую и большую роль играют блага длительного пользования. Их ценность, как с особенной убедительностью показал Ирвинг Фишер, представляет капитализированную сумму их будущих доходов [4]). Но будущий доход— гадательная величина. Может-ли напр. владелец угольной шахты точно установить, какое количество угля будет извлечено из нее и какова будет реализованная при этом прибыль. Покажем условность всех подобных рассчетов на примере. При организации американского стального треста весь капитал его составил 1.400 миллионов долларов, тогда как рыночная ценность предприятий, из которых он образовался, достигала лишь 800 миллионов. При этом одни только рудные богатства, расценивавшиеся отдельными обществами в общей сумме 100 милл.,

---

[1]) Л. Н. Юровский. Очерки по теории цены. Саратов. 1919, стр. 140.

[2]) М. И. Боголепов. Биржа и банки. Банковая энциклопедия. Том II Киев, 1916, стр. 374—383.

[3]) Philippovich. назв. соч., II Teil, стр. 288.

[4]) Irving Fisher. The nature of capital and income. Во франц. переводе De la nature du capital et du revenu, Paris, 1911, Ch. XIII. стр. 240—266.

были повышены организаторами треста до 700 милл. дол. [1]). В этой „переоценке ценностей" можно усмотреть просто рискованную спекулятивную махинацию. Но можно увидать в ней и нечто большее: организация треста должна привести к более рациональному и прибыльному использованию принадлежащих ему естественных богатств. С созданием треста должны возрасти будущие доходы составляющих его предприятий, и предвосхищение этого факта должно выразиться в повышении ценности его капитала. Будущие шансы предприятия (то, что американцы называют good-will) имеют рыночную цену. Но будущие шансы зависят не от количества материальных ценностей, которыми предприятие располагает, а от умения его руководителя внушить рынку уверенность, что его расчеты оправдаются. Когда появляется на бирже новая акция, кто может предсказать судьбу того материального капитала, который она представляет! Кто знает, не скрывается ли за ней „воздушный замок" вместо реальной ценности! Миссия оценки будущего также присваивается на монопольных началах небольшой группой финансовых магнатов, за которыми, как стадо баранов, послушно плетется масса. В головах людей рождается бесчисленное количество планов создания новых комбинаций производства, но значение их, по выражению Шумпетера, не больше, чем „грез в царстве фей", если они так и остаются фантазией прожектера. Нужно, чтобы кто-нибудь поверил в осуществимость и прибыльность затеянного предприятия и финансировал его. Кредитование экономического прогресса — весьма важная народохозяйственная функция, и она выполняется банками. Полученные в кредит деньги дают возможность превратить будущее в настоящее. „Предоставление кредита в этом смысле действует как приказ народному хозяйству стать на службу целям предпринимателя, как чек на те блага, в которых он нуждается, как вверение ему производительных сил" [2]). Сила такого проникновения будущего в настоящее определяется количеством энергичных, способных предпринимателей с конструктивной фантазией и солидными познаниями, каким располагает нация.

Все изложенное подрывает в корне мнение классиков-экономистов об ограниченности возможностей, открывающихся перед человеком. А между тем, и в наши дни можно встретиться с утверждением, что развертывание производительных сил страны может производиться лишь в меру накопленных ею материальных ценностей. Так. Отто Конрад заявляет: „Размер предложения, общей производительности народного хозяйства зависит от количества и плодородия земли, числа наличных рабочих сил и состояния технического прогресса" [3]). В той-же плоскости движется мысль Ирвинга Фишера, когда при анализе своего „уравнения обмена" он приходит к выводу, что изменение размеров денежного обращения не может повлиять на количество производимых и обмениваемых обществом благ. „Рост денежного обращения в период „бума" сам по себе не может увеличить населения, числа изобретений или производительности труда. Эти факторы ограничивают довольно узкими

[1]) Marshall. Industry and trade, стр. 529—30.

[2]) J. Schumpeter. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung. Leipzig. 1912, стр. 214.

[3]) Otto Conrad. Die Lehre vom subjektiven Wert als Grundlage der Preistheorie, 1912, стр. 40.

пределами количество торговых сделок, которое может быть рационально выполнено" [1]). Ошибка заключается здесь в игнорировании потенциальной трудовой энергии которою располагает каждое общество. Возможно увеличение применяемого в народном хозяйстве женского и детского труда. Возможно, что хозяйствующие суб'екты, выступающие в периоды депрессии в качестве представителей наемного труда, получающих фиксированное жалование, попытаются во время под'ема вступить на поприще самостоятельного предпринимательства. Возможно, далее, повышение качества труда при неизменности его количества. Наконец, одно и то же количество труда писателя, актера, священника, педагога может выразиться в весьма различном числе оказанных ими услуг в зависимости от того, будет ли у них 10, 100 или 1000 слушателей или читателей. Народное хозяйство переживает удивительные метаморфозы,—под'емы и падения,— при неизменности его материального базиса. И эти изменения становятся все более и более результатом сознательного воздействия на рынок небольшой группы людей.

Приходится, таким образом, отказаться от представления о народном хозяйстве, как о неорганизованной совокупности одинаково сильных или, вернее, одинаково слабых хозяйствующих суб'ектов. Отдельные личности все более и более выдвигаются из массы. Они умеют изолировать себя от влияния чужих действий, перекрещивающихся с их собственными, и направить через народное хозяйство прямую, ведущую к сознательно поставленной цели дорогу. Хозяйствующее человечество разделилось—непроходимая грань легла между руководителями и исполнителями, управляющими и подчиненными, „вождями" и „толпой". Встала проблема экономической власти. Появилась возможность говорить о господстве над рынком. Люди с выдающимися дарованиями все более и более устремляются для приложения своих способностей в промышленность. „В самой промышленной и индивидуалистической стране мира, в северной Америке, государство уже не в силах привлечь к себе на службу честолюбивые и идеалистические натуры. Для сильных личностей в частной промышленности больше простора. В ней проявляется воля к власти. Кто хочет „оставить по себе след на столетиях, словно на воске", тот не сделается более законодателем или министром, а миллиардером" [2]).

5.

Государственная власть и отдельные лица, как суб'екты экономической политики.

Эта концентрация власти в руках немногих, естественно, поставила на очередь вопрос о государственном вмешательстве в ход экономической жизни. Старая иллюзия, будто предоставление каждому свободы преследования своих личных интересов должно привести ко всеобщему благу, была изжита. Если планомерное вмешательство частных лиц в экономические отношения производится ими в своих корыст-

[1]) Irving Fisher and Brown. The purchasing power of money. New—Jork, 1911, стр. 62.

[2]) Eggenschwyler. Die Kaufkraft des Geldes. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. 36 Band, 1 и 2 Heft, 1913, стр. 537.

ных видах, то государство может стремиться рационализировать народное хозяйство, вдохновляясь соображениями об общей пользе. При этом государство располагает и принудительным аппаратом власти и почти неисчерпаемыми экономическими рессурсами. Различие в характере использования власти, существующее между государством и финансовой олигархией, можно оттенить на следующем примере. При свободной игре стихийных сил рыночные цены постоянно колеблются, внося тем самым в хозяйственную жизнь элемент неустойчивости. Предпринимательские организации, фиксируя по своему произволу цены, устраняют (если не совсем, то до известной степени) возможность постоянных скачков цен, но при этом действуют в своих эгоистических интересах, так что выгода устойчивости рыночной кон'юнктуры обычно покупается обществом дорогой ценой эксплоатации потребителя монополистами. Если государство добивается господства над рынком, оно приобретает, подобно частным предпринимательским организациям, власть над ценами, но может использовать свою командующую позицию на рынке не по принципу наибольшей выгоды, а во имя осуществления социальной справедливости.

Признание за государством возможности подобного влияния на рынок современные экономисты обычно сопровождают многочисленными оговорками, не рискуя сразу отказаться от привычных туманных представлений об имманентном стихийном развитии производительных сил народного хозяйства, в ходе которого ничто не может быть изменено человеческими учреждениями и индивидуальной волей. В результате суждения этих авторов о влиянии государства на рынок страдают внутренней противоречивостью и отнюдь не способствуют разрешению вопроса. Вот что пишет напр. Мизес: „Положение государства на рынке нисколько не отличается от положения других участвующих в хозяйственном обороте субъектов. Подобно последним, и государство вступает в меновые сделки, при которых меновое отношение предопределяется законом цен... Как покупатель и как продавец, государство должно приспособляться к состоянию рынка... Правда, никто не может легче государства создавать полные и неполные монополии, а среди социальных факторов, определяющих организацию производства, оно занимает первое место. От него исходят грандиознейшие потрясения рынка, потому что оно в состоянии оказывать революционизирующее влияние на спрос и предложение; но оно само подчинено рыночному закону, и не может опрокинуть правил образования цен“ [1]). Как видно из подчеркнутых нами слов, авторитет рыночных „законов“ уже несколько подорван в глазах Мизеса; но, вместе с тем, он не рискует совсем отказаться от привычных представлений о стихийной закономерности народного хозяйства. В результате, ему приходится одновременно утверждать, с одной стороны, что „государство должно приспособляться к состоянию рынка“, а с другой, что оно „в состоянии революционировать спрос и предложение“. Как совместить эти два положения? На наш взгляд, выход один: пожертвование старой догмой и признание государственной власти важнейшим фактором рационализации хозяйства.

[1]) L. v. Mises Theorie des Geldes und der Umlaufsmittel. München und Leipzig, 1912, стр. 56.

Мы говорим: важнейшим фактором, так как признаем за частными лицами и организациями способность планомерного регулирования экономической жизни, уступающую государственной власти лишь в количественном отношении. Правда, как уже отмечено нами мотивы регулирования у частных лиц обычно бывают иными. Но даже и в этом отношении различие представляется не принципиальным, а относительным. Национально-государственные или социально-политические соображения могут руководить и деятельностью отдельных выдающихся предпринимателей так же, как они должны одухотворять поведение государственных деятелей. Примером такого служения государственным интересам может служить обрисованная в блестящих красках Шульце-Геверницем личность Сесиля Родса.

Путеводной звездой Родса был империализм. Его политическим идеалом была Великая Британия, мировая империя, спаянная единым национальным духом. Он глубоко верил в то, что англичанам предопределена в истории роль мировых властителей. „Быть подчиненным британскому господству казалось ему—фантастический аристократизм! величайшим благословением для всех не британских народов, черных и белых“ [1]). Родс заставил капитализм служить своим политическим целям. Экономический под'ем Южной Африки неразрывно связан с именем Родса и его ближайших сподвижников. Этот под'ем сделал Родса архимиллионером. При этом, однако, „Родс ценил свой неустанный труд лишь постольку, поскольку, идя на встречу деятельности Китченера и Кромера в Египте, он получал завершение в гордой формуле: от Капштадта до Нила“ [2]). Родс не останавливался перед прямым денежным ущербом, если того требовали его политические устремления. Он провел за свой счет телеграф в Танганайку, построил железную дорогу Бейра-Салисбюри, даже вел в 1893 г. войну с матабелами. Родс был одним из кумиров лондонской биржи, окружившей его имя романтическим ореолом и слепо верившей в успех всех его начинаний. Через посредство Родса биржа приобщилась, таким образом, к делу утверждения британского мирового владычества.

Мы уже сказали, что денежная выгода не была важнейшим стимулом деятельности Родса. Правда, ему приписывалась поговорка: „империализм хорош, империализм с дивидендами еще лучше“. Но меньше всего ценил он деньги, как источник пассивного наслаждения. „Роскошь пожирает время. Превратившись в некоронованного короля Африки, Родс жил почти так же просто, как в начале его деятельности в Кимберлее. Эта странная личность—рассказывает один француз — не любит ничего из того, к чему стремятся другие люди: ни роскоши, ни женщин, ни шумной славы. Об его небрежной внешности, об его поношенных костюмах, об отвращении, какое он обнаруживает в отношении женщин, о хитростях, употребляемых им, чтобы избегнуть появления и выступлений в обществе, рассказывают в африканской пустыне сотни занимательных историй“ [3]).

---

[1]) Schulze—Gaevernitz назв. соч., стр. 136.
[2]) Там-же, стр. 138.
[3]) Там-же, стр. 134.

Таким образом, хотя Родс не стоял в рядах английского правительства, он выполнял sua sponte ответственное политическое, государственное задание. Как замечает Шульце-Геверниц, германское общественное мнение во время англо-бурской войны было против Родса потому, что немцы „смутно сознавали, что Родс ставит колониальному расширению Германии более узкие пределы, чем это могло бы сделать лондонское центральное правительство“ [1]).

Родсы являются пока редким исключением. Но тем важнее поставить задачу воспитания нации и отдельных ее представителей в духе здравых принципов экономический политики. В разных странах достигнут в совершенно неодинаковой степени идеал создания кадров просвещенных руководителей народного хозяйства, которые умели бы сочетать личную выгоду с общественным служением. Американские миллиардеры, Рокфеллеры, Морганы, Гарриманы, Гульды и т. д., может быть, превосходят немецких Сименсов, Ратенау, Стинесов, Круппов и т. д. по широте размаха, по неукротимой энергии, но они ставят удачу финансовой махинации выше интересов народного хозяйства. Экономическая политика должна стать социально-педагогической наукой, которая сумела бы внушить отдельным личностям и массам сознание необходимости сочетания обоих начал. В Зомбартовском изображении „Буржуа“, одностороннее преследование личной выгоды доведено до крайности, до утрировки. „Направление производства благ определяется не видом и качеством произведенных продуктов, но исключительно их шансами на сбыт... Если на плохих сапогах можно получить больше прибыли чем на хороших, то желание заниматься изготовлением хороших сапог означало бы прегрешение против святого духа капитализма“ [2]). Такое неприглядное положение вещей делает тему о соотношении между „идеалом“ и „гешефтом“ весьма актуальной. Посвятивший этой проблеме специальную работу, купец Бенно Ярослав скорбит о том, что современное хозяйство чуждо, враждебно культуре, тогда как оно должно быть лишь средством для ее развития. „Истинный коммерсант должен быть не рабом, а воспитателем публики“ [3]). „Хозяйство должно иметь нравственную основу“ [1]). Посредством мер социально-педагогической профилактики и эвгеники Ярослав надеется искоренить тип „денежного человека“ и вырастить тип „культурного человека“ [4]). Эта необходимость сочетания экономических идеалов с нравственными требованиями станет еще яснее, если мы перейдем к рассмотрению вопроса о том, какие задачи должны преследовать экономическая политика при осуществлении рационализации хозяйства.

6.

Руководящий принцип экономической политики.

Здоровая экономическая политика должна быть построена на комбинации двух основных принципов: активно-производственного и пассивно-гедонистического, потребительского начал. Первое из них

[1]) Там-же, стр. 156.
[2]) Sombart, назв. соч., стр. 230—231.
[3]) Benno Jaroslaw. Ideal und Geschäft, 1912, стр. 19.
[4]) Там-же, стр. 182.

обычно выдвигает в качестве высшего критерия экономического благополучия степень развития производительных сил, второе ставит на своем знамени лозунг справедливого и равномерного распределения национального дохода. Между обоими началами нет непримиримого противоречия. Наоборот, неуклонное развитие производительных сил становится невозможным, если неравномерное распределение приводит к физической и культурной деградации широких масс производителей и, вместе с тем, никакое распределение народного дохода или накопленного богатства не может обеспечить массам благополучия, если уравнительная справедливость достигается путем нанесения производительным силам страны непоправимого ущерба. Таким образом, производительный и потребительский идеал, большею частью гармонически сочетаются друг с другом. Нельзя, однако, отрицать возможности и колизии между ними.

Наиболее ярко обнаруживается это расхождение при обсуждении вопросов торговой политики. Потребительский интерес требует свободного ввоза в страну дешевых иностранных товаров, а задача развития производительных сил опирается в своем осуществлении на таможенную охрану отечественного производства. Такое же расхождение могло бы проявиться, напр., и при проведении в той или иной стране земельного передела, если бы он должен был привести к торжеству более отсталых форм сельскохозяйственной культуры и общему падению производительности сельского хозяйства.

Это противоречие между ростом производительных сил и задачами равномерного распределения и достаточного потребления вырастает в глубокий внутренний кризис народного хозяйства, еслибы правы были экономисты, настаивающие на неизбежности обострения неравномерности в распределении с развитием производительных сил капиталистического строя. Старая теория обнищания, выдвинутая Марксом и предвещавшая рабочему классу понижение его жизненного уровня, рост нищеты и деградации по мере развертывания сил капиталистического строя, сменилась в настоящее время более осторожным утверждением о падении относительно доли рабочего класса в общественном доходе. Еслибы это положение было справедливо, технические завоевания капитализма оказались бы идущими на пользу, главным образом, имущим классам, тогда как пролетариат был бы осужден на вечное отставание, на постоянное ухудшение его материального положения сравнительно с другими общественными классами [1]). Это противоречие достигло бы, вместе с тем, высшего драматического напряжения, еслибы можно было доказать, что социалистическое переустройство общества, хотя и привело бы к большей равномерности в распределении, но неизбежно вызвало бы задержку в темпе экономического развития и понижение общественного дохода.

Тем не менее, несмотря на возможное расхождение обоих принципов, идея развития производительных сил при правильной ее формулировке устраняет возможность резкого нарушения идеалов достаточ-

[1]) См. сводку попыток статистического разрешения вопроса о том, правилен-ли тезис о падении относительной доли рабочих в общественном доходе у С. И. Солнцева. Заработная плата, как проблема распределения. СПБ., 1911, гл. IX и X.

ного потребления и уравнительной справедливости. Еще Фр. Лист, впервые выдвинувший принцип развития производительных сил [1]) в качестве высшего задания экономической политики, подчеркнул одновременно истинный смысл этого принципа, столь отличного от теории „меновых ценностей", развивавшейся классиками. По словам Листа, „способность создавать богатства бесконечно важнее самого богатства" [1]) Развитие производительных сил заключается, главным образом, в образовании умственного капитала живущего человечества, „и каждая отдельная нация является производительной настолько, насколько она с'умела усвоить это наследие от прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями". [2]) Идеалом является обеспечение нации длительного, постоянного благоденствия, а эта задача достигается при таком ее **воспитании**, которое должно было бы привести к постоянному росту творческой энергии и производительных способностей страны. Известен приводимый Листом пример двух отцов семейств, из которых один копит деньги и принуждает сыновей к тяжелой работе, а другой тратит свои излишки на профессиональное обучение своих детей. Первый богатеет сравнительно со вторым. Но, вместе с тем, „в одной семье будет пробуждаться и развиваться масса разнообразных моральных сил и талантов, которые будут увеличиваться из поколения в поколение...; между тем как в другой семье тупость и бедность будут возрастать по мере того, как собственность будет все более раздробляться" [3]). Постановка проблемы развития производительных сил у Листа показывает, как неразумно упрощенное стремление coûte que coûte к накоплению богатства. Величайшее богатство страны заключается в самом созидателе богатств, и поэтому забота о физическом благополучии, умственном и моральном развитии народных масс является вернейшим залогом развития производительных сил.

Классическая теория „меновых ценностей" была типичным продуктом капиталистического духа, которому умножение богатств, т.-е.. количества полезных вещей, могущих быть использованными для дальнейшего приумножения богатства, кажется сокровенным смыслом бытия. Отсюда, различение „производительного" и „непроизводительного" потребления, порицание роскоши, трактование уплачиваемой рабочим заработной платы, как „издержек производства" и признание среднего уровня прибыли „лучшим барометром, лучшим критерием национального благополучия" [4]). Эта точка зрения должна быть оставлена в настоящее время. Для обеспечения развития производительных сил необходимо поставить рабочий класс в достойные условия существования и наделить его достаточным досугом для восприятия культурных ценностей. По словам Геркнера, „страна, которая смотрит на рабочего не как на средство для обогащения для других общественных классов, а как на самоцель, как на гражданина, и предоставляет ему политические права в общине, государстве и империи, должна хотя бы из соображений государственного блага осудить чрезмерное удлинение рабочего времени. Участие рабочего класса в государственной жизни

[1]) Ф. Лист. Национальная система политической экономии. СПБ, 1891, стр. 184.
[2]) Там-же, стр. 190.
[3]) Там-же, стр. 188.
[4]) Об этом подробнее в нашей статье: Давид Рикардо, стр. 1324—1328.

может принести пользу государству лишь в том случае, если рабочим предоставлена возможность достаточного ознакомления с великими вопросами национальной жизни, над разрешением которых они призваны работать". [1]) Самая работа на фабриках и заводах не должна быть психологически слишком тягостной. Во время прений о производительности народного хозяйства, происходивших в германском Союзе социальной политики в 1909 году, тот-же проф. Геркнер очень удачно подчеркнул необходимость создания в предприятиях благоприятной духовной атмосферы, чтобы труд перестал быть тяжелой психологической жертвой. Многие думают, что применение машин делает фабричный труд неприятным и утомительным. Геркнер, наоборот, утверждает, что рабочие „язычески боготворят" свои машины, „Даже там, где машина приводит к известной монотонности работы, это не всегда воспринимается, как неудобство; это дает в некоторых случаях возможность погрузиться в собственные мысли; иной стих, иное философское размышление возникают подчас именно при такой работе и один рабочий сообщает, что ему при такой автоматической работе приходят в голову самые дорогие мысли". [2]) Не машины являются злом фабричной жизни. Весь строй отношений на фабрике таков, что фабричный труд становится тяжелым проклятьем. „Если задача состоит в том, чтобы довести благороднейшую силу, которою мы располагаем,—человека до апогея ее производительности, то для этого необходимы более глубокое человеческое понимание, идущее гораздо дальше знание души, гораздо большее искусство в обращении с людьми, чем мы теперь обычно находим в наших предприятиях". [3]) Не меньшее значение, чем достойные условия работы на фабрике или заводе, имеет обеспечение рабочему приличного существования. В современной экономической науке „можно считать общепризнанным следующее требование справедливости: работа вполне трудоспособного человека, если она поглощает все его рабочее время, должна обеспечивать ему надлежащие условия жизни" [4]). Цель поднятия материальной и духовной культуры всего населения является руководящей и для политики государственного регулирования доходов. „С точки зрения всего общества распределение доходов—только средство для достижения максимальной производительности на поприще хозяйственной и духовной культуры и именно под углом зрения длительного сохранения трудоспособности народа в целом". [5]) Филиппович намечает следующие мероприятия по регулированию доходов: 1) борьбу с образованием доходов неправедными путями (auf inkorrektem Wege), 2) препятствование образованию чрезмерно больших доходов, 3) выравнивание доходов классов и профессий по ценности их услуг, 4) повышение доходов низших, рабочих классов, в случае надобности за счет имущих. [6]).

---

[1]) Геркнер. Рабочий вопрос. Вып. I. Социальная реформа. Москва—Петроград, 1917, стр. 128.

[2]) Verhandlungen des Vereins für Sozialpolitik in Wien 1909, Leipzig, 1910, стр. 553.

[3]) Там-же, стр. 555.

[4]) О. ф. Цвидинек-Зюденгорст. Теория и политика заработной платы М. 1905, стр. 446.

[5]) Philippovich. назв. соч., II Teil стр. 254.

[6]) Philippovich, назв. соч., II Teil, стр. 242.

Таковы основные цели современной экономической политики. Развитие производительных сил и обеспечение народу необходимого уровня материальной и духовной культуры из простого результата действия стихийных законов природы, предопределяющих поведение человека, превращаются в сознательное задание, которого человек достигает рядом планомерных усилий. Экономическая политика может и должна намечать такие мероприятия, которые способны воспитывать волю народных масс в направлении намеченного идеала. Таким образом, фундаментом экономической политики становится изучение психики хозяйствующего суб'екта с целью открытия способов воздействия на него, могущих пробудить в его душе наибольший под'ем творческого напряжения. Сообразно с данной выше формулировкой идеала развития производительных сил, мы должны, однако, стремиться вызвать у хозяйствующего суб'екта не случайную, „фейерверочную" вспышку созидательной энергии, а длительный, задевающей глубинные истоки сознания и воли, процесс мобилизации душевных сил.

Задача экономической политики в нашей обрисовке оказывается аналогичной задаче научной политики права в построении проф. Петражицкого. В краткой формулировке, политика права, по мнению проф. Петражицкого, стремится к „построению науки законодательной, вообще правовой политики на почве опытно-психологического изучения права и его причинных свойств, причинных действий..." [1]) Задача политики права заключается: 1) в рациональном направлении индивидуального и массового поведения посредством соответственной правовой мотивации, 2) в совершенствовании человеческой психики, в очищении ее от злостных, антисоциальных склонностей, в насаждении и укреплении противоположных склонностей. Действующая в каждый данный момент система правовых норм является преходящей ступенью социального воспитания и должна быть по мере выполнения своей воспитательной функции заменена другой системой правового импульсивного и педагогического воздействия, приспособленной к уже достигнутому уровню народной психики." [2])

Занимаясь построением системы мероприятий, которые воспитывают народную психику в направлении развития прочных созидательных способностей, мы тоже должны подчеркнуть преходящее, историческое значение того или иного предлагаемого с этой целью проекта. Какая-нибудь система участия рабочих в управлении и в прибылях предприятия, быть может, является отличным дисциплинирующим их сознание и волю средством на известной стадии капиталистического развития, но не имела-бы никакого воспитательного значения при иных общественных отношениях и при ином уровне культуры в рабочей среде. Мы не собираемся теоретизировать в безвоздушном пространстве и изобретать схемы рационализации хозяйства для всех времен и народов. В наше время торжества эволюционных идей даже как то совестно тратить время на опровержение утопических построений,

[1]) Л. И. Петражицкий. К вопросу о социальном идеале и возрождении естественного права. Юридический вестник. Кн. 2, Москва, 1913, стр. 6.

[2]) Там-же, стр. 15.

пытающихся дать не общие формальные принципы желательного устройства общества, а конкретное изображение идеального общественно-экономического строя. Если приходится, тем не менее, подчеркивать эту мысль, то это вызывается непрекращающимися и в наши дни попытками реабилитации утопического творчества. Так, проф. Швиттау требует разграничения в сфере долженствования экономической политики от социального идеала. Под первой Швиттау понимает „указание на ближайшие задачи и желания"; второй должен отражать „стремление к более отдаленным идеальным целям". „Внешним выражением" экономического идеала является социальная утопия. В ней проф. Швиттау выдвигает на первый план „акт творчества, так сказать, художественно-научной фантазии". Главное требование, предъявляемое к утопии—это „искренность и глубина переживаемого чувства" [1]).

Приведенные выдержки, на наш взгляд, обнаруживают как нельзя ярче несвоевременность утопических построений. Классические утопии были проникнуты горячей верой их творцов в то, что даваемое ими изображение идеального общественного порядка санкционировано какими-то высшими силами, опирается на священный авторитет Божества, справедливости или разума. Современный утопист не стесняется освящать свои „художественно-научные фантазии" неприкрытым, откровенным субъективизмом. „Искренность и глубина переживаемого чувства" могут служить оправданием личного поведения, но строить на них экономическую политику, расчитывать покорять этими чувствами массы может лишь неисправимый оптимист.

Яркую критику социального утопизма, как „мечты о земном рае" дал проф. Новгородцев в своей книге „об общественном идеале". По его словам, „здесь разумеется состояние абсолютной гармонии, приобретенное ранее совершенными заслугами, продолжающееся в результате этих заслуг и не требующее далее никакого прогресса. Тут нет более ни страданий, ни вражды; нет борьбы и злобы, одним словом, нет ничего земного, условного, относительного. Все сменяется абсолютной законченностью неизменного совершенства... По истине царство культуры уступает тут место царству благодати... Тут имеется в виду коренной переворот, окончательное и абсолютное перерождение" [2]). Наторп называет „вымыслы о социальных сказочных странах" „метафизическими сновидениями находящейся еще в младенчестве науки". „Наука, созревшая для критических воззрений, знает, что работе человечества никогда не суждено быть законченной; она, вместе с Лессингом, довольствуется более глубокой, неисчерпаемой радостью в е ч н о г о д в и ж е н и я в п е р е д" [3]). Подготовлять человечество к этому движению вперед, намечать способы для ускорения подъема на все новые и новые этапы материальной и духовной культуры — такова задача экономической политики. В фокусе ее внимания должны быть не состояния, а процессы, не завершение, а стремление, не вещи, а люди, н е с т а т и к а, а д и н а м и к а. Маршалл классически выражает идею статического или стационарного государства: „в нем общие отно-

[1]) Г. Г. Ш в и т т а у. Социально-экономические очерки. Одесса, 1918, стр. 19—33
[2]) Н о в г о р о д ц е в, назв. соч., стр. 30—31.
[3]) Н а т о р п. Социальная педагогика, С.П.Б. 1911, стр. 186.

шения производства и потребления, распределения и обмена остаются неизменными; и все-же оно полно движения, ибо оно есть нечто живое" [1]). Мир живет, но не развивается—таков символ Маршалловской и Кларковской статики. Но если такое методологическое построение удовлетворяет экономическую теорию, (сам Кларк признает его „героическим, но необходимым приложением изолирующего метода") [2]), то экономическая политика усматривает высший смысл хозяйственной деятельности в преодолении статики. В сущности говоря, идея экономической статики представляет попытку искусственно создать закон „неуничтожимости" или „сохранения" существующей массы ценностей на подобие физических законов „сохранения энергии" или „неуничтожимости материи". Там, где количество ценностей не изменяется, где богатство может лишь трансформироваться из одного вида в другой, при постоянстве общей его суммы, не может быть динамики, не может быть прогресса. В действительности человек творит новые ценности неустанно: новое право, новую мораль, новую эстетику, новую экономику. Рационализация хозяйства должна стремиться ко всемерному и систематическому развитию производительных сил с целью увеличения производимого человечеством количества экономических ценностей. Достижение этой задачи предполагает планомерное воздействие на те стороны хозяйственной жизни, которые вызывают в ней динамические изменения, которые обусловливают собой экономическое развитие. Кларк дает удачную классификацию динамических факторов народного хозяйства. Он насчитывает пять таких факторов: 1) рост населения, 2) накопление капитала, 3) изменения техники производства, 4) изменения в организации хозяйства и 5) рост потребностей. Если приостановить их действие, народное хозяйство мертвеет, застывает в неизменных формах и перестает эволюционировать. Страна с стационарным населением, неизменным капиталом, неподвижной техникой, закостеневшей организацией и с неизменными потребностями как раз являет собой образ статического хозяйства. Наоборот, форсировать динамику можно лишь путем воздействия на пять указанных факторов экономического развития. Идеал развития производительных сил в нашем смысле будет достигнут, если рост каждого из них будет доведен до максимума и при этом динамические изменения будут слагаться в гармоническое стройное целое. Вечное движение вперед, завет великого Лессинга, только тогда окажется осуществленным в экономической области, когда путем рационализации хозяйства удастся предотвратить задержку в росте любого из динамических факторов. При постоянном тесном их взаимодействии приостановка в развитии любого из них может гибельно отразиться на общем развертывании производительных сил. Чтобы избежать судьбы Испании или Голландии, каждое государство должно неусыпно заботиться о постоянстве и равномерности своей динамики. В дальнейшем изложении мы и займемся изучением форм и пределов рационализации в сфере каждого из пяти факторов экономического прогресса.

---

[1]) Marshall, Handbuch, стр. 369.

[2]) J. B. Clark. The distribution of wealth. A theory of wages, interest and profits. New Iork—London, 1908, стр. 30.

ГЛАВА II.

Рационализация трудового процесса [1].

1.

Мальтузианство и расовая проблема.

Между количеством населения в той или иной стране и ее трудовым фондом существует известная грубая пропорциональность. Поэтому естественный, казалось бы, способ развития ее трудовых рессурсов заключается в увеличении населения, почему общество должно быть заинтересовано во всемерном поощрении размножения. Если, однако, влиятельное мальтузианское течение находит возможным противопоставить этому естественному заключению парадоксальный, на первый взгляд, тезис о желательности воздержания от деторождения с целью предотвращения появления на свет „избыточного" населения, то главным аргументом является ссылка на закон падающей производительности почвы. Каждая новая порция труда и капитала, прилагаемая на том же земельном пространстве, хотя и дает некоторый добавочный доход, но все-же не может повысить доходность земли пропорционально приросту затраты. Каждому рождающемуся человеку предстоит быть не только производителем, но и потребителем, а между тем производимое им количество продукта по железной необходимости должно быть меньше продукта его предшественника. По образному выражению Д. Ст. Милля, „ложно утверждение, что все рты, появляющиеся на свет с увеличением населения, приносят с собой руки. Новые рты требуют столько же пищи, сколько и старые, а руки не производят столько же" [2]. Мальтузианство, исходя от указанных предположений, делает первую попытку рационализации размножения. Оно обращается к сознанию каждого и требует от него полового воздержания, если им не достигнут еще уровень благосостояния, позволяющий содержать детей. Таким образом, орудие этой рационализации—пламенная проповедь, чуждая какого бы то ни было принудительного воздействия. И сам Мальтус, как известно, относился скептически к возможным успехам своего просветительного влияния на умы. Гораздо более практичное неомальтузианство построило свое дело на ином фундаменте: на применении усовершенствованных приемов противозачаточной техники. В результате, произошло значительное падение рождаемости во всех культурных странах, за исключением, повидимому, России, балканских государств

[1]) В схеме Кларка первым динамическим элементом является рост населения. В глазах экономиста, размножение населения лишь служит источником увеличения фонда живой рабочей силы, которою располагает общество. Вот почему мы несколько расширяем круг явлений, подлежащих рассмотрению в настоящей главе, сравнительно с теми границами, которые были бы поставлены нашему изложению, если бы мы ограничились проблемой рационализации размножения.

[2]) Милль Д. Ст. Основания политической экономии. I кн. гл. XIII, § 2.

и Японии [1]), и дамоклов меч избыточного населения перестал тревожить человечество. Это распространение бесплодия достигло в некоторых странах, особенно во Франции, таких размеров, что власть поставлена была перед задачей рационализации размножения в противоположном направлении, сравнительно с мальтузианским учением. Для поощрения деторождения во Франции была даже применена система премирования многодетных семей, однако, без заметного успеха. Но не в этом еще главное зло, обнаруживаемое в демографической динамике статистикой последних десятилетий: гораздо большую угрозу культуре представляет неравномерность размножения различных общественных групп. Неомальтузианская проповедь „рационализации размножения", апеллирующая к индивидуальному сознанию, имеет наибольший успех в культурной среде, где сильнее развита способность предвидения своих поступков и где поэтому стремление избежать появления новой материальной обузы, в лице детей, оказывается наиболее твердым. В результате, оказывается, что размножение высших в культурном отношении классов сильно отстает от уровня прироста населения в демократической среде, и демократия неизбежно побивает числом интеллигенцию. Приведем несколько фактов. По сообщению Бертильона, 445 известнейших парижан имели в общей сложности 575 детей: 177 из них были совсем бездетны, а 194 имели в живых не более 1—2 детей каждый. Наименьшей плодовитостью отличаются писатели: 133 известных французских литератора имели только 127 детей [2]). Штейнмец произвел анкету среди даровитых людей Голландии. Он разделил лиц, давших ему ответы, на 5 групп: 1) профессоров, 2) художников, 3) практических деятелей разных специальностей (врачей, адвокатов, инженеров), 4) чиновников, 5) купцов. Среди опрошенных он выделил тех, которым во время опроса было не меньше 50 лет, и сравнил число родившихся у них детей с числом детей у их родителей. Вот полученный Штейнмецом результат: число детей колебалось по всем пяти группам от 4 до 5, тогда как у отцов оно составляло 6—$7^2/_3$ [3]).

Фельд составил, на основании данных цюрихской статистики, относящихся к бракам, расторгнутым в 1905—11 г.г. смертью и продолжавшихся не менее 15 лет, в которых, вместе с тем, возраст жены при вступлении в брак был не старше 25 лет, следующую таблицу:

На 100 браков имели	ни одного ребенка	1—3 детей	4—5 детей	6 и более детей [4])
1. Фабриканты, крупные торговцы, академич. профессии	10,2	48,4	22,0	19,4
2. Чиновники, учителя, частные служащие	7,3	40,6	25,7	26,4
3. Мелкие коммерсанты и ремесленники.	7,1	35,6	26,6	30,7
4. Квалифицированные рабочие и низшие служащие. .	7,0	31,3	23,5	38,2
5. Необученные рабочие. . .	5,7	32,4	21,7	40,2

[1]) Срв. C. Ballod. Grundriss der Statistik. Berlin, 1913, стр. 37—38 и 41.
[2]) Bertillon. La dépopulation de la France, 1911.
[3]) А. А. Исаев. Ослабление рождаемости. Вестн. Фин. за 1917, № 3, стр. 88.
[4]) W. Schallmeyer. Vererbung und Auslese 4 Aufl. Jena, 1920, стр. 224.

Приведенные цифры обнаруживают поразительную зависимость уровня плодовитости от степени квалифицированности занятия.

Дифференциация плодовитости проявляется даже в рабочей среде. По данным Сиднея Вебб, наибольшее падение рождаемости проявляется среди представителей „аристократии труда", принадлежащей к типу квалифицированных специалистов ремесленников. (skilled artisan type). Так, в одном из английских Friendly Societies, члены которого принадлежат к „особо избранному" классу, получающему высокую заработную плату, обнаруживающему бережливость и осмотрительность, число пособий по случаю рождения ребенка, на каковые было заявлено требование, увеличилось с 2.176 в 1866 г. до 2.472 в 1880 г. на каждые 10.000 членов общества, чтобы затем упасть до 1.165 в 1904 г. Это падение превышает втрое общую цифру понижения рождаемости для Англии и Уэльса за тот же период [1]).

Шальмейер приводит два знаменательных подсчета, представляющих своего рода memento mori для высших классов. Как выяснено Фальбеком, при современном благоприятном уровне смертности и при оптимистическом предположении, что 88% всех женщин в возрасте, способном к деторождению, будут вступать в брак, необходима средняя плодовитость в 4 родившихся живыми ребенка на брак для поддержания цифры населения на одном и том же уровне (точнее: при 4 детях будет ничтожный ежегодный прирост в $^1/_5$%). Всеобщее распространение „системы двух детей" привело бы, при тех-же предположениях, к сокращению населения вдвое уже в течение 77 лет [2]).

Не менее сильное впечатление производит следующий подсчет К. Пирсона: в Англии 12% всего населения при современных условиях размножения разных классов должно производить на свет половину всего следующего поколения. В третьем поколении потомки этих 12% составляют уже 78% всего населения, в четвертом поколении—уже 96%! „Поэтому почти что можно сказать, что высшие общественные слои почти не воспроизводат себя сами. Это подтверждается общеизвестным явлением относительно быстрого вымирания огромного большинства известных родов" [3]).

Это различие в плодовитости слоев населения с неодинаковым уровнем культурности приобретает особенно грозный смысл, если поставить его в связь с установленным новейшей теорией наследственности фактом передачи от предков к потомкам по наследству не только физических, но и интеллектуальных свойств. Богатая современная литература по вопросам психической наследственности установила целый ряд удивительных примеров передачи из поколения в поколение, как выдающихся дарований, так и симптомов порока и вырождения. С одной стороны, имеется немало родов, давших человечеству целую плеяду писателей, ученых, государственных деятелей, с другой исследователями открыты целые династии преступников, проституток и т. д. Наиболее устойчива передача по наследству музыкальных и мате-

[1]) W. C. D. Whetham and C. D. *Whetham* Heredity and Society, London New-Jork Bombey and Calcutta—1912, стр. 60.

[2]) Schallmeyer. назв. соч. стр. 232.

[3]) Там-же, стр. 236.

матических способностей. Классические примеры—семейства Бернулли и Бахов. В трех последовательных поколениях семейство Бернулли „дало 8 выдающихся математиков, из которых трое вполне могут быть названы знаменитыми. Кафедра математики в университете их родного города Базеля в течение 105 лет была занимаема кем-нибудь из них. Знаменитейшие из академий и ученых обществ Европы считали своей обязанностью иметь Бернулли в числе своих членов, и во французской академии наук с самого учреждения в ней в 1699 г. восьми кресел для знаменитейших из иностранных ученых два кресла тотчас же были заняты членами семейства Бернулли, и после смерти старшего из них одно кресло до самого 1790 г. оставалось за семейством Бернулли“ [1]).

В семействе Бахов первая—мейнингенская линия произвела 3 значительных музыкантов. Вторая разделилась на три линии, из которых потомство Иоганна дало в течение 5 поколений 12 способных музыкантов, потомство Кристофа произвело в течение 5 поколений 27 музыкантов, потомство Генриха—8 музыкантов. Понижение музыкальной одаренности Бахов произошло, повидимому, вследствие скрещивания их с немузыкальными семействами [3]). Гальтон приводит генеалогию английских семей: Нортов, Сиднеев и Монтегю, которые в течение 10 поколений на протяжении 200 лет роднились между собой посредством браков и дали огромное количество способных и выдающихся людей [3]). Приведем еще пример наследования талантов в ученой среде. Семейство Дарвинов в течение 5 поколений (совместно с родственными семействами Веджвудов и Гальтонов) произвело 16 представителей с большими научными способностями, из которых 9 были членами известного королевского общества. Родоначальником был Эразм Дарвин, отец Чарльза, поэт, философ и врач. 10 из упомянутых 16 талантливых представителей рода были прямыми потомками Эразма Дарвина. Френсис Гальтон, основатель современной эвгеники, был внуком Э. Дарвина по второму браку [4]). Сыновья Чарльза Дарвина тоже, как известно, незаурядные ученые.

Чем же об'яснить часто встречающееся мнение, что потомки замечательных людей редко бывают талантливыми, что природа щедро наделившая кого-нибудь интеллектуальными дарами, как-бы для восстановления равновесия отказывает в них ближайшим родственникам одаренного? Повидимому, об'яснения нужно искать в том, что великие люди, отдавшиеся целиком своему призванию, упорно и неутомимо добивающиеся успехов на избранном ими поприще, не уделяют достаточного внимания семье и поэтому не умеют устроить свою семейную жизнь. Многие из них совсем не вступают в брак или, даже связав себя брачными узами, остаются бездетными. По словам Куреллы, „к этой группе принадлежат многие рано скончавшиеся художники и мыслители, но иногда—дожившие и до более зрелого возраста, как напр. Свифт, Кант и Бетховен, Микель Анжело и Ботичелли, Винкель-

[1]) С. А. Венгеров. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. III. С.П.Б. 1892, стр. 98.

[2]) Robby Kossman. Züchtungspolitik, Berlin, 1903, стр. 51—53.

[3]) Гальтон. Наследственность таланта, ее законы и последствия. СПБ. 1875, стр. 68—77.

[4]) March. Towards racial health. London, 1916, стр. 218—219.

ман и Фридрих Великий, Ал. Ф. Гумбольдт и Шопенгауер, Яков Гримм и Фр. Ницше, Грильпарцер и Ансельм Фейербах, Брамс и Клингер. Что многие из высокоодаренных людей, из которых многие умерли без потомства, а некоторые—с потомством, ощущали в жене и детях тяжело давящее бремя, показывают примеры Шекспира, Мильтона, Дидро, Руссо, Греза, Карлейля, Беклина, Вагнера—последнего, пока он был молод и свеж" [1]). Что односторонняя умственная деятельность должна ослаблять способность к брачной жизни и произведению потомства, понимал еще великий утопист, монах-астролог Фома Кампанелла. В своем „Государстве солнца" он пишет: „Должностные-же лица, которые все принадлежат к сословию жрецов, и ученые, занимающиеся наукой и мудростью, не должны приступать к деторождению, не пройдя значительно дольшего предварительного искуса воздержания. Дело в том, что продолжительные умственные занятия ослабляют у них жизненную силу, мозг их, постоянно занятый размышлением, не может участвовать в акте с полной энергией, и потому потомство их часто отличается слабой организацией. Для того, чтобы избежать этого, им дают живых, красивых, полных жизни, женщин" [2]).

Таким образом, высшая культура нации концентрируется в сравнительно узком общественном кругу, обладающем незаменимым биологическим фондом, который производит в каждом поколении преобладающее большинство национальных талантов. Но в то-же время эта культурная элита проявляет признаки физического вырождения и, вследствие чрезвычайно низкой рождаемости в среде этих интеллектуальных избранников, осуждена незаметно растворяться в серой массе. Очень красноречиво говорит об этой опасности К. Пирсон: „Интеллигентный средний класс есть позвоночный столб нации: из него выходят мыслители, вожди, организаторы последней. Члены этого класса не растут, как грибы, но представляют собою продукт длинного процесса подбора наиболее высоко одаренных и приспособленных в интеллектуальном отношении членов общества... Воздержание и ограничение могли-бы быть в высшей степени положительным социальным фактором, еслибы они в первую голову уменьшали плодовитость неприспособленных, но если они начинают с противоположного конца, они более чем бесполезны, они национально разрушительны по своим последствиям. Недостаток талантливых людей в момент кризиса—худшее из зол, могущих постигнуть народ. Сидя спокойно на месте, без всякой внешней борьбы, нация может вырождаться и обессиливаться просто потому, что она дает полный простор половому подбору и не культивирует лучших своих членов" [3]).

Социализм очень просто расправляется с проблемой расового вырождения. В представлении социалистических писателей, для совершенствования человеческой природы нет пределов, и социализм устраняет опасность дегенерации, превращая обитателя социалистического государства в физиологически новое существо. Изменение среды совер-

[1]) H. Kurella Die Intellektuellen und die Gesellschaft. Ein Beitrag zur Naturgeschichte begabter Familien, Visbaden, 1913, стр. 73.

[2]) Томас Кампанелла. Государство Солнца. Civitas Solis, СПБ., 1907, стр. 29.

[3]) К. Пирсон. Грамматика науки. СПБ. 1911, стр. 549—550.

шенно трансформирует и человеческую личность. Как пророчествует Каутский, „возникнет новый род людей, сильный, красивый и жизнерадостный, как герои греческого эпоса или немецкие богатыри эпохи переселения народов, которых мы представляем себе такими сильными, как теперь напр. жителей Черногории“ [1]). Таким же безграничным оптимизмом дышат и предсказания Бебеля: „Каждый занимается тем, к чему имеет склонность и дарование... В будущем не будет ни цеховых художников, ни цеховых ученых ни цеховых ремесленников. Разовьются тысячи блестящих талантов, находившихся до сих пор под спудом, и проявят свое знание и свои способности там, где представится для этого случай. Не будет более музыкантов, артистов, ученых, художников по профессии, но тем более их будет по вдохновению, таланту и гению“ [2]).

Как ни трогательны своей вдохновенной верой в грядущее преображение человечества эти пламенные строки учителей социализма, они не могут, однако, заменить положительных доказательств возможности такого волшебного действия среды. В современной биологии скорее, наоборот, все более и более утверждается противоположная крайность: учение о непередаваемости по наследству т. наз. „благоприобретенных“, т. е. полученных не по наследству, не через зародышевую плазму, а в течение жизни, благодаря собственному опыту, свойств.

Приведем в подтверждение мнение одного из талантливейших современных биологов Иоганнсена: „Если речь идет об упражнении (von Übung), кто не станет оплакивать печального факта, что приобретенные нами в жизни горький опыт, знания и способности не наследуются“ [3]). И в другом месте: „Воспитание со всеми доступными ему средствами, да еще подкрепленное традицией, разумеется, может иметь величайшее значение для личных свойств индивида и наложить, таким образом, глубокий отпечаток на состояние расы в данную эпоху. Но изменение генотипических основ биотипов не вызывается воспитанием,— во всяком случае, у нас нет никаких данных подобного рода. И до известной степени в таком положении вещей можно найти нечто успокоительное. Новые методы воспитания могли бы разрушить решительно все до основания, и ведь все эти методы, применяемые одним поколением отвергаются следующими, как в корне ошибочные“ [4]).

Еще резче высказывается другой биолог, проф. Пэнетт: „непрерывный прогресс является в гораздо большей мере вопросом селекции, чем педагогики; нужно говорить о гаметах, а не о тренировке“ [5]). В том-же духе высказывается и Шальмайер: по его мнению, тезис об улучшении человеческой природы под влиянием благоприятного изменения среды можно было-бы считать доказанным только тогда, еслибы было установлено, что улучшение хозяйственной обстановки должно

---

[1]) К. Каутский. Размножение и развитие в природе и обществе. Киев. 1910. стр. 238.

[2]) А. Бебель. Женщина и социализм. Одесса, 1905, стр. 342.

[3]) W. Iohannsen. Elemente der exakten Erblichkeitslehre, Iena, 1913, стр. 437.

[4]) Там-же, стр. 446.

[5]) Цит. у. A. C. Pigou Wealth and welfare. London, 1912, стр. 56.

вызвать особенно быстрое размножение среди элементов, стоящих в расовом отношении выше среднего уровня [1]).

Разумеется, нельзя отрицать возможности какого-бы то-ни было влияния среды на расу. В этом отношении очень удачную отповедь завзятым сторонникам чисто биологической точки зрения в социальных науках даст Пигу: принимая биологическую предпосылку о непередаваемости благоприобретенных свойств, он, тем не менее, отводит достаточное влияние и внешней обстановке. „Мой ответ состоит в том, что обстановка, в которой живет одно поколение, м о ж е т произвести длительный результат (a lasting result), так как она может оказать воздействие на обстановку будущих поколений“ [2]). Эти преемственные изменения среды оказывают такое-же влияние на расу, как и биологические задатки. Но, тем не менее, настоятельность расовой проблемы не становится менее острой при таком признании. От социализма нет оснований ожидать, что он задержит изображенный выше процесс гибели лучших в биологическом отношении элементов.

2.

Эвгеника.

Сознание ужасной опасности вырождения, грозящей человечеству, приводит к появлению новых рационализаторских замыслов в области размножения. Если преломление неомальтузианской доктрины в сознании отдельных индивидов привело к извращению человеческой природы, то нужно придти на помощь природе и противопоставить построенным на личном интересе попыткам рационализации размножения „начальственную“ рационализацию. Задача, разумеется, сводится к тому, чтобы побудить лучшие в биологическом отношении элементы к усиленному размножению и воспрепятствовать чрезмерной плодовитости представителей вырождения. Настоятельность этой проблемы с общественной точки зрения привела даже к созданию особой науки— эвгеники, занимающейся, по определению русского ее представителя, проф. Филиппченко, „изучением всех влияний, способных улучшить врожденные качества будущих поколений.“ [3]) Задачи эвгеники можно разделить на отрицательные и положительные. Устранение от размножения общественных отбросов может быть достигнуто, помимо оказывающих ничтожное влияние запрещений вступления в брак, прямым обеспложиванием, („стерилизацией“) применяемой уже в некоторых американских штатах к закоренелым преступникам. [4]) Положительная эвгеника, прежде всего, может воспользоваться методом создания сильных стимулов к размножению у биологически лучших элементов. Таковы напр. проекты, устанавливающие пропорциональность между числом детей у наследодателя и размером той части наследственной массы,

[1]) S c h a l l m e y e r, назв. соч. стр. 134.

[2]) P i g o u, назв. соч., стр. 59.

[3]) Ю. А. Ф и л и п п ч е н к о. Что такое эвгеника. Петроград, 1921, стр. 13.

[4]) По данным Шальмейера, до мировой войны законы о принудительной хирургической стерилизации прошли в 12 американских штатах, но применялись пока только в двух: Сев. Дакоте и Калифорнии. К этому моменту операция была проделана над более, чем 500 мужчинами и 120 женщинами.

которая поступает детям. Если, напр. каждый наследник может получить не более 25% общей суммы наследства, то только при четырех, по крайней мере, живых наследниках удастся избегнуть конфискации части наследства в пользу государства. Слабой стороной подобных проектов является их одностороннее стремление воздействовать на размножение путем апелляции к имущественным интересам, которые наиболее могущественную роль играют в сознании далеко не лучших общественных элементов. Но перейти от способа косвенных побуждений к непосредственному силовому воздействию и принудительному „спариванию" людей современное общество, конечно, никогда не решится. Немудрено поэтому, что эвгеника встречает равнодушный скептицизм у одних, яростную враждебность и насмешки у других. Приведем, напр. отзыв американского экономиста Таусига: „...любая система ограничения деторождения и селекции была-бы, вероятно, несовместима со стремлением к свободе выбора между различными возможностями и свободе индивидуального развития, являющегося душой всяких исканий прогресса. Трудно представить себе какую-либо систему подобного типа, которая не предполагала-бы пожертвования настоящим счастьем бесчисленного количества индивидов ради холодного и отдаленного идеала конечного усовершенствования расы... Маловероятно, чтобы при какой-бы то ни было воображаемой социальной системе человечество согласилось добровольно избрать некоторую часть своих сочленов, предоставив им одним привилегию воспроизведения расы" [1]). Убеждение в трудности осуществления эвгенических идеалов настолько распространено среди специалистов, занимавшихся вопросами расовой гигиены, что даже сторонники эвгеники предпочитают формулировать ее современные цели возможно более ограничительно. Так, проф. Филиппченко решительно высказывается против какого-либо „насильственного подбора желательных элементов" и утверждает, что в области эвгеники „все дело сводится к знанию и к распространению этого знания", надеясь, что распространение знаний поможет человечеству „выработать совершенно сознательно ряд обязательных для себя законов в этой области без применения каких-либо суровых мер." [2])

Мы думаем, однако, что шансы практического применения эвгенических идеалов далеко не так безнадежны, как может показаться на основании только что приведенных отзывов. Как раз экономическая история дает не мало примеров успешного применения эвгенической политики, направленной на улучшение качественного состава занятого хозяйственной деятельностью населения. Мы имеем в виду практиковавшиеся в разных странах мероприятия по привлечению ценных для производства элементов из-за границы. Миграция населения есть, прежде всего, стихийный процесс, приводящий к смешению крови различных рас и национальностей, обладающих разными задатками и склонностями. Одни нации оказываются в барыше от этого смешения, другие—в убытке. В особенности зарождение капиталистической промышленности в разных странах связано в значительной мере со

[1]) Taussig. Назв. соч., Т. II стр. 236.
[2]) Филиппченко, назв. соч., стр. 24—27.

вселением в эти государства чужестранцев. Как известно, сугубое значение иностранному влиянию в деле капиталистического развития придает В. Зомбарт. В „Bourgeois“ и в новейшем издании „Der moderne Kapitalismus“ он дает сводку огромного фактического материала, иллюстрирующего эти иностранные влияния. По словам Зомбарта, „безразлично, идет-ли речь о религиозных системах, или технических изобретениях, о привычных формах повседневной жизни или о модах, о государственных переворотах, или биржевой организации, всегда или, по меньшей мере, очень часто, инициатива исходит от „чужестранцев.“ [1]) Кадры тех, кто решается пуститься в далекий, рискованный путь, чтобы искать счастья в новых странах, составляются обычно из „хозяйствующих суб'ектов, которых мы должны признать в многочисленных случаях выдающимися носителями капиталистического духа, основателями и двигателями (Förderer) капиталистической организации“. [2]) Зомбарт различает индивидуальную и массовую эмиграцию. Рассадниками капитализма по всему миру были переселившиеся отдельными семьями ломбардцы и другие итальянские торговцы деньгами. Так, создание шелковой промышленности в Венеции, Генуе, Болонье, Лионе, Швейцарии приписывается иммигрантам. В отношении массовой эмиграции Зомбарт различает: 1) скитания евреев, 2) скитания подвергавшихся религиозным преследованиям христиан, особенно протестантов, 3) колонизацию заокеанских стран, особенно американских Соединенных Штатов. [3]) Здесь придется ограничиться немногими историческими примерами. Шотландцы и французы чаще всего выступают в роли гонимых еретиков, разносящих по чужим странам капиталистическое семя. Франция более других держав оскудела талантами, вследствие бегства из ее пределов лучших „капиталистических вариант.“ Из миллиона протестантов, обитавших во Франции к моменту отмены нантского эдикта (1685), около четверти покинули после этого акта пределы Франции. В хозяйственной жизни Германии в XVII—XVIII в. в. французские эмигранты играли руководящую роль. В Голландии XVII ст. rèfugiés создали свыше 20 видов мануфактурной промышленности. Расцвет Амстердама в этот-же период одним из писателей эпохи об'ясняется влиянием иностранцев. Рост многих отраслей английской промышленности также имеет в своей основе деятельность чужеземцев. Даже начало Standard—industry Англии: хлопчато-бумажной промышленности заложено в Манчестере иностранцем. [4])

Самым ярким примером страны, впитывающей в себя огромный эмигрантский поток и непрерывно изменяющей, вследствие этого, свой биологический фонд, могут служить Соединенные Штаты. Американский эвгенист Дэвенпорт, занимавшийся особенно детальным изучением влияния иммиграции на американское население, различает в эмигрантском движении ряд отдельных течений.

---

[1]) W. Sombart. Der Bourgeois, стр. 380.

[2]) Там-же.

[3]) W. Sombart. Bourgeois, стр. 312, и Der moderne Kapitalismus, 4. Aufl I Band, II Halbband. München und Leipzig, 1921, стр. 889.

[4]) Bourgeois, стр. 383—391 и Kapitalismus, стр. 889—895. Яркую характеристику значения протестантских иммигрантов для промышленного развития Англии XVII ст. дает H. Levy Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft. Jena, 1912, стр. 53—54.

В ранний период (XVII—XVIII ст.) в составе эмигрантов смешивались, с одной стороны, принудительно выселяемые из Англии общественные отбросы, с другой искавшие убежища после казни Карла I роялисты, обладавшие „хорошими манерами, высокой культурой и способностью быть вожаками в общественных делах", с третьей—торговые элементы, с четвертой—идеалисты, покидавшие родину из-за религиозных преследований [1]). Географическое расселение этих элементов, как показывает Дэвенпорт, предопределило расовую физиономию населенных эмигрантами того или другого типа районов. Генеалогические исследования дают возможность проследить происхождение американской духовной аристократии, а рядом с ней, целых династий преступников, от первых эмигрантов. Из множества приводимых Дэвенпортом примеров повторим один. Около двух веков тому назад в дикую Виргинию прибыл с женой выходец из Ирландии Джон Престон. Эта пара явилась родоначальницей чрезвычайно разветвившегося генеалогического древа, в которое входят наиболее талантливые и известные семейства Виргинии и Кентукки. Члены этого рода отличаются психической одаренностью, физической силой и красотою. Американская аристократия жадно ищет возможности породниться с его представителями. Его члены были губернаторами и сенаторами, членами конгресса и начальниками учебных заведений выдающимися представителями духовенства и бравыми генералами Виргинии, Кентукки, Луизианы, Миссури, Калифорнии, Огио, Нью-Иорка, Индианы и Южной Каролины. Они были членами кабинетов Джефферсона, Тэйлора, Бьюкенена и Линкольна. Они поставляли дюжинами генералов, членов сената и палаты депутатов и сотнями офицеров (gallant officers) армии и флота. Они выставили трех демократических кандидатов последнего времени на пост вице-президента Соед. Штатов [2]). Наряду с многочисленными родами, обнаруживающими психическую одаренность, имеется, вместе с тем, немало семейств, являющихся постоянными гнездами преступления и порока: таковы известные семьи Джуксов и Измаэлитов. Генеалогией этих родов занимался ряд американских исследователей, давших полную картину физического и нравственного вырождения, до которого дошли эти злополучные династии „отверженных людей" [3]).

Огромное расовое влияние оказывает и современная иммиграция в Соединенные Штаты. Ежегодное вселение миллиона человек не может не отражаться на национальной физиономии американцев. Ирландцы, немцы, скандинавы, евреи, поляки вливаются в пестрый поток, несущийся к гостеприимным берегам Америки, и Дэвенпорт заранее предвидит, что население Соединенных Штатов, под влиянием большой примеси крови из юго-восточной Европы, будет быстро приобретать более темную окраску кожи, уменьшаться в росте, становиться более склонным к спекуляции (more mercurial), иметь больше вкуса к музыке

[1]) Ch. B. Daveport. Heredity in relation to eugenics, New Jork, 1911, стр. 205—209.

[2]) Сб. статей «Heredity and eugenics» Chicago 1912. Ст. Davenport'a The geografy of man in relation to eugenics», стр. 294-308.

[3]) Об этих исследованиях—см. Field'a «The progress of eugenics». The quarterly journal of economics. Vol. XXVI, Nov. 1911, стр. 38.

и искусству, будет более подверженным одним преступлениям и свободным от других.

При этом, по словам Дэвенпорта, всегда „мигрирует наиболее активная, честолюбивая и мужественная кровь", так что обычным результатом массовой миграции является физическое и духовное оскудение страны, откуда производится выселение, и улучшение расы в той стране, куда направляются эмигранты. Так, в Ирландии раздаются горькие жалобы на то, что из сельских ее округов эмигрируют в Америку наиболее способные и предприимчивые элементы, в результате чего Ирландия обнаруживает все признаки расового вырождения. Таково-же обезпложивающее влияние, оказываемое на провинцию крупными центрами: „наши большие города привлекают к себе лучшую протоплазму из деревень, окружают ее условиями, препятствующими размножению, либо создавая мотивы для воздержания от брака, либо делая неудобным и дорогим появление у них детей. Так наши крупные центры действуют антиэвгенически, стерилизуя лучшие элементы и предоставляя худшим воспроизводить себе подобных" [1]).

Таковы стихийные результаты миграции населения. Опираясь на эти данные исторического опыта, правительство страны, нуждающейся во впрыскивании высшей культуры, может умелой политикой всемерного привлечения биологически высокосортных элементов добиться улучшения своей расы в желательном направлении. Еще со времен меркантилизма практиковалось это искусственное пересаживание на национальную почву иностранных мастеров. Характеризуя мероприятия государственной рабочей политики эпохи раннего капитализма, Зомбарт прямо говорит об „ожесточенной борьбе", ведшейся вплоть до конца XVIII века европейскими государствами из-за квалифицированной рабочей силы. Большинство стран с развитою промышленностью оказались вынужденными прибегнуть к запрету выселения. Так, во Франции один из кольберовских эдиктов угрожал переселенцам конфискацией „de corps et de bien" [2]). При Людовике XV ежегодный отлив квалифицированных рабочих из Франции достигал 10.000 человек. Россия наводняет Францию специальными агентами: „emolleurs pour la Russie", которых французское правительство преследовало, по словам Зомбарта, так, как в настоящее время преследуется торг женщинами, ввергая их в темницы, когда они попадались ему в руки. Вообще политика русских царей в отношении иностранцев была интуитивно-эвгенической. Автор немецкой работы „об иностранных элементах в русском народном хозяйстве", бывшей раньше запрещенной в России, Ишханян, замечает: „страшные насильники, властвовавшие в этой стране холопов, которые у себя дома подавляли и тиранизировали собственных, совершенно бесправных поданных до состояния полного рабства, были чрезвычайно „любезны" в отношении иностранцев: они предоставляли им все удобства для поселения, полную свободу вероисповеданий, передвижения и торговли, промышленные привилегии и даже в судебном отношении иностранцы были (с 1614 г.) подведомственны особой, иностранной

[1]) Davenport. Heredity in relation to eugenics, стр. 212.

[2]) Sombart. Der moderne Kapitalismus, 1921, I II стр. 825.

инстанции, т.-наз. „посольской канцелярии“ [1]) Начало этой политики было положено Петром. Указ Екатерины II от 22 июля 1763 г. расширил привилегии иностранцев, даровав им, кроме веротерпимости и освобождения от военной и гражданской службы, налогов (на известный срок), право самоуправления в административном и полицейском отношениях. Екатерина была увлечена колонизаторскими планами. Она хотела использовать иностранцев, как рассадников интенсивной земледельческой культуры. Немцы двинулись к нам двумя волнами, из которых одна осела на Волге, другая в Малороссии, в 60 верстах южнее Екатеринослава.

Оседание иностранцев продолжалось и при Александре I. По данным Гакстгаузена, основанным на цифрах 8-й ревизии, за время 1764—1835 г. в России образовалось свыше 400 иностранных колоний, население которых было немногим меньше 300 тысяч человек. В создании нашей капиталистической промышленности иностранный предпринимательский элемент также сыграл немаловажную роль. Плодотворная роль Дж. Юза, Поля, Кноппа, Нобелей, и т. д. столько раз описывалась в нашей литературе, что можно здесь не останавливаться на ней. Следует подчеркнуть лишь одно: как показано И. И. Левиным, французский, английский, бельгийский капитал притекал в Россию в безличной форме, тогда-как „Германия посылает предпринимателей, крестьян, ремесленников, агентов, торговцев и т. д.“ [2]) Немцы были главными строителями нашей промышленности. Это внедрение в нашу промышленность иностранного элемента, часто склонного к хищному хозяйничанью в чужой стране, трактуемой, как колония, может многим казаться опасным с национальной точки зрения. Левин настаивает на необходимости сознательного выбора между открытыми для нас рынками капиталов и предпочитает капитал „в безличной форме“. Пусть даже И. И. Левин до известной степени прав в своем утверждении, что немцы оставались чужеродным элементом в нашем обществе, что они склонны считать себя повсюду, и особенно в России, „немецкими колониями под чужим владычеством“, осуществляющими всюду по указке своего правительства идеалы Великой Германии [3]). Но ведь нужно признать, что и процесс диффузии между русской и немецкой средой был не всегда возможен. Так, при замкнутости русской общины, проникновение в русскую деревню немецкого элемента встречало нередко серьезные препятствия, так что немецкие колонии оставались изолированными культурными оазисами, выполняющими воспитательную миссию. Но интеллигенция и высшие сословия очень охотно роднились с немцами, так что, в результате, русская культура, продукт нашего национального гения, питалась довольно значительными дозами немецкой крови.

С другой стороны, преследования евреев в России в прежнее время должны были приводить к противоэвгеническим результатам, по крайней мере, поскольку речь идет о выращивании годной для капиталистического строительства расы. Роль евреев, как возбудителей капиталистического духа, достаточно ярко охарактеризована Зомбартом в его книге

---

[1]) B. Ischchanian Die ausländischen Elemente in der russischen Volkswirtschaft. Berlin, 1913, стр. 14.

[2]) И. И. Левин. Германские капиталы в России. 2-е изд. Петроград, 1918, стр. 48.

[3]) Там-же, стр. 52.

об евреях. Рационалистический склад еврейской психики делает еврея идеальным предпринимателем. Черта оседлости, загнав евреев в тесные географические пределы, привела к капиталистическому оплодотворению нашего юга и к росту южной промышленности, вдалеке от исконного центра русской культуры и русской даровитости—московского района" [1]).

Против развиваемой нами аргументации может быть приведено то соображение, что в основе создания иностранцами отдельных отраслей промышленности в той или другой стране лежит совсем не биологический элемент расового смешения, а чисто „воспитательное" действие чужестранного искусства на неквалифицированную туземную массу.

Для опровержения этой мысли достаточно сослаться хотя бы на новейший опыт насаждения промышленности в Сибири немецкими военнопленными. В работе проф. Данкворта о Сибири есть замечательные страницы, посвященные работе военнопленных в период Колчаковского правительства. Красноярский лагерь для военнопленных превращается в промышленный центр. Создается единая Industriezentrale для планомерного регулирования производства и сбыта и воздействия на цены. Ежемесячный оборот очень скоро достигает внушительной цифры в 2 милл. руб. Целый ряд предприятий создается по инициативе и при деятельном участии немцев. Казалось бы, русские промышленники и рабочие должны были перенять методы работы и быть готовыми заместить немцев после их от'езда на родину. На деле было иначе. Почти не было случая, чтобы у немца-специалиста оказался русский заместитель. „Большинство этих предприятий должны будут после возвращения пленных на родину прозябать еще некоторое время и затем погибнуть". О влиянии совместной работы русских и немецких рабочих Данкворт замечает: „Русский рабочий воспринял кое-что у немецкого, с которым он работал в одном предприятии. Будет-ли, однако, это влияние длительным, стоит под вопросом. Особенно там, где применялась аккордная работа, можно было установить, что русский рабочий, зарабатывавший подчас только небольшую часть приходившейся на долю военнопленных платы, постепенно увеличивал свою рабочую силу" [2]).

Такова картина временного, механического внедрения более высокой экономической культуры в косную среду. Совсем иные результаты получаются при органическом сочетании культур, производимом путем расового смешения. Биологическое закрепление предрасположения к новым методам работы заменяет здесь ненадежное закрепление этих приемов посредством подражания.

Привлечение иностранцев по соображениям расовой гигиены может распространяться не только на собственнические классы, но и на пролетариат. Нам придется ниже говорить подробнее о качественной дифференциации рабочих. Расслоение пролетариата—неизбежный результат различий в одаренности и физических качествах, существующих между отдельными рабочими группами. Приток иностранных квалифицированных рабочих может оказаться средством улучшения породы

[1]) Струве. Patriotica. С. П. Б. 1911, стр. 83—84.
[2]) Prof. P. W. Danckwortt Sibirien und seine wirtschaftliche Zukunft. Leipzig u. Berlin, 1921, стр. 255.

туземных рабочих и создания рабочей аристократии, на долю которой в нашу эпоху бурной перестройки социальных отношений выпадает ответственная работа в промышленных предприятиях.

Таким образом, от дипломатического искусства правителей страны зависит возможность применения если не прямых, то косвенных приемов „сортирующего скрещивания" и улучшения расы за счет благородной иностранной крови. Хотя, по указаниям современной статистики, среди факторов, определяющих собою брачный подбор, национальность играет первенствующую роль и „индекс симпатии при вступлении в брак для лиц одной национальности гораздо выше, чем для лиц одного возраста, места рождения, гражданского состояния, профессии" [1]), тем не менее, человечество, беспорно, идет к уничтожению национальных преград и к прогрессирующему смешению рас. Необходимость обеспечения народного хозяйства здоровым и одаренным человеческим материалом, играющим столь важную роль при определении национальной производительности, должна принудить власть к эвгеническому контролю за иммиграцией.

3.

Проблема ликвидации экономически пассивного населения.

Попробуем теперь считать проблему рационализации размножения—худо-ли, хорошо-ли—решенной. Встает дальнейшая задача: как наилучше использовать данное население, при определенном его количестве и биологическом составе?

Слишком хорошо известен факт, что далеко не все наличное население страны участвует в трудовой страде. В интересном труде итальянца Амброзио „об экономической пассивности", сделана попытка всеобъемлющего анализа причин этого разделения населения на экономически активное и пассивное и средств устранения этого зла. Под экономически активным населением Амброзио разумеет „совокупность лиц, эффективно применяющих свои физические и интеллектуальные силы либо в производстве, либо в выполнении личных услуг" [2]). На шее этой группы висит мертвым балластом пассивное, неработающее население.

Отказ от труда может быть добровольный или вынужденный. Вынужденный отказ может вызываться либо биологическими, либо социальными моментами. Причины экономической пассивности могут быть, таким образом, по классификации Амброзио, либо „естественными", либо „произвольными" (volontaires), либо „социальными". Главнейшая причина естественной невозможности работать—возраст, детский и старческий. Более спорен вопрос о женском труде. По мнению Амброзио, ряд физиологических и социальных условий закрывает женщине доступ во многие отрасли промышленности. Неспособны к работе по биологическим основаниям также инвалиды и одержимые психическими

[1]) М. Птуха. Очерки по теории статистики населения и моральной. Записки юрид. фак. Петроградского Университета. Выпуск IV. Петроград, 1916, стр. 146.

[2]) M. A. D'Ambrosio. La passivité économique. Premiers principes d'une theorie sociologique de la population économiquement passive. Paris, 1912, стр. 19.

заболеваниями разных степеней, вплоть до полного кретинизма. Нежелание работать проявляется в высших и низших классах. В эту группу входят прежде всего рантье и пенсионеры; первые ведут праздную жизнь, утопая в роскоши. Этой „блестящей категории добровольных бездельников" грозит физическое и моральное вырождение. За ними следует нищенствующая братия. Нищенство, сопряженное со скитаниями и бродяжничеством особенно распространено в России, где насчитывается около 300.000 нищих, из которых свыше половины живут одной милостыней. С этой категорией в близком соседстве находится опасная для общественного порядка группа „чистых" бродяг, без примеси нищенства. Специфическое значение для Италии имеет организованный бандитизм (la mala vita) в виде всяких Каморр, Тепп, Мафий и т. д. Не последнее место среди добровольных бездельников занимает группа проституток. Наконец, в эту же группу Амброзио относит стачечников, „временно воздерживающихся от труда для определенной цели" [1]). Наконец, главнейший элемент, не участвующий в национальном труде по причинам социального свойства, составляют безработные. Рядом с ними Амброзио отмечает еще заключенных в тюрьмах; впрочем, при рациональной постановке тюремного дела заключенные могут быть привлечены к труду и познать, таким образом, „великую очистительную силу труда" [2]).

Такова даваемая Амброзио характеристика „великого паразитизма", разъедающего общество. По его подсчетам, почти во всех странах экономически пассивное население численно превосходит активную группу. В глазах Амброзио, этот паразитизм представляет собою источник всех общественных бедствий. „Производящее население не достигает и половины общего числа потребителей". Мудрено ли, что возникает несоответствие между средствами существования и количеством населения! Но, вместо того, чтобы сводить это мучительное несоответствие, вместе с Мальтусом, к внешней природе, нужно признать, что вина в нем лежит на „экономической пассивности людей". Борьба с паразитизмом и повышение экономической активности—таковы единственные средства разрешения великой социальной проблемы. „Если бы все обитатели земного шара могли и хотели работать, продукт производства, по меньшей мере, утроился бы, и, каждый, трудясь, имел бы возможность раздобыть себе все, что ему нужно" [3]). В своем увлечении идеей „активизации" человеческого рода Амброзио доходит до признания вредным общественным элементом... детей, так как шансы привлечения их к труду весьма проблематичны. „Большое число детей может быть либо благом, либо злом. Оно — благо, если дети, будучи способны к тому, заняты полезным трудом и не являются домашними паразитами; оно— зло, когда, не умея или не желая работать, они ложатся мертвым грузом на свою семью" [4]). Мероприятия экономической политики, намечаемые Амброзио для преодоления паразитизма и для всемерного расширения круга „экономически независимых" лиц, не отличаются особенной оригинальностью: большая равномерность и устойчивость в распределении

[1]) Там-же, стр. 67.
[2]) Там-же, стр. 93.
[3]) Там-же, стр. 164.
[4]) Там-же, стр. 109.

благ, улучшение условий приложения труда, обязательное государственное страхование. Сосредоточив инициативу всех таких мероприятий в едином министерстве труда, гигиены и общественной помощи, Амброзио надеется достичь скорейшего развития производительных сил и устранения всех препятствий торжеству экономической активности, особенно необходимому в такой бедной стране, как Италия. Амброзио заканчивает свою книгу „восторженным гимном" труду.

Несмотря на некоторую прямолинейность и даже примитивность построений Амброзио, его книга ставит чрезвычайно важную проблему. Беспорно, в каждом обществе имеется достаточный контингент бездельников, которые могли бы быть использованы для производственных целей. Но отсюда еще далеко до вывода о необходимости поголовного участия всего населения в трудовом процессе. Если бы такое поглощение всех нетрудовых элементов производственным механизмом было целесообразным в свете намеченных нами принципов экономической политики, то трудовая повинность была-бы простейшим разрешением вопроса. Такую постановку мы находим напр. у писателей, дающих конкретное изображение социалистического строя. Так, у Бебеля читаем: „основным законом коллективизированного общежития станет трудовая обязанность всех способных к труду без различия пола" [1]). В момент величайшего напряжения национальных рессурсов, боровшаяся с полумиром Германия попыталась даже претворить идею трудовой повинности в жизнь, правда, ограничившись привлечением к ней одного мужского населения. Но мы и не собираемся оспаривать возможность поголовной работы; мы сомневаемся в ее плодотворности. Процент населения, занятый трудом, варьирует в разных странах в зависимости от достигнутого уровня благосостояния; общество может позволять себе роскошь содержания большого или меньшего количества „бездельников" в зависимости от размеров национального дохода. В эпоху национальных испытаний становиться „трудно" жить, доходы не возрастают пропорционально стоимости жизни и приходится поэтому взваливать тяготы труда и на неокрепшие плечи подростков и на изнеженный женский организм. Рыночная стихия сама определяет контингент работников, который она желает использовать в трудовом процессе. До проведения трудовой повинности в Германии, задача привлечения способных к труду и незанятых в производстве лиц была так блестяще выполнена предыдущей работой стихийных рыночных факторов, что при введении принудительного начала могли быть добавочно использованы ничтожные кадры работников. По подсчету М. Лурье, прирост трудовой армии, после мобилизации „зажиточных бездельников", не мог превысить 3% прежнего ее состава. „Ясно, не ради такой незначительной прибавки предпринимается новое грандиозное дело. Смысл его заключается во введении принудительной зависимости по отношению к тому, кто уже теперь работает" [2]). Созданная войной конъюнктура оказалась, таким образом, в деле мобилизации свободного труда гораздо эффективнее трудовой повинности.

В этом отношении чрезвычайно поучительна история применения женского труда в военной промышленности. Рушилась легенда о полной

[1]) А. Бебель. Общество будущего. Петербург, 1920, стр. 3.
[2]) М. Лурье (Ю. Ларин). Трудовая повинность и рабочий контроль. 1918, стр. 21.

непригодности женщин для работы в некоторых отраслях промышленности. По словам Эли Гекшера, во время мировой войны без применения женского труда „сколько-нибудь успешная уборка хлеба наверно была бы невозможна". Рост женского труда наблюдается почти в каждой профессии. „Особенно бросается в глаза необычайное увеличение применения женского труда в военно-промышленных предприятиях, несмотря на то, что там от рабочих требуется большая физическая сила" [1]). Стоит привести несколько цифр. По данным специальных исследований относительно изменения числа мужчин и женщин среди германских рабочих между июлем 1914 г. и сентябрем 1918 г., в 14 железоделательных, горных, сталелитейных и прокатных предприятиях, из которых в 5 до войны вовсе не было женщин, работало в 1914 г. 58.773 мужчин и 661 женщин; в 1918 г. было 111.550 м. и 38.445 ж. В 63 предприятиях машиностроительной и металлургической промышленности, из которых 36 до войны не имели женщин среди рабочих, число мужчин за указанный период возросло с 104.138 до 111.144, а женщин с 26.888 до 91.058. В 25 химических предприятиях число мужчин увеличилось с 6.926 до 19.580, а женщин с 1.784 до 22.997 [2]). Это массовое применение женского труда там, где раньше его всячески избегали, дало материал для об'ективной оценки женского труда. Немецкие исследователи приходят к заключению, что в целом ряде производств женщина показала себя отличной работницей. Ее сфера, во всяком случае, исполнительный, а не организаторский труд и даже не работа надсмотрщика. Быть может, если дать ей пройти хорошую техническую школу, она приобрела бы возможность выполнять и более квалифицированную работу. Отменным достоинством женского труда с капиталистической точки зрения и во время войны оставалась его дешевизна. Но, тем не менее, соображения социальной гигиены заставляют высказаться против широкого пользования женским трудом. Работа в тяжелой индустрии рано или поздно приводила у женщины к расстройству здоровья. Женщины более подвержены отравлению производственными ядами (Blutgifte), особенно в периоды беременности и кормления. Заболевания среди работниц, начиная с середины 1915 г. растут в большей пропорции, чем среди мужчин. В результате, несмотря на все „завоевания", достигнутые женщиной в военной промышленности, автор статьи о „развитии промышленного женского труда во время войны" в Шмоллеровском ежегоднике Мария Людерс должна, после красноречивого описания успехов женского труда, констатировать для настоящего времени „почти полное вытеснение женщин со всего рынка труда" [3]).

Проблема послевоенного женского труда привлекла внимание и английских промышленных кругов. Конференция бристольской ассоциации реорганизации промышленности, состоявшаяся 16—17 марта 1918 г., в которой принимали участие и представители трэд-юнионов, опубликовала весьма интересный доклад о положении женщины в промышленности после войны. По приведенному в докладе подсчету, число занятых в английской промышленности и торговле, женщин увели-

[1]) Эли Гекшер. Экономика мировой войны. Петроград, 1917, стр. 22.
[2]) M. E. Lüders. Die Entwicklung der gewerblichen Frauenarbeit im Kriege. Schmollers Jahrbuch 44 Jahrg, 1920, стр. 276—277.
[3]) Lüders, назв. ст., стр. 270.

чилось за время войны с 3.287.000 в июле 1914 г. до 4.713.000 в октябре 1917, что дает прирост в 1.426.000 человек. В одной только военной промышленности работало к указанному моменту до 700.000 женщин. По мнению составителей доклада, значительная часть привлеченных к промышленному труду женщин не пожелает оставить промышленность. Одни предпочитают относительную личную свободу промышленного труда сравнительной монотонности домашнего хозяйства. Некоторые привыкли к новому делу, и им будет тяжело расставаться с ним. Другие вынуждены стремиться к сохранению работы по материальным соображениям, из-за дороговизны жизни. Многие лишились на войне своих кормильцев — мужей. По всем этим мотивам едва ли можно ожидать добровольного сокращения трудовой женской армии до довоенного уровня. Тем не менее, доклад считает необходимым подчеркнуть, что промышленная работа женщин допустима лишь в таких пределах, какие не препятствуют „интересам семейной жизни и здорового развития расы“ [1]). Вместе с тем, предвосхищая картину послевоенной промышленной кон'юнктуры, когда массовая демобилизация мужчин будет происходить одновременно с сокращением промышленной деятельности под влиянием ликвидации военного спроса, доклад предвидит неизбежное сокращение спроса на труд, и при столкновении претендентов на работу разных полов безоговорочно решает вопрос в пользу мужчин: женщина, занимавшая в предприятии место, принадлежавшее прежде мужчине, по причинам, так или иначе связанным с войной, обязана оставить предприятие, если есть мужчины, желающие получить это место. Число замужних женщин, занятых в промышленности, должно быть сведено, во всяком случае, к минимуму. Доклад считает, что женщинам удастся сохранить за собою занятия, главным образом, в тех отраслях промышленности, к работе в которых женщина всегда считалась „специально приспособленной“ (**specially adapted**), особенно в текстильном, кожевенном, табачном, бумажном производствах, домашнем услужении и др. Другими словами, женскому труду отводится в промышленности старое его место, принадлежавшее ему до войны.

Таким образом, стихийный рынок сам нашел средства воздействия на женщину, чтобы заставить ее принести тяжелую трудовую жертву отечеству, когда эта жертва была неотвратима. Но когда наступила возможность освободить женщину от подрывающей ее здоровье работы, которая к тому же уступает по производительности мужскому труду, оборот с неуклонной последовательностью произвел новое перераспределение рабочей силы. Может быть, побежденным странам, напр. Германии, при неизбежности крайнего напряжения их производительных сил, придется все-же забронировать за промышленностью значительный контингент женщин. Таков удел разбитой и обнищавшей Германии. Но странам Антанты, разумеется, не придется злоупотреблять женским трудом. Количественный и качественный состав трудовой армии оказывается, таким образом, весьма эластичной величиной, изменяющейся в зависимости от уровня национального благосостояния. Каждая страна

[1]) Meyer Bloomfield. The new labour movement in Great Britain, (дата не указана). London, стр. 154.

стремится использовать в первую голову слои населения, развивающие наибольшую продуктивность труда. Женщины, дети, старики, инвалиды и т. д., могут быть рассматриваемы в качестве резервного фонда рабочей силы, но прирост национального дохода вследствие применения труда этих категорий так невелик, что он не окупает жертвы, вызываемой насильственным оторванием их от домашнего очага. Во время войны, когда silent leges, можно было игнорировать это несоответствие между затратой сил и результатом труда. Но в нормальных условиях обществу выгоднее утилизировать одних только лучших работников, чем гоняться за каждым микроскопическим приростом национальной производительности. Если действительно правы энтузиасты „будущего общества", и рабочий день, благодаря техническим усовершенствованиям и концентрации производства сможет быть когда нибудь уменьшен до $2^1/_2$—3 часов, то, на наш взгляд, выгоднее повысить его, скажем, до 4 часов и купить этой ценой возможность освобождения от труда значительной части населения, которая ощущает труд, как невыносимое бремя. Для интенсификации производства работа должна быть сосредоточена в наиболее мощных руках.

Тем не менее, остается значительная группа лиц, которые при всяких обстоятельствах должны были бы быть привлечены к работе; мы говорим о тех, кто „не хочет" трудиться, и в первую очередь о рантье. Размножение класса рантье—признак начинающегося упадка, деградации нации, увлечения ее жаждой пассивного наслаждения, взамен здорового проявления созидательной энергии. Каждого рантье следует рассматривать, как потенциального предпринимателя, организатора производства. Однако, для достижения этой „активизации" рантье едва ли целесообразно пользоваться принудительными мерами. „Рационализация" здесь могла бы заключаться в создании благоприятных условий для проявления хозяйственного гения, в воспитании у интеллигенции представления о том, что на ней лежит государственная задача участия в организации промышленности. В русской литературе незадолго перед войной велся оживленный спор—итти ли русскому интеллигенту в предприниматели или в кооператоры. Ответ ясен: в какой бы сфере ни проявил он свою активность, он будет полезным, „экономически активным", членом общества; лишь бы не сидел он сложа руки и благочестиво размышляя о допустимости той или иной формы проявления экономической энергии. Пропаганда активизма—один из важнейших паролей дня. И с этой точки зрения процент активных участников производства среди всей массы населения является отличным барометром экономической психики народа. Если данные германских профессионально-промысловых переписей свидетельствуют, что трудящихся в сельском хозяйстве, промышленности, торговле и транспорте, т.-е. вообще занятых основной или побочной профессией, было в 1882 г. 35,4% всего населения страны, в 1895—36,4%, а в 1907 г. 39,7% [1]), то эти цифры позволяют с несомненностью заключить, что в охваченный переписями период Германия переживала период расцвета хозяйственной энергии. Было бы, однако, опрометчиво сделать аналогичный вывод относительно России последнего периода на основании приведенных в „Красной Москве" сведений,

[1]) К. Гельферих. Развитие народного хозяйства Германии. М., 1920, стр. 24.

согласно которым в Москве активное население составляет около половины всего его состава. Эта цифра — показатель бюрократизации населения в известной фазе существования советской власти, а не роста его предприимчивости. Это обстоятельство еще раз подчеркивает неразумность и фальшь требований поголовной трудовой мобилизации. Характер трудовых процессов и качество работы несравненно важнее погони за количественной полнотой использования рабочей силы страны. Мы и переходим теперь к проблемам повышения качества и интенсивности национального труда.

4.

Использование индивидуальности и выбор профессии.

Прежде всего, необходимо решительно отбросить завещанное классической экономикой представление об однотипности рабочей массы,— представление, согласно которому рабочие как-бы являются „атомами среднего качества, которые поддаются различению только посредством математических величин, так что вся экономика превращается в науку о количествах труда, брошенных в игру капиталистами“ [1]). При построении системы экономической политики нужно позабыть об этих гомункулах, рожденных в реторте кабинетного доктринера и попытаться утилизировать для целей повышения производительности народного хозяйства факт чрезвычайной дифференцированности рабочей массы по физическим и духовным качествам и способностям. По своей психофизической приспособленности к выполнению трудовых операций рабочие представляют пеструю гамму, которая, впрочем, по мнению Мура, автора замечательной работы о „законах заработной платы“, вполне соответствует вырабатывавшемуся у современных статистиков представлению о вариации типа: рабочая масса дает самые разнообразные уклонения от средних способностей, но при этом чем больше размер уклонения, тем реже оно попадается. На статистическом языке это выражается в положении, что „промышленные способности—общая смышленность и энергия—распределяются сообразно с нормальным или Гауссовским законом“ [2]). Но даже при условии, что эти уклонения не таят в себе ничего исключительного или случайного, задача практического деятеля заключается в том, чтобы построить на этих различиях и особенности поручаемой тому или другому индивиду работы. Индивидуальная одаренность должна сделаться предметом особого научного исследования, чтобы распределение труда в обществе основывалось не на случайной сортировке рабочей массы, а на гармоническом соответствии между рабочим и выполняемой им трудовой задачей. Right man on the right place—это золотое правило применимо ко всем видам труда не только интеллектуального, но и физического.

Стремление уловить задатки каждого рабочего и использовать его там, где он может проявить максимум умения и энергии, легло в основу получившего широкое распространение в последние годы

[1]) Слова Сорэля; цит. у H. L. Moore. Laws of wages, New Iork. 1911, стр. 183.
[2]) Moore, назв. соч. стр. 74.

течения в пользу „научного выбора профессии". Оно было отчасти предвосхищено содержательными статьями Макса Вебера „О психофизике промышленного труда", появившимися в Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. М. Вебер поставил себе задачей применить лабораторные результаты исследований психофизики труда, производившихся школой известного психолога Крепелина к решению вопросов промышленного труда. Центром внимания у Вебера являются экспериментальные данные, относящиеся ко влиянию на труд утомления, с одной стороны, упражнения, с другой. Взаимоотношение двух этих элементов определяет направление кривой производительности труда. Значение личных особенностей при этом было резко подчеркнуто Вебером. „Индивидуальная история отдельных личностей, а равно и прочие различия в их одаренности (хотя бы, напр., в музыкальной области) как раз очень часто обусловливают глубокие различия в „восприимчивости" в отношении к совершенно одинаковым влияниям. Во всяком случае способность к „сосредоточению", унаследованная или благоприобретенная, представляет собой чрезвычайно важную составную часть производительной способности индивида. Она может различаться как по пределу, которого она может достигнуть, так и по темпу, каким она может проявляться, несмотря на мешающие влияния" [1]).

Однако, у Вебера речь идет об индивидуальных отличиях еще в применении к абстрактному труду, а не к специальным видам его, каждый из которых требует особой квалификации, развития тех или иных способностей. Задача получает дальнейшее развитие у представителей современной психотехники, стремящейся, по словам признанного главы ее проф. Мюнстерберга „приискать для выполнения каждой хозяйственной работы как раз тех лиц, которые по своим свойствам особенно пригодны для нее" [2]). Несмотря на удачные опыты проф. Мюнстерберга, в довоенное время практическое применение психотехники было ничтожным. Но вызванное к жизни растратой национальных богатств на войне стремление ко всесторонней интенсификации производства заставило сериозно взяться за применение психотехники к подбору нужных для предприятий работников. Психические испытания летчиков, радиотелеграфистов и военных шоферов начались в Германии еще во время войны. „Каждый запасный автомобильный батальон имел свою лабораторию для определения пригодности к должности шофера, и военное ведомство не принимало ни одного шофера помимо этих лабораторий; в результате, удалось сократить срок обучения почти вдвое и удешевить обучение" [3]).

В настоящее время эксперименты поставлены на широкую ногу уже для целей „мирной" промышленности. Центром является высшая техническая школа в Шарлоттенбурге, пропускающая тысячи испытуемых через свои опытные станции. При высшей технической школе теперь функционирует специальный институт промышленной психотехники.

---

[1]) Max Weber. Zur Psychophysik der industriellen Arbeit. Archiv fur Sozialwissenschaft u. Sozialpolitik. XXVII B. (1908), стр. 758.

[2]) H. Münsterberg. Psychologie und Wirtschaftsleben. Ein Beitrag zur angewandten Experimental—Psychologie, 2 изд. Leipzig 1913, стр. 24.

[3]) К. Кекчеев. Психотехника и профессиональный подбор. В журнале „Организация труда" книга II, М., 1921, стр. 88.

Психотехника вдохновляется идеей устранения случайности в деле выбора профессии. Обычно штат служащих или рабочих для какого-нибудь учреждения или предприятия набирается после специальных испытаний претендующих на службу, а также на основании сведений о предшествующем обучении и впечатлений, производимых личностью кандидата. При этом молчаливой предпосылкой такого отбора, носящего почти всегда поверхностный характер, является убеждение в том, что каждый лучше всего сам определит наиболее подходящую к его психическому складу и способностям профессию. Между тем, выбор профессии по большей части определяется случайными обстоятельствами, которые нередко увлекают начинающего жизненную карьеру на ложный путь и навсегда преграждают ему возможность широкого развития своих природных задатков. В результате, происходит бессмысленное расточение народного труда и недостаточное использование созидательных сил общества. Психотехника отнимает у подвергающихся эксперименту право самостоятельного суждения о наилучшем применении своих способностей. Каждая профессия анализируется с точки зрения психофизических свойств, которые должны быть особенно развиты у желающих заниматься ею. Так, от вагоновожатого требуется своеобразная, сложная деятельность внимания, позволяющая ориентироваться в быстро сменяющейся картине улицы и определять скорость движения отдельных прохожих, экипажей, автомобилей. У кандидаток в телеграфистки исследуются, главным образом, внимание, умственное развитие, точность и быстрота движений. При психической дифференцированности массы испытуемых разница в проявлениях соответствующей психофизической приспособленности оказывается у отдельных индивидов огромной. Результаты испытания выражаются условными числовыми обозначениями, „баллами", и получившие лучшие баллы считаются наиболее достойными кандидатами для выполнения данной работы. Таким образом, на место неопределенных влечений, родительского усмотрения, наследственных привычек к какой-либо профессии, случайной протекции в том или ином учреждении или предприятии ставится научный эксперимент.

Следует прибавить, что главной сферой применения психотехники был до сих пор квалифицированный физический труд. Имеются, однако, попытки подбора профессий и для представителей интеллектуального труда,—пока преимущественно в отношении педагогов. Нетрудно, однако, предвидеть, что здесь психотехнике придется натолкнуться на почти непреодолимые препятствия, так как комплекс психических свойств, необходимых для политической, религиозно-проповеднической, изобретательской и т. д. деятельности бесконечно сложен и едва ли может быть разложен на составные части. На вершинах интеллектуального труда, перед талантом и гением, психотехника окончательно пасует.

Придавая огромное значение рациональному применению психотехники, мы, однако, считаем, вместе с тем, необходимым отметить неизбежность остановки дерзновенной экспериментаторской руки психотехника у известной заветной границы. Это означает, что распределение профессий в обществе не может быть рационализировано до конца и что в известной области общественной жизни приказ начальства выполнять какие-либо функции, хотя-бы и основанный на научном эксперименте, не может заменить свободной инициативы частны

5.

Тэйлоризм, как попытка рационализации трудовой затраты.

Психотехника не только определяет профессию для подвергающегося лабораторному испытанию. Она пытается поставить на научную основу самое осуществление профессии. Этот мотив психотехники разрабатывается тэйлоризмом. Тэйлоризм многогранен в своем стремлении к рационализации хозяйства. В нем заключены элементы рационализации трудовых затрат, рационализации промышленной техники, рационализации управления предприятиями. Нам придется поэтому встретиться с тэйлоризмом в разных частях нашей работы. Сейчас мы только коснемся тэйлоризма как способа повышения производительности труда путем автоматизации последнего.

Задача заключается в том, чтобы участвующая в производстве рабочая масса достигла максимальной производительности труда. Прививающийся в последнее время в промышленных предприятиях машинизм или фордизм стремится довести технику эксплоатации мертвого капитала до предельного совершенства и приводит к удивительнейшему нагромождению сложных технических процессов на ограниченном пространстве, в результате чего труд рабочего механизируется и упрощается. Тэйлоризм хочет научить и рабочего, подобно машине, применять свою рабочую силу с наибольшей производительностью. Основа „научной организации", как искусства, заключается в беспощадном истреблении всего лишнего: ни одного потерянного движения, ни одной потерянной минуты. Подобно тому, как на заводах производятся испытания машин для определения максимума работы, на какой она способна, так и к рабочему пред'является требование такого проявления усердия, такого напряжения движений, такого соразмерения периодов работы и отдыха, чтобы получилась наивысшая производительность.

В основе тэйлоризма лежит здоровая идея: найти оптимум для затраты труда. Интересы капиталистического предприятия мало трогают рабочего; проповедь „намеренной вялости" легко находит дорогу к его сердцу, особенно при повременной плате, когда усердие рабочего не может принести приятных плодов, в виде повышения заработка. Рабочий мог-бы поднять свою производительность без ущерба для своего здоровья. Но рядом со Сциллой намеренной вялости существует Харибда перенапряжения, и на эту опасную стезю пытается увлечь рабочего тэйлоризм. „Человеческий организм эластичен, подобно всякому другому организму и может выдержать в течение известного периода перенапряжение без того, чтобы вредоносные последствия сразу сделались заметными для глаза" [1]). Придет время, и скажутся результаты чрезмерной эксплоатации своих сил; но временно производительность может достигнуть весьма эффектной высоты. У тэйлористов есть свои Paradebeispiele, которыми они любят жонглировать, чтобы производить впечатление на „непосвященных". Таково напр. поражающее, на первый взгляд, повышение производи-

[1]) W. Kochmann, Das Taylorsystem und seine volkswirtschaftliche Bedeutung. Arch. für Sozialwiss. и Sozialpolitik, 38 Band, 2 Heft, 1914, стр. 415.

тельности труда при нагрузке чугуна в вагоны: она поднялась под влиянием применения приемов научной организации с $12^1/_2$ до 47 тонн на человека в день. Тэйлористы охотно внушают мысль, что благодаря всеобщему введению тэйлоризма на практике, вообще возможно троекратное—пятикратное увеличение продукта промышленности. Это было-бы сказочным успехом рационализации! Но все-же в основе этих чудодейственных достижений тэйлоризма, как и во всяком фокусе, скрыт свой секрет, устраняющий возможность широкого использования магического средства на практике: тэйлоризм—„ставка на сильного". Свои опыты он производит над выдающимися человеческими особями, он изучает производительную способность на лучших рабочих и применительно к ним устанавливает нормальный „урок", т. е. работу, которая, согласно точному расчету, должна быть выполнена в известный промежуток времени. Но на деле с этим уроком могут справиться лишь немногие. Если по этим немногим начнет равняться вся рабочая масса она рано или поздно не выдержит напряжения и подорвется. Поэтому, когда система Тэйлора вводится на крупных фабриках и заводах, и когда весь ход работы в предприятии определяется по образцу первоклассного рабочего, то результатом должно явиться, наряду с повышением производительности, преждевременное изнашивание организма рабочего. По истечении известного срока рабочий оказывается уже неспособным участвовать наряду со speed bosses в бешеной скачке, в которую превратился процесс производства, и выбрасывается за борт. По словам американского журналиста Голишера, побывавшего в американских предприятиях, практикующих систему Тэйлора, „дальнейшим следствием этой эксплоатации сил является регулирование возрастных пределов. В Нью-Йорке мне показывали рабочего, который красил себе волосы. Что рабочие, раньше, чем явиться на зов, смазывают себе сапожной ваксой волосы на висках– это представляет уже самое повседневное явление. Многие красятся, другие тратят по 10 долларов в месяц на drugs (медикаменты), т. е. на мышьяковые препараты, возбуждающие во время работы деятельность сердца" [1]). Такова оборотная сторона медали. Но она, впрочем, опорачивает не самое „научную организацию производства", а некоторые эксцессы в ее применении. Тэйлоризму просто нужно быть внимательнее к индивидуальности отдельных рабочих и их групп. Мы уже указывали на огромное значение этого факта дифференцированности рабочей массы. Считаясь с этим обстоятельством, тэйлористам следовало-бы говорить не об „уроке", а об „уроках" и устанавливать целую систему норм производительности применительно к особенностям физического сложения и интеллектуальных дарований рабочей среды.

Но тэйлоризм вызывает основательные возражения еще и с другой стороны: его основная тенденция—механизировать труд, разложив каждую производственную операцию на ее составные части и сохранив из них только строго необходимые для выполнения операции. Рабочий не сам определяет способ выполнения порученной ему работы, а должен подчиниться указаниям стоящих над ним сведущих лиц, бесце-

[1]) Цит. у Вольдта, „Система Тэйлора" в „Новых идеях в экономике", сб. 3, стр. 143.

ремонно рассматривающих рабочего, как автомат, который действует всегда по известному шаблону. В тэйлоризме достигает завершения историческая тенденция, направленная к обездушению, обесцвечиванию физического труда. Как много индивидуального творчества, виртуозной самобытности в работе дикаря, в работе средневекового ремесленника и как обезличено капиталистическое производство! Основная его черта—установление типа, нормы, стандарта. Машинный процесс захватывает рабочего, отучает его от антропоцентрических представлений, превращает в придаток к орудиям производства, подчиняет железной дисциплине машинизма [1]). Тэйлоризм доводит эту тенденцию обезличения труда рабочего до крайности, до парадокса: рабочий перестает быть самим собой, распоряжаться своей личностью—все его движения измерены, подогнаны одно к другому; сам рабочий превращается в манекен. По справедливому замечанию Кохманна, Тэйлор отнимает у рабочих последнюю ничтожную дозу духовного напряжения, какая оставалась в их труде; этот труд становится однотонным и безрадостным [2]). Неизбежно полное отчуждение рабочего от интересов предприятия. Тэйлористы думают засыпать вырываемую ими между рабочим и предпринимателем пропасть улучшением оплаты труда и установлением связи между вознаграждением и выполнением „урока". Как-бы ни относиться к тэйлоровской премиальной системе, приходится признать недостаточность этого тактического приема. Необходима духовная связь рабочего с предприятием. „Ничто не стимулирует производительность в большей степени, чем наличность интереса к труду у рабочего. Заботой каждого предпринимателя должно быть усиление этого интереса, лойяльность и человеческие отношения между ним и рабочими... Где не хватает лойяльности, нет энтузиазма, а без энтузиазма невозможно поднятие производительности" [3]). Пусть только что процитированный американский автор хватил через край, требуя „энтузиазма" от рабочего. Но все-же нельзя забывать того, что машинизировать рабочего значит подвергать себя той-же опасности, которой подвергался уэллсовский доктор Моро, занимавшийся опытами „очеловечивания" диких зверей... Превращение рабочего в автомат, не усыпит в нем сознания несправедливости производственной политики, требующей от него только физического, но не интеллектуального участия в жизни предприятия. Тэйлоризм может не быть для рабочего несносным ярмом только в том случае, если он сочетается с привлечением рабочих в той или иной форме к управлению предприятиями. (О степени плодотворности такого участия нам еще придется говорить ниже). Тогда, приходящий извне приказ производить при работе строго регламентированные телодвижения не будет одиозным для сознания рабочего.

Есть в тэйлоризме еще одна сторона, которую следует отметить. Упрощая до крайности производимые рабочим операции, заставляя его действовать по указке, тэйлоризм значительно понижает среднюю квалификацию рабочей массы. А наряду с этим возникает потребность

---

[1]) Срв. Thorstein Veblen. The theory of business enterprise. New Iork, 1912, стр. 306—311.

[2]) Kochmann, цит. ст., стр. 417—418.

[3]) N. A. Brisco. Economics of business, New-Iork, 1913, стр. 94.

в создании особой рабочей аристократии, являющейся посредником между пассивными исполнителями предначертаний „генерального штаба" и этим высшим центром, „мозгом" предприятия. Такова промежуточная роль надсмотрщиков или „мастеров-указателей". Для большей части рабочего класса это означает деградацию, умаление их квалификации, так как лишь незначительное меньшинство превращается в мастеров [1]). Тэйлоризм приводит, таким образом, к резкому расслоению среди пролетариата и создает благоприятные условия для под'ема лучших его представителей на высшие ступени социальной лестницы. Независимо от социального уклада, это стремление „выкарабкаться вверх" оказывается столь могущественным, что неизменно приводит к переходу известной части рабочих в высшие „состояния". Проф. Момберт собрал очень интересный статистический материал, иллюстрирующий эту capillarité sociale рабочего класса [2]). Переходною ступенью к высшим профессиям обычно является „рабочая аристократия". Увеличивая ее значение, тэйлоризм может поспособствовать разумному использованию талантов, гибнущих в рабочей среде, вследствие неблагоприятных жизненных условий.

Summa summarum, наше отношение к тэйлоризму, как способу рационализации приемов труда, может быть выражено так: тэйлоризм ценен не как система, не как „мировоззрение", а как технический метод, применимый при определенной организации производственного процесса. При отсутствии этих предпосылок, его применение может привести к катастрофе. К вопросу о возможности создания такой организации мы подойдем в другом месте.

6.

Предпринимательская деятельность и ее рационализация.

Нам остается еще остановиться на предпринимательской деятельности, как об'екте рационализации. Предприниматель это—душа предприятия, это его движущая сила. Осуществление предпринимательской деятельности требует своеобразной интеллектуальной одаренности, особенного сочетания различных душевных качеств. Задача заключается, следовательно, в анализе предпринимательской психологии, установлении отдельных свойств, необходимых для удачного предпринимательства и выяснении мероприятий экономической политики, которые могут способствовать укоренению и развитию подобных психических комбинаций в общественной среде. По справедливому замечанию Шальмейера, „чтобы понять способ наследования какого-нибудь таланта, мы должны, прежде всего, установить, из каких элементов одаренности составляется этот талант... Большинство профессиональных одаренностей состоят из ряда духовных задатков, к которым принадлежат

---

[1]) М. Пиолунковский. Процесс труда. В журнале „Организация труда", кн. II, М., 1921, стр. 57—58.

[2]) P. Mombert. Die Tatsachen der Klassenbildung. Schmollers Jahrbuch, 44 Jahrgang, IV Heft (1920).

сверх интеллектуальных также и одаренности в области чувств и инстинктов, в гармоническом сочетании" [1]).

Приступая к рассмотрению элементов сочетания, необходимых для „профессиональной одаренности" предпринимателя, мы оказываемся в счастливом положении: в новейшей экономической литературе предпринимательской психологии уделяется особенное внимание. Из ряда относящихся сюда работ остановимся, прежде всего, на построениях Шумпетера.

Есть два разных типа людей. Один, преобладающий, пассивно подчиняется среде и идет по раз навсегда намеченному пути, боясь нового, неизведанного. Консерватизм социальной среды, опутывающий хозяйствующего субъекта массой установившихся обычаев и предрассудков, мешает всякому новшеству. К препятствиям, идущим со стороны среды, присоединяются препятствия со стороны собственной психики. Трудно заставить себя решиться на новый шаг, последствия которого нельзя в точности предвидеть. Приходится затрачивать усилия воли, к проявлению которых способен не всякий. Между тем, идя обычной дорогой, мы справляемся с большей частью нашей физической и умственной работы легко и без особенных психических затрат.

Но все-же есть группа людей, которая не боится сопротивления среды. Психическое давление последней преодолевается ими с такою-же решительностью, с какой другие приучили себя поддаваться ему. Их даже привлекает перспектива борьбы с рутиной. Легко побеждают они и сопротивление собственной психики. Их влечет к новому, неиспробованному. Они сами в себе носят правила своего поведения, а не заимствуют их извне.

В своей деятельности этот тип людей руководится особенными „энергетическими" мотивами, тогда как для огромного большинства определяющим поведение принципом остается гедонизм: стремление с наименьшими жертвами получить наибольшее наслаждение. Представители этого типа остаются равнодушными к утонченному потреблению. После того, как обеспечен известный потребительский минимум, удовлетворение, доставляемое каждой новой долей приобретаемых благ быстро падает. Когда достигнута известная величина дохода, дальнейший прирост наслаждений, который может быть получен на добавочную единицу дохода, ничтожен, приближается к нулю. Не ради этих скромных приростов предприниматель неустанно развивает свою деятельность. Тем более, что потребление требует времени, свободы, отдыха, а предприниматель настолько отдается делу, что даже важнейшие потребности остаются нередко неудовлетворенными. Предприниматели проявляют нередко полнейшее равнодушие, даже отвращение к пассивному наслаждению. Правда, они живут в роскоши, но не ради нее они работают. Они пользуются роскошью просто потому, что у них есть средства для этого. „Люди, создавшие современную промышленность, были цельными натурами, а не жалкими созданиями, постоянно спрашивающими себя боязливо, обещает-ли всякое напряжение, которому они себя подвергают, и достаточный излишек наслаждения... Такие люди творят, потому что не могут поступать иначе.

[1]) Schallmayer, назв. соч., стр. 114—115.

Их поведение представляет величественнейший, самый блестящий момент, какой только хозяйственная жизнь может дать наблюдателю" [1]). В приобретенных благах предприниматель видит, прежде всего, символ своей социальной мощи. Богатство дает власть, возможность распоряжаться, повелевать в известном кругу хозяйственных отношений. Оно—залог успеха, победы над конкурентами; оно ценно как условие продолжения экономической борьбы, подобно тому, как для игрока ценен выигрыш, дающий возможность продолжать игру.

Предприниматель никогда не прекращает своей деятельности добровольно, под влиянием сознания, что достигнут предел самых дерзновенных его мечтаний. Всякая остановка для него регресс, упадок, покорность перед неизбежным злом. Бурная жажда творчества заставляет предпринимателя забывать даже о риске. Не беспокоит его и то, что поражение может нанести непоправимый вред его близким. Предприниматель творит по вдохновению, по наитию, выбирая из представляемых хозяйственной жизнью возможностей без долгих колебаний, почти безотчетно. „Проблемы, новые возможности, представляющиеся нашему человеку действия, влекут его к себе, интересуют его. Его прельщает возможность экспериментировать и накладывать печать своего духа на хозяйственные отношения" [2]).

Предпринимателя нужно отличать от изобретателя. Новые производственные планы, новые технические усовершенствования не затрагивают экономической жизни, пока не получат реального воплощения. Многие не замечают или не хотят замечать этих проектов и изобретений. Они думают о своем хлебе насущном; им некогда „фантазировать". Борьба за существование отнимает энергию и лишает широких перспектив. Но творцами экономических ценностей являются и не те, кто создает планы. При сильном интеллекте и подвижной фантазии можно мысленно творить новое почти без конца. Есть еще меньшая группа людей, и она действует. Правильный выбор—вот задача предпринимателя, вот критерий его одаренности. „Его талант заключается в том, что ему предносятся только одна или несколько возможностей, а о других он и не думает. Совершенно непроизвольно и бессознательно, не отдавая себе строгого отчета об основаниях своего поведения, он ухватывается за то—и только за то, что потом фактически себя оправдывает" [3]).

Едва-ли нужно доказывать, что в шумпетеровском предпринимателе мало реалистических черт, что нарисованный им образ, при всей его привлекательности, представляет продукт чистейшего вымысла и несдержанной фантазии. Нетрудно угадать и источник вдохновения Шумпетера: он наяву грезит о ницшевском Übermensch'е. Его предприниматель слишком романтичен, он слишком поэт и художник, чтобы побеждать в такой трезвой par excellence деятельности, как getting of living. Творческая интуиция в качестве верховного критерия экономического успеха, какое-то полумистическое провидение, не имеющее корней в экономической системе, заменяет шумпетеровскому предпринимателю

[1]) Schumpeter, Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung, стр. 137—138.
[2]) Там-же, стр. 143.
[3]) Там-же, стр. 177.

сложные расчеты и вычисления. Élan vitale делает излишней калькуляцию. Война ради нее самой, победа единственно для торжества победителя, стремление к прибыли, чтобы поставить на карту еще большую ставку— вот картина предпринимательской деятельности по Шумпетеру. Предприниматель игнорирует риск. Творит, потому что не может жить без творчества. Не боится поставить на карту благополучие свое и своей семьи. Можно-ли строить хозяйственную деятельность на такой зыбкой почве, может-ли выжить в борьбе за существование и достичь верхов социальной пирамиды такой предприниматель по вдохновению? Не окажется-ли сильнее его тот, кто изучил рынок во всех его тонкостях и сокровенных деталях, благодаря долгому опыту, научился предвидеть колебания кон'юнктуры, который все знает, оценивает, взвешивает? Уловив удачно несколько штрихов предпринимательской психики, Шумпетер ошибся в главном. В противовес данной им характеристике, мы выдвинули-бы, в качестве лучшего представителя предпринимательского типа человека с железной волей, огромным знанием рынка, и рыночной психологии, рискующего только тогда, когда можно много выиграть.

Для уяснения личности такого реального предпринимателя много ценного материала дают работы Зомбарта. Нетрудно догадаться, что идеология предпринимателя интригует Зомбарта; он возвращается к этой теме снова и снова, и каждый раз умеет увлечь читателя новыми сторонами несколько загадочного предпринимательского образа. Зомбарт отлично понял, что в психике предпринимателя неразрывно спаяны элементы высокого, творческого воодушевления с самыми обыденными, „человеческими, слишком человеческими" мотивами. По словам Зомбарта, современный хозяйственный строй, несмотря на то, что он полон неугомонного движения, может быть до известной степени рационализирован; эта рационализация и выпадает на долю предпринимателя. „Рационализм" в ведении предприятия заключается, по мнению Зомбарта: 1) в планомерности хозяйства, программа управления которым должна простираться как можно дальше в будущее, 2) в целесообразности управления, выражающейся в строгом выборе средств— в противоположность традиционному методу неосознанного применения рутинных приемов и 3) в счетном характере ведения предприятия, т. е. точном цифровом учете и регистрации всех операций и соединении отдельных записей в строго упорядоченную, полную смысла, числовую систему.

Задача предпринимателя состоит в заключении договоров об оказании оцениваемых в деньгах взаимных услуг с таким расчетом, чтобы к концу хозяйственного периода в руках предпринимателя оказалась прибыль, ценностная разность.

В капиталисте-предпринимателе живут одновременно две души, которые, в отличие от фаустовских, не могут быть разделены и, наоборот, во внутренней гармонии выполняют общее дело: души предпринимателя и дельца. Предприниматель в процессе капиталистического хозяйства—постоянная величина, делец—переменная. Предприниматель— ритм, делец—мелодия капиталистической музыки. Предприниматель намечает себе определенную цель, разрабатывает план и посвящает осуществлению его всю жизнь, неуклонно идя прямым путем. Делец это—

только всего человек, который хочет производить выгодные операции. Весь мир его представлений и чувств направлен на выражение в деньгах действий и состояний. Необходимость приспособляться заставляет его постоянно менять ход и направление своей работы.

В предпринимателе соединяется несколько типических черт. В нем есть и задатки изобретателя, стремящегося претворить свои изобретения в жизнь и способность к экономическим „открытиям" (напр., отысканию новых рынков сбыта) и тенденции завоевателя: решимость и сила для борьбы с препятствиями, готовность пожертвовать состоянием, гражданской честью и даже жизнью, и умение организатора: способность соединять множество людей для успешного действия, отыскивать и оценивать по достоинству работников, находить талантливых помощников, ставить каждого на то место, где он может развить максимум энергии и производительности.

Делец—проще. Это спекулирующий калькулятор, умеющий при этом „делать дела" и столковываться с покупателями. Он должен дешево покупать и дорого продавать, находить наиболее платежеспособного покупателя на наиболее способном к поглощению товаров рынке во время максимального спроса и наиболее благоприятной кон'юнктуры, зная, как убедить его в выгодности сделки. Он должен уметь поставить экономический диагноз; обозревать все происходящие на рынке явления и познавать их связь; правильно распознавать их симптомы; правильно взвешивать возможность будущего развития и из сотен возможностей с безошибочной уверенностью выискивать наивыгоднейшую. Делец должен уметь возбудить у потребителя представление об особенной выгодности немедленного заключения сделки... Идеал продавца достигнут тогда, если все население почитает весьма важным для себя приобретение восхваляемого им предмета, если человеческой толпой овладевает паника из за того, что уже не удастся вступить с ним своевременно в сделку (как это бывает во времена лихорадочного возбуждения на фондовом рынке) [1]).

В своей книге, посвященной „буржуа", Зомбарт блестяще проследил историческую генеалогию предпринимателя. Тип остается одним и тем-же; но своеобразие национального характера и эпохи меняет формы конкретного его воплощения. Приведем пару примеров. „Люди, у которых авантюристская фантазия сочеталась с величайшей мощью действия; люди, исполненные романтизма и все-же с тонким чутьем действительности; люди, которые сегодня повелевали разбойничьей флотилией, а завтра занимали высокий пост в государстве; которые сегодня жадной рукой тянулись к сокровищам, а завтра садились писать мировую историю; люди со страстной жаждой жизни, с сильным стремлением к великолепию и роскоши и все-же способные подвергать себя на целые месяцы лишению и риску морского путешествия. Люди с величайшими организаторскими способностями, но преисполненные детского суеверия. Одним словом: люди Ренессанса". Выхватим из зомбартовской коллекции предпринимательских типов еще одну колоритную фигуру: „Спекулянт-миллионер Рошетт едва достиг 30-летнего возраста. Он сначала был пикколо в железнодорожном ресторане, затем кельнером в кофейне в Ме-

[1]) W. Sombart. Die Juden und das Wirtschaftsleben. Leipzig, 1911, стр. 186—197.

луне. Затем он приехал в Париж, изучил бухгалтерию и поступил на службу к финансисту-спекулянту Бергеру. Когда Бергер обанкротился, Рошетт откупил его дела за 5 тыс. фр., с приложением машинистки, на которой он женился. Вслед за тем, он принялся за грюндерство и в течение каких-нибудь 4 лет учредил 13 акционерных обществ... В общем, он эмитировал ценностей на 60 миллионов, которые под конец были взвинчены им по курсовой расценке до 200 милл. и которые теперь едва-ли можно оценить в 20 милл.". Таковы крайности исторических воплощений предпринимательской личности. Однако, одна черта резко доминирует над всеми другими у современного captain of industry—это совершенно особенное, любовное отношение к своему детищу. По словам Ратенау, „это предприятие противостоит ему как живое существо, имеющее телесное бытие, которое ведет независимое экономическое существование через свою бухгалтерию, организацию, фирму". Предприятие—предмет постоянных забот, гордости, желаний своего руководителя. Львиная доля прибыли ухлопывается в дело и поэтому не может быть такого момента, когда предприниматель мог-бы сказать, что он достиг в своем стремлении к накоплению предела. Зомбарт приводит единодушные свидетельства таких промышленных магнатов, как Кэрнеги, Рокфеллер. „Расширение дела"—вот лейт-мотив. Дешевизна и качество продукта—средство для этой цели. Насколько предприятие способно деспотически подчинить себе своего создателя, показывает правдивый художественный образ Мак—Аллана, героя келлерманского „Туннеля". „Творец туннеля превратился в его раба. Его мозг не знал более других ассоциаций идей кроме машин, типов вагонов, станций, аппаратов, чисел, кубических метров и лошадиных сил. Почти все человеческие ощущения погасли в нем. У него остался только один друг Ллойд. Они часто проводили вдвоем вечера. Они сидели в своих креслах—и м о л ч а л и".

Что-же дают наши психологические изыскания для разрешения вопросов рационализации предпринимательской деятельности? Организаторский труд предпринимателя требует наличности сравнительно редко встречающегося сочетания элементов духовной одаренности. „Вождей" промышленности нельзя выбирать по жребию, как того хотел, напр., благородный мечтатель Овен, их не должна выдвигать рабочая масса на демократической основе всенародного голосования. Предприниматели, подобно поэтам, „родятся, а не делаются". Нельзя сказать, что психические особенности индивида могут повелительно диктовать ему необходимость применения своих сил в предпринимательской работе, а не в иной сфере духовной культуры. Такой „специализации" таланта, конечно, нет. Тот-же Зомбарт напр. живописно изобразил, как трудно было провести в известные моменты седой старины резкую грань между морским пиратством и предпринимательством. Но, тем не менее, лучшие образцы предпринимательской породы появляются обычно лишь в среде, достигшей известного интеллектуального уровня. Было-бы чрезвычайно интересно проследить, в такой-же ли мере предпринимательский талант обнаруживает тенденцию передаваться по наследству, как другие виды психической одаренности. Мы можем здесь указать на единственное пока семейство изобретателей и промышленников Сименсов, обладающих выдающимися способностями в области естествен-

ных наук и механики, которое изучено именно с точки зрения наследственности таланта. Новейший исследователь этого рода, Г. Сименс, устанавливает, что наиболее талантливым было 7-е поколение Сименсов, давшее четырех знаменитых братьев-изобретателей и предпринимателей: „берлинского", „лондонского", „дрезденского" и „петербургского" Сименсов. Известнейший из них Вернер Сименс „занимает в истории техники такую же роль, как Гете—в истории литературы" [1]). Было-бы, однако, опрометчиво делать на основании одного этого примера общий вывод о существовании „родовых гнезд", являющихся рассадниками предпринимательской культуры. Известно ведь, что американские self made man'ы, люди исключительной одаренности, были сплошь и рядом весьма сомнительного происхождения и, по эмпирическому наблюдению, в их потомстве третье—четвертое поколение возвращается обычно к прежнему состоянию.

В новейшей экономической литературе вообще оживленно спорят о том, не погашается-ли роль личного момента в производстве последними этапами развития капиталистического строя, не побивает-ли приобретенная в высшей школе выучка природного промышленного гения. Часто указывают, что безличный капитал, сгущающийся в современном капиталистическом хозяйстве в такие мощные, грандиозные массы, задавил своей тяжестью личное начало. Эта „материализация" хозяйственной жизни ставится в связь с неимоверно растущей тенденцией к комбинированию предприятий, к превращению их в огромные коллективные (чаще всего акционерные) единства. Акционеры связаны с предприятием только капиталом. Личной связи нет. Капитализм с этой точки зрения обесцвечивает, бюрократизирует производство, отнимая у участников предприятия воодушевлявшее их сознание интимной близости с их детищем. Прогресс научной техники также умаляет возможность развития предприятия какими-то самобытными путями, интуитивно намеченными гением руководителя. Маршалл считает, что только для конструктивного гения высшей марки воспитание и выучка не имеют значения. Для рядового-же предпринимателя техническое обучение может заменить отсутствующую талантливость. Недостаток инициативы может быть возмещен „здоровой благоприобретенной способностью ясного мышления". По мнению Кэрнеги, старого механика, воспитавшегося в деле и бывшего основным стержнем промышленной работы, все более и более вытесняет „научно вышколенный юнец", для которого в области техники не существует предрассудков и который готов воспользоваться немедленно любым производственным методом, чьим-бы изобретением он ни был [2]). Промышленные успехи Германии, а вслед за ней Соед. Штатов покоятся, главным образом, на умелом использовании науки для нужд производства. Яркую сжатую характеристику влияния применения открытий в области прикладного естествознания, особенно электротехники и химии, на успехи германской промышленности дает Гельферих. Прикладному естествознанию обязаны своим расцветом железоделательная и угольная

[1]) H Siemens. Über das Erfindergeschlecht Siemens. Arch. für Rassen-und Gesellschaftsbiologie, 1917, 2 Heft, стр. 182.

[2]) Marshall, назв. соч., стр. 361.

(получение дериватов каменноугольной смолы) отрасли промышленности. „Применение электричества при обработке некоторых металлов достигло особенных результатов; упомянем здесь аллюминий, добывание которого из глинозема превратилось, благодаря электрическому способу, из весьма дорогого лабораторного опыта в крупную отрасль промышленности. В свою очередь усовершенствование последней имело решающее значение для современного строительства воздухоплавательных аппаратов и аэропланов. С блестящим развитием обработки каменоугольной смолы должно сопоставить синтез органических красильных веществ (искусственный индиго) химическую обработку дерева (целлюлоза), добывание азота из атмосферического воздуха и основанные на прогрессе биохимии усовершенствования в отраслях промышленности, базирующихся на процессах брожения (пивоварения, изготовление дрожжей и т. д.)“ [1]).

При таких условиях от руководителей промышленных предприятий, прежде всего, требуется усвоение последних научно-технических завоеваний. Наука изгоняет из промышленности субъективный произвол и личное творчество. Последнюю точку в этом процессе ставит тэйлоровская, „научная организация предприятий“. Тэйлоризм превращает самое управление предприятием в науку. Как заявляет Тэйлор. „в прежнее время на первом плане был человек; в будущем-же на первом плане должна быть система“ [2]). Предприятие должно действовать, как автомат, как часы..

Как ни широко, однако, раскинулась паутина техники по современному промышленному предприятию, она не только не задушила предпринимательской инициативы, но еще более расправила крылья для полетов его творческой мысли. Освободившись от забот о технических деталях своего производства, предприниматель весь отдался организационно финансовым задачам своего дела. Как указывает Виденфельд, отжившему предпринимательскому типу Гальске, знавшему все тонкости своего производства и гордому каждым своим продуктом, нужно противопоставить тип Круппа и Сименса, выросших за пределы микроскопической работы над деталями, занятых не техническим осмысливанием отдельных стадий процесса фабрикации, а соединением различных по техническому характеру предприятий в целостную производственную единицу. Современный предприниматель знаком с технической стороной предприятия, составлявшей гордость отошедших предпринимательских поколений, лишь поверхностно, управляя предприятием при помощи целой коллегии помощников. Сознательно пресекая в себе интерес к частностям, он должен направить главное свое внимание на общую деятельность предприятия и на правильный выбор сотрудников. „Личность“ резюмирует Виденфельд: „сделалась решающим моментом“ [3]).

Несмотря на признание огромного значения за воспитательным элементом, тот-же Маршалл отмечает исключительное значение предпринимательского гения в периоды реконструкции народного хозяйства. Мы живем именно в такую историческую эпоху. Судьбы целых народов

---

[1]) Гельферих, назв. соч., стр. 34—35.

[2]) Тэйлор. Научные основы организации промышленных предприятий, стр. 3.

[3]) K. Wiedenfeld. Das Persönliche im modernen Unternehmertum, 1911, стр. 102.

зависят от того, решат ли они удовлетворительно проблему народохозяйственной организации. Нормальная „научная" работа производственного аппарата представляет идеал статического состояния общества, когда пронеслись уже бури социальных преобразований, достигнуто прочное равновесие, когда государственный корабль вошел в тихую пристань. Но когда бушует еще динамическая стихия, когда очертания будущей организации производства даже в самых общих контурах еще не вырисовываются в туманной дали, мы более чем когда-либо нуждаемся в вождях, которые повели бы за собою массы к организационному строительству.

Попробуем подвести итоги: функция управления, „командования", торговопромышленными предприятиями должна быть сосредоточена в руках особой группы людей, представителей высшей интеллигенции, обладающей необходимой для этого духовной одаренностью. „Демократизация" способности к такому управлению должна быть подготовлена хорошо продуманной, рациональной постановкой профессионально технического образования, особенно высшего. Воспитанные таким путем кадры инженеров сумеют выжить из промышленности старый традиционалистический дух и заменить его господством научного метода. Но из этой массы рядовых инженеров должно выделиться ядро вождей народного хозяйства, отмеченных особой печатью „избрания", на долю которых выпадает решение наиболее ответственных организационных задач. Государство не должно пассивно ожидать появления этой группы на исторической арене. У нас сохранились остатки интеллигенции. Мудрая экономическая политика может побудить последнюю выделить наиболее одаренные свои силы для организации народного хозяйства.

ГЛАВА III.

Рационализация накопления.

1.

Массовые сбережения, как источник накопления, и трудности рационализации этого процесса.

Для отдельных лиц и целых народов накопление становится возможным, благодаря превышению производства над потреблениеми или, выражаясь в терминах современного денежного хозяйства, при активном балансе доходов и расходов. Отсюда ясно, что стимулировать накопление можно либо повышением производительности хозяйственной деятельности, либо сжатием потребления. Обе возможности требуют для своего осуществления не только известной материальной обстановки, но и нарождения особенной приобретательской психологии—„капиталистического духа". Энтузиазмом накопления человечество начинает пылать лишь на определенной стадии экономического развития. В аграрных странах уровень накопления несравненно ниже, чем в промышленных. „Поразительная разница между ними проявляется в абсолютной величине ежегодного образования новых свободных капиталов: миллиарды в крупных промышленных государствах, миллионы в чисто земледельческих странах. Так, напр. около 1900 г. сумма сберегательных взносов в Германии определялась в 8—9 миллиардов мар., а в 1905 г. подсчет показал, что перейден десятый миллиард. А в то же время в Португалии к концу века было внесено около—50, Румынии—27, в Болгарии—5 миллионов мар." [1]).

В основе психологии накопления лежат, казалось-бы, стихийные, темные процессы в массовом сознании, и повлиять на них правительственными распоряжениями едва-ли возможно. Достаточно привести два примера. Необузданная жажда легкого обогащения, царившая в период так наз. „первоначального накопления", проявлялась в виде грозной лавины, сносившей с пути все препятствия. „Мы сделались богатыми, потому что целые расы и племена вымерли для нас и целые части света для нас обезлюдели" [2]). Еслибы какое-нибудь государство сделало безумную попытку задержать эту вакханалию „накопления", все его усилия остановить стихийное разграбление Нового Света были-бы, разумеется, тщетными. Другой пример. Замечательными исследованиями Макса Вебера о духе капитализма и протестантской этике, книгой Зомбарта о роли евреев в капиталистическом развитии, аналогичными набросками С. Н. Булгакова в отношении русского старообрядчества с несомненностью доказано, что в процесс накопления у многих народов

[1]) Sartorius von Waltorshausen. назв. соч., стр. 19—20.
[2]) *Зомбарт.* Современный капитализм, т. I, с р. 323.

вплетались религиозные мотивы: желание приумножить вверенное Богом для земной жизни достояние [1]). И здесь власть с ее приказами и запретами, а также мерами экономического воздействия, бессильна придать накоплению представляющийся ей желательный характер: ускорить или задержать его.

Однако, несмотря на указанную особенность процесса накопления, современная экономическая доктрина трактует вопрос о накоплении в свойственных ей вообще упрощенных рационалистических тонах. По Бем-Баверку, человек склонен к „перспективистическому уменьшению" ценности будущих благ. Чтобы накопление было возможным, рачительный хозяин должен быть вознагражден за отсрочку потребления процентом на капитал. Развивая доктрину Бем-Баверка, американский экономист Карвер делает лишь ту поправку, что накопление имело-бы место и при отсутствии процента, так как даже при недоценке будущих благ часть большого их запаса выгоднее сохранить для будущего, чем подвергнуть немедленному истреблению. Однако, если-бы не существовало добавочного стимула, во образе процента, процесс накопления шел-бы довольно вяло.

Если-бы накопление действительно всецело определялось рационалистическими побуждениями и его интенсивность была прямо пропорциональна высоте ссудного процента, то тогда "рационализация" накопления не представляла-бы трудностей. Достаточно было-бы умело регулировать процентную ставку, чтобы вызывать приливы и отливы сбережений.

Правда, самая возможность такого свободного передвижения ставки вверх и вниз по процентной шкале может быть оспорена. Еще адептами классической школы политической экономии выдвинуто было учение о существовании „естественного уровня" процента, к которому неизменно тяготеет рыночная ставка. Кредитные учреждения и, в частности, эмиссионные банки не определяют учетного процента по произволу—la banque ne fixe pas le taux de l'interêt, elle le constate [2]). Еще Рикардо твердо держался этого взгляда. По его словам, ссудный процент „не регулируется ставкой, по которой банк оказывает кредит, хотя-бы она составляла 5, 4 или 3 процента, но уровнем прибыли, которая может быть получена при употреблении капитала и которая совершенно не зависит от количества или ценности денег. Отдаст-ли банк в ссуду один миллион, 10 милл. или 100 милл., он не может устойчиво (permanently) изменить рыночного уровня прибыли" [3]). Таким образом, регулятором рыночного процента на капитал, в действительности, оказываются не кредитные учреждения, а за их спиной—уровень прибыли, определяющийся общим характером экономического развития страны и достигнутою степенью накопления капитала. Этой доктрины до сих пор придерживаются с большей или меньшей ригористичностью авторы, занимающиеся проблемами учетной политики. Вот какое построение по вопросу о соотношении естественного и рыночного процента дает, опираясь на

[1]) „Человек есть лишь управляющий благ, врученных ему милостью Божьей: он должен, как лукавый раб в библии, дать отчет о каждом гроше". С. Н. Булгаков. „Народное хозяйство и религиозная личность" в сб. Два града. М. 1911, Т. I, стр. 196.

[2]) Слова бывшего управляющего Французского банка де-Валю; цит. у Эпштейна „Эмиссионные и кредитные банки в новейшей эволюции народного хозяйства", стр. 41.

[3]) Ricardo, Works ed. by M'. Culloch, стр 220.

Бем-Баверкскую психологическую теорию, Мизес. По его словам, высота процента на капитал ограничена производительностью последнего экономически еще допустимого и следующего уже недопустимого „удлинения пути" производства. Избираемый производственный период должен быть настолько длинен, чтобы в течение его весь наличный фонд средств существования был необходим, но и достаточен для оплаты всех занятых в данном производстве рабочих. След., удлинение этого периода возможно лишь при увеличении фонда или сокращении потребления рабочих и предпринимателей. Предположим теперь, что банки искусственно понижают рыночный уровень процента. Такая ставка соответствует более долгому периоду производства, чем тот, что применялся до сих пор. Отдельным предпринимателям становится выгодным вводить приемы работы, требующие для своего завершения более продолжительных сроков. Но применение новых, более „окольных" путей производства приведет к тому, что фонд средств существования будет потреблен раньше, чем блага высшего порядка, участвующие в производстве, претворятся в поток готовых для потребления благ. Но так как этот недостаток в средствах существования не наступит сразу (ведь постоянно одни производственные процессы начинаются, другие заканчиваются), а выразится в постепенном относительном росте спроса на потребительные блага и ослаблении спроса на блага высших порядков, то произойдет общее повышение цен готовых к потреблению благ и понижение цен производительных средств. Эта реконструкция цен свидетельствует не о чем ином, как о возвышении уровня ссудного процента и о приближении его к естественному уровню. Тот-же процесс, но только в обратном направлении, был бы вызван искусственным повышением учетно-ссудной ставки кредитными учреждениями [1]).

Развивая мысли в том-же направлении, что и Мизес, некоторые авторы пытаются доказать, что учетная политика банков вообще не может эмансипироваться от условий места и времени и что она стоит в прямой зависимости от экономического положения страны, от быстроты ее народохозяйственного развития, от роста населения, наклонности ее жителей к бережливости и накоплению, наконец, от того как, в результате действия всех перечисленных факторов, складываются ее торговый и рассчетный балансы. Если мы примем во внимание все эти обстоятельства, нам покажется вполне резонным мнение Шварца, что „в среднем, за большие промежутки времени, банк не может очень удаляться от соотношения между спросом и предложением краткосрочных ссудных капиталов или, во всяком случае, лишь в сравнительно ничтожной степени может „управлять" ими или „определять их" [2]).

Как ни существенно, однако, влияние общих экономических условий на уровень процента, оно, как признает и Шварц, сказывается лишь через большие промежутки времени и не может помешать планомерной учетной политике, которая, временно отклоняя учетную ставку от „нормального" уровня, производит все-же необходимое давление на цены. При одной и той-же экономической обстановке возможно большее или меньшее развитие спекулятивной горячки, и именно от учетной политики за-

[1]) L. Mises назв. соч., стр. 428—433.
[2]) Otto Schwarz. Diskontpolitik, стр. 31.

висит, сколь высоко поднимется волна под'ема. Изменения в относительной высоте цен производительных и потребительных благ, о которых говорит Мизес, произойдут лишь с большой постепенностью, и прежде, чем процент, благодаря им, механически войдет в норму, действие „произвольной" учетной ставки может повлечь за собой значительное преобразование рыночной кон'юнктуры и психологии. Таким образом, банки в известных пределах, несомненно, располагают свободой действий и могут по произволу расширять и сжимать кредит, оказывая тем воздействие на цены.

Однако, если-бы даже регулирование ставки было всецело во власти банков, управление процессом накопления не могло-бы так просто опираться на автоматическую связь между интенсивностью накопления и уровнем процента, как это представляется сторонникам изложенной нами „рационалистической" теории. Весьма сомнительно, чтобы существовала строгая пропорциональность между стремлением к накоплению и уровнем процента. Это ходячее мнение, высказанное мимоходом еще Рикардо, очень удачно опровергается супругами Вебб в их известном коллективном труде: Industrial democracy. Как отмечают супруги Вебб., еще Чайльд правильно указывал на то, что низкий уровень процента в Нидерландах конца XVII ст. не только не приостановил накопления, но послужил причиной процветания голландского народа. По его мнению, в странах с высоким уровнем процента „купцы, приобревшие большое состояние, покидают торговлю и отдают свои деньги в ссуду из процентов, так как доход от этого легкий, верный и значительный; тогда как в странах с низким уровнем процентов они остаются купцами из поколения в поколение, обогащаясь сами, обогащая и страну". Смит также полагал, что высокая прибыль убивает бережливость: что легко наживается, то легко и проживается. По справедливому указанию самих супругов Вебб, „самые сильные мотивы к сбережению— желание обеспечить себя самого на случай болезни или на старость, или-же обеспечить будущее детей—оказывают свое влияние, как свидетельствуют сбережения французских крестьян, совершенно независимо от того, приносят-ли эти сбережения прибыль или процент, или нет... Значительная часть сбережений делается с тем, чтобы иметь в будущем доход, на который можно было-бы существовать, не занимаясь никаким трудом" [1]). Ту-же точку зрения развивает и Кларк. По его мнению, главный мотив накопления заключается совсем не в стремлении добиться такого прироста капитала, который позволил-бы в известный момент времени в будущем улучшить свое потребление, а в желании обеспечить себе регулярное получение одного и того-же или даже повышающегося дохода. При низком процснте размер капитала, гарантирующего известный standard of life, должен быть значительно больше, чем при высоком проценте [2]).

Из сказанного следует, что, во первых, производимые кредитными учреждениями колебания процентной ставки вызывают реакцию (в смысле изменения готовности к накоплению) далеко не у всех хозяйствующих суб'ектов и что, во-вторых, самый характер их влияния весьма проблематичен.

[1]) С. и Б. Вебб назв. соч., т. II, стр. 507—511.
[2]) J. B. Clark. Essentials of economic theory New-Jork, 1907, стр 339 и сл.

2.

Накопление в материальной и денежной форме.

Но трудности „начальственной" рационализации накопления простираются еще дальше. По мнению многих современных теоретиков, самая возможность накопления обусловлена известными изменениями в сумме материального капитала, которым располагает общество. Роза Люксембург особенно настойчиво подчеркивает, что накопление капитала есть лишь другое название для процесса расширенного воспроизводства: „накопление, т.-е. превращение прибавочной стоимости в действующий капитал, представляет собой капиталистическое выражение расширенного воспроизводства" [1]). Самая же возможность расширенного воспроизводства требует в свою очередь наличности известных предпосылок: „В действительности, расширение производства во всяком обществе, в том числе и в регулируемом, возможно только тогда, во-первых, когда общество имеет в своем распоряжении возрастающее количество рабочей силы, во-вторых, когда непосредственное содержание общества за каждый рабочий период не требует всего рабочего времени, так что часть времени может быть посвящена заботам о будущем и его возрастающим требованиям и, в-третьих, когда из году в год изготовляется в достаточной мере возрастающая масса средств производства, без которых не может быть осуществлено прогрессивное расширение производства" [2]). Таким образом, накопление есть, прежде всего, „натуральный" акт: увеличение количества материальных ценностей, состоящих в распоряжении общества. Хотя всякое благо производится только для того, чтобы быть потребляемым, но весьма важно при этом установить цель потребления. Потребление какого-нибудь блага капиталистом является „непроизводительным", так как потребленное благо гибнет безвозвратно; потребление того же блага рабочим означает, что благо получило производительное применение, что оно послужило задачам накопления. В материальном мире накопление проявляется во все возрастающем количестве благ, получающих производительное применение.

Отсюда следует, далее, что единственный или главнейший путь накопления заключается в сбережении. Производящее сбережения лицо отдает причитающиеся ему из общественного фонда средства существования другим хозяйствующим суб'ектам и получает взамен право на известную долю средств производства, изготовленных лицами, получавшими пропитание за счет сберегателя. Так основной капитал „происходит от текущего путем производительного потребления" [3]) „...хотя не всякое сбережение становится капиталом, но всякий капитал есть результат сбережения. А это обозначает в то же время, что сбережение образует собою единственную причину возникновения капитала" [4]).

---

[1]) Р. Люксембург. Накопление капитала. М. 1921, стр. 11.
[2]) Там-же, стр. 82.
[3]) K. Elster. Die Seele des Geldes. Grundlagen und Ziele einer allgemeinen Geldtheorie Jena, 1920, стр. 126.
[4]) Там-же, стр. 137.

Денежная форма, в которую накопление воплощается, только скрывает — с излагаемой точки зрения — истинную сущность рассматриваемого процесса. Изменения в денежном обращении должны быть верным отражением колебаний рыночной конъюнктуры. Если движения денег приобретают самостоятельный активный характер, это неизбежно приводит к роковым для денежного хозяйства последствиям. Денежная система является лишь передаточным механизмом, действительным же объектом воздействия следует считать уровень товарных цен, на который производится давление через денежный аппарат.

В периодических колебаниях цен, обычно думают, в значительной мере повинны деньги. В периоды подъема денежный аппарат слишком быстро расширяется, вызывая этим все новые и новые повышения цен. А между тем, эта усиленная эмиссия денег отнюдь не скрывает за собою действительного накопления капитала. Желательно поэтому построить денежную систему таким образом, чтобы она лишь механически отражала требования товарного оборота. Тогда изменения цен будут вызываться лишь причинами, лежащими в самих товарах, условиях их производства и сбыта, и рост денежного обращения станет возможным лишь в результате накопления нового материального капитала.

Стремлением к достижению указанной цели вдохновляется, напр., учение последователя Кнаппа Бендиксена [1]), бесспорной заслугой которого нужно считать ясно формулированное требование создания специальной дисциплины, посвященной выработке основ планомерной денежной политики (Geldschöpfungslehre). Бендиксен полагает, что создание новых денег должно следовать за увеличением количества товаров. „Только проданный товар может быть базисом для создания денег“ [2]). Наоборот, потребление товара или выход его из сферы обращения должны вызывать сокращение денежного аппарата. Таким образом, могут быть избегнуты „случайности произвольного создания денег“ и устраняется возможность „не имеющих внутреннего оправдания“ повышений цен [3]). Образцом „классических денег“ Бендиксен считает банкноту, покрытую товарным векселем. Деньги не должны выполнять иной функции, кроме посредничества при обмене товаров и фигурировать в качестве заместителя капитала. Поэтому основанием для эмиссии банкнот не должны служить ломбардированные ценности, финансовые векселя и т. д. Аналогичные суждения о неразрывности связи между ростом денежного обращения и расширением товарного оборота высказывает в своей новой книге о банках Шульце-Геверниц: „Капитал не может быть создан путем создания формальной платежной силы, напр., выпуском банкнот под учет дутых векселей или путем увеличения массы платежных средств банкового характера. Поскольку формальная платежная сила сегодняшнего дня не предвосхищает счастливо реальную платежную силу завтрашнего, неизбежно проявление инфляционистских тенденций. Вызывая тяжелые

[1]) Fr. Bendixen. Das Wesen des Geldes. Zugleich ein Beitrag zur Reichsbankgesetzgebung, Leipzig, 1908 и его же Geld—und Kapital. Gesammelte Aufsätze, ст. „Die Geldschöpfung“, 1912.

[2]) Wesen des Geldes, стр. 32.

[3]) Там же, стр. 26—54.

сдвиги в распределении доходов и имуществ, повысится лишь номинальная цена материальных благ, но не их количество и не их международная способность к реализации. (Verwertbarkeit)" [1]). Таким образом, печатный станок меньше всего участвует в процессе накопления капитала. Его задача заключается только в том, чтобы переводить на язык денег совершившиеся в недрах самого народного хозяйства факты. Кредитным учреждениям предоставляется скромная, подчиненная роль „приказчиков" оборота, а не руководителей его.

Правда, в некотором противоречии с только что изложенными суждениями, современная теория хочет возложить на банки задачу „обуздания" кризисов эффективной учетной политикой. Выдвигаются идеи организации кон'юнктуры, сознательного ее регулирования. На место „спекулятивного, анархического по преимуществу" капитализма становится „более консолидированный, более организованный капитализм". Стремление к максимальному доходу пасует перед требованием „спокойного хода" дел, выражающегося пусть в скромной, но постоянной и прочной прибыли. Поэтому современная учетная политика должна стремиться к „сознательному ослаблению обеих крайностей кон'юнктуры" [2]). Учетная ставка должна быстро возрастать при под'еме цен и стремительно опускаться при их падении. Тогда колебаниям цен будут поставлены тесные пределы. Напомним здесь правильный анализ того значения, какое приобретает недостаточная эластичность уровня процента в этом под'еме экономической кон'юнктуры, сделанный Ирв. Фишером. По мнению Фишера, именно недостаточная гибкость процента повинна „в возникновении кризисов и депрессий, которыми заканчиваются движения цен". При под'еме цен покупательная сила денег, получаемых в ссуду, падает ко времени возвращения их кредитору. Это падение должно было бы компенсироваться повышением процента. Однако, процент никогда сразу не приспособляется к таким изменениям рыночных отношений, и поэтому предпринимателям становится выгодным увеличивать займы для расширения производства. Для удовлетворения этого добавочного спроса на кредит приходится прибегать к новым эмиссиям и, таким образом, стимулировать новое повышение цен. Между учетной ставкой и движением цен возникает еще большее несоответствие. Цены непомерно взвинчиваются и, в конце-концов, разражается кризис. Между тем, если бы уровень процента сразу был бы поднят до высоты, соответствующей повышению цен, то для нового роста цен не было бы почвы. Эти соображения, казалось бы, оправдывают требование более эффективной учетной политики.

Однако, стремление „рационализировать" пользование кредитом, посредством бдительной слежки за кон'юнктурой рынка и резких изменений учетной ставки сообразно с ее колебаниями, приходит в противоречие с другим весьма важным требованием, пред'являемым к учетной политике во имя устойчивости положения промышленности вообще и т. наз. „среднего сословия" в особенности. Современное предприятие

[1]) V. Schulze-Gaevernitz. Die deutsche Kreditbank., в Grundriss der Sozialökonomik, V. Abt., II Teil, Tübingen, 1915, стр. 79.

[2]) D-r Sven Helander. Theorie u. Politik der Zentralnotenbanken in ihrer Entwicklung. Erste Hälfte. Theorie der Zentralisation im Notenbankwesen. Jena, 1916, стр. 63—66, 36.

должно пользоваться кредитом в широком масштабе. Уплачиваемый по полученному в ссуду капиталу процент входит существенной частью в издержки производства. Никакая нормальная калькуляция невозможна при беспрерывном колебании учетной ставки вверх и вниз. Крупные предприятия не так остро ощущают на себе гибельные следствия этих шатаний учетной политики, так как обычно они патронируются банками, и последние всегда могут облегчить условия предоставляемого ими кредита, если они оказываются разорительными для предприятия. Для мелкой же промышленности, не связанной с банками, каждое вздергизание ставки является вполне реальным ударом. Отсюда требование стабилизации учета.

Как ни законно, однако, желание промышленных предприятий эмансипироваться от влияния причудливых скачков учетной ставки, нужно признать активную учетную политику, во всяком случае, весьма рациональной тогда, когда она может задержать надвигающийся кризис. Если чрезмерно нарастающей волне под'ема не будет поставлена своевременная преграда, в виде высокой учетной ставки, спекулятивно-грюндерское настроение разовьется до такой точки, когда борьба с ним будет возможна лишь чрезвычайным взлетом уровня процента Лучше допустить постепенное вздергивание ставки в течение известного периода, чем быть поставленным лицом к лицу с необходимостью расплачиваться за „стабилизацию учета" экстроардинарными мерами воздействия. Учетная политика—эффективное оружие, которое не следует выпускать из рук ни на минуту.

3.

Современные формы накопления и участие в них банков.

Изложенное нами учение о зависимости характера и быстроты накопления капитала от роста материального богатства страны было ад'экватным выражением денежно-кредитных отношений в известный исторический период капиталистического развития. В последние десятилетия структура денежного рынка подвергается коренной ломке, совершенно изменяющей формы, в которых протекает процесс накопления.

Как и во всех других сферах хозяйства, так и в области денежно-кредитных отношений, массы перестают играть решающую роль; вдохновителями денежно-кредитного рынка оказываются небольшие, хорошо спевшиеся группы людей, орудующие от имени рыночной стихии. Конечно миллионы вкладчиков в сберегательные кассы представляют собою, казалось-бы, слишком импозантную величину, чтобы можно было отрицать значение „демократического" элемента в накоплении. Немецкий автор, писавший незадолго до войны о социально-экономическом значении сберегательных касс, отметил их „чрезвычайное распространие". „Они достигли ведь в настоящее время в Германии цифры в 2.844 касс с 15,5 миллиардами вкладов и 19,88 миллионов счетов, и ежегодно увеличивают эту сумму благодаря одному только прибавлению процентов почти на полмиллиарда, к которому присоединяется вторая половина миллиарда благодаря превышению взносов над

выемками" [1]). 20 миллионов вкладчиков—ведь это почти все взрослое немецкое население поголовно! И все-же мы берем на себя смелость утверждать, что удельный вес сберегательных касс в общей экономии национального накопления ничтожен. Физиономия денежного рынка определяется не сберегательными кассами, а банками, обслуживающими крупный капитал. Накопление происходит не за счет народных грошей, а посредством капитализации грандиозных предпринимательских прибылей.

Какие оригинальные формы приобретает подчас современный процесс накопления, лучше всего можно показать на примере финансовой работы особой группы лиц, именуемых промотерами. За описанием их народохозяйственной деятельности обратимся к Маршаллу.

Всегда, в каждой стране, имеется некоторое число предприятий с гораздо большим будущим, чем то, которое от них ожидается коммерческими кругами. Дельный промотер учитывает эти возможности, снабжает их необходимым капиталом и кладет тем самым начало их процветанию. Сплошь и рядом земледельческие и минеральные богатства целых районов остаются втуне, вследствие недостаточности финансовых рессурсов и отсутствия предприимчивости у их владельцев; созданное промотером для их эксплоатации общество может провести железную дорогу, и этого иногда достаточно для того, чтобы край расцвел до неузнаваемости. „Здесь опять-таки промотер создает положение, которое равносильно приросту национального богатства; он благодетельствует всех затронутых лиц, пожиная и в свою пользу хорошую жатву" [2]). На почве таких возможностей вырастает новая специальность: промотер изучает новые изобретения, новые способы производства, видоизменения спроса, перспективы в связи с новыми транспортными средствами и делает выводы о возможности извлечения особой прибыли из соединения старых или создания новых предприятий при этих изменившихся условиях. Наблюдая острую конкуррентную борьбу предприятий, он, при детальном знакомстве с рынком, может улучить самый подходящий момент для того, чтобы смастерить общий их союз.

Техника его работы такова: за небольшую плату он добивается от всех заинтересованных предприятий согласия сделать ему предложение на продажу каждого из них в течение известного периода, причем обычно в этих предложениях предусматривается платеж, между прочим, и фондами намечаемого к организации предприятия. Затем, промотер привлекает, по общему правилу, финансиста, который соглашается приобрести весь пакет акций нового предприятия или большую часть его по цене, несколько уступающей той, по которой промотер намерен выпустить их на вольный рынок (скажем на 20% ниже). Таким образом, промотер раздобывает необходимую ему наличность. Разумеется, обязательной предпосылкой осуществления всей комбинации является сохранение достаточного излишка (в форме денег и фондов нового предприятия) при сравнении цены, которую нужно заплатить отдельным предприятиям по их предложениям, и суммы, которую соглашается авансиро-

[1]) F. Staudinger. Die Sparkasse und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung Arch. für Sozialw. u. Sozialpol. 1914, 38 B., 2 Heft, стр. 503.

[2]) Marshall. Industry and trade, стр. 330.

вать финансист. „Наибольшего проявления дипломатической тонкости требуют переговоры (interviews) промотера с теми, чье имущество он собирается купить. Но главнейший расход, который ему приходится нести, заключается в подготовке публики к приему высокой оценки новой компании“ [1]).

Таким образом, промотер ищет путей для создания наиболее выгодных способов использования существующего материального богатства, и остающаяся в его руках ценностная масса представляет чистейшее „накопление“ капитала, без всякого участия сбережения в этом процессе. Правда, со стороны промотеров возможны грандиознейшие злоупотребления. В основу оценки будущих прибылей предприятия, на учете которых строится их капитализация, могут быть положены данные о годах случайного необычайного преуспеяния. Тем не менее, „промотерство“ превращается в постоянную народохозяйственную функцию, и оно дает возможность увеличивать национальное благосостояние независимо от роста материального капитала. Промотеры— типичные агенты народохозяйственной „рационализации“. Неиспользованные возможности превращаются у них в деньги и в акции.

Разумеется, деятельность промотеров никак не укладывается в рамки изложенной нами господствующей теории обусловленности накопления приростом материального богатства. Ахиллесова пята этой теории вообще заключается в том, что она недооценивает значения экономического прогресса для явлений кредитноденежного рынка вообще и для накопления капитала в особенности. Если-бы создание денег всегда опиралось на уже существующие ценности, то экономическое развитие сделалось-бы невозможным или крайне медленным. Для осуществления новых комбинаций средств производства, в которых овеществляется экономический прогресс, предприниматель нуждается в покупательной силе, которая позволила бы ему извлечь необходимые блага с рынка и дать им намеченное применение. Шумпетер, не побоявшийся выступить со смелой, резко расходящейся с общепринятым мнением гипотезой, [2]), что „кредит служит экономическому развитию“, утверждает, что предприниматель, рассуждая принципиально, может и не быть собственником капитала и что поэтому для осуществления своих проектов он может даже утилизировать блага, не принадлежащие ему, а приобретенные на полученный в кредит капитал. Тогда предоставление кредита „идет впереди“ и может быть „лишенным покрытия“. Кредитная постройка может, таким образом, не иметь не только металлического, но и товарного базиса. Наиболее яркое выражение этой тенденции финансирования прогресса путем создания новой покупательной силы представляет, по мнению Шумпетера, „непокрытая банкнота“ [3]). Народохозяйственная динамика опирается, таким образом, с одной стороны, на предпринимателя, ищущего возможности осуществления своих преобразовательных замыслов, а с другой, на банкира, снабжающего предпринимателя необходимыми для этого средствами, представляющими

[1]) Там-же, стр. 331.

[2]) Schumpeter. Theorie der wirtschaftlichen Entwicklung, гл. Das Wesen und die Rolle des Kredits.

[3]) Там-же, стр. 218.

специально для этого созданную покупательную силу. „Как предприниматель является королем, так банкир—эфором рынка“ [1]).

В одном, однако, Шумпетер неправ. Поскольку он говорит о действительной, а не воображаемой конструкции денежного рынка „непокрытая банкнота“ никогда не была орудием экономического прогресса. Лишь в редких случаях грехопадения эмиссионный банк пускается в рискованные операции учета бронзовых векселей. Правда, рост ломбардной операции у эмиссионных банков, наблюдавшийся в последнее время, был подозрительным симптомом отступления по необходимости (вследствие отсутствия первоклассного учетного материала) от чистой теории банкнотного обращения. Но все-же финансированием прогресса занимались, конечно, не эмиссионные, а коммерческие банки Именно они вступали в многообразные связи с промышленными предприятиями и умело прикрывали формой контокоррентного счета предоставление предприятиям непокрытого кредита. Уитхерс отлично показал, как "чекоплатные", по его терминологии, банки создают себе должников, разрешая своим клиентам выписывать чеки на банк и получая затем с них проценты по открытым кредитам. Победоносный конкуррент банкноты, чек является в действительности прикрытием для предоставления предпринимателю возможности использования еще не созданного им реального капитала. Это не значит, разумеется, что чек всегда „висит в воздухе“, не имеет материального покрытия. Кредитованием промышленности в этой форме приходится пользоваться с большой осторожностью. Но, тем не менее, было-бы неразумно закрывать глаза на отношения между банками и промышленностью. и утверждать, что банки являются только посредниками между ищущими кредита и предоставляющими его. Накопление капитала в форме сбережений не является единственным источником кредитов, которыми распоряжается банк. Своеобразное „банковское накопление“ заключается в том, что будущие ценности превращаются банками в наличные деньги. „Насколько превратны представления современной экономической теории“, основательно восклицает Пленге: „когда она продолжает придерживаться даже в отношении к странам с развитой банковской системой устаревших положений о том, что новый ссудный капитал возникает только из сбережений и что кредит не может создать капитала“ [2]).

Разумеется, это создает для промышленности известные „вассальные“ отношения: пределы расширения промышленности определяются банками. В их руках сосредоточиваются нити всего народного хозяйства. От их произвола зависит поощрение одной отрасли промышленности в ущерб другой. Концентрация промышленности, создание крупнейших монополистических об'единений, вызывают обострение процесса концентрации и в банковом деле и таким путем еще более усиливают власть банков. Несколько утрируя размах этой идущей параллельно концентрации, Гильфердинг, как известно, пришел к выводу, что в конечном итоге неизбежно соединение всей промышленности в один грандиозный трест, финансируемый единым банковским концерном. Нельзя отрицать того, что тенденции в направлении образования еди-

[1]) Там-же, стр. 198.
[2]) Plenge, назв. соч., стр. 202.

ного центрального банка действительно были налицо. Однако, в новейшей немецкой литературе старательно подчеркивается, что в странах, где сама промышленность располагает большими финансовыми рессурсами, она умеет эмансипироваться от банков. Так будто бы дело обстояло в последнее время именно в Германии. Так, верхнесилезская промышленность, в которой подвизались крупные силезские магнаты, прочно опиравшиеся на свои сельскохозяйственные латифундии, поддерживала с банками общение лишь в форме регулярных банковых операций. Независимыми от банков были крупповские предприятия, отчасти Сименс и Гальске; только регулярными операциями банки были связаны и с Борзигом, Ильзедер Хютте. Ратенау сумел превратить A. E. G. до известной степени в свой собственный банк. A. E. G. и Эльберфельдские красочные предприятия обращались к помощи банков при эмиссиях только по техническим соображениям: они хотели использовать широко разветвленную банковскую организацию, но не были с ней связаны ни финансовыми, ни моральными обязательствами [1]). Как указывает Шумахер, три решающих момента действуют в пользу промышленности и против банков: накопление капиталистической мощи, организация, личный момент. Промышленность будто-бы обнаруживает превосходство по всем этим трем пунктам. Даже при связи с банками, активное начало в этом союзе выпадает на долю промышленников. Лифман передает слова одного из директоров Германского банка (Deutsche Bank): когда Тиссен приходит к нам, голова идет кругом от всех грандиозных планов, которые он собирается осуществлять при помощи н а ш и х денег.

Никто не станет, разумеется, отрицать возможности приобретения отдельными мощными промышленными организациями полной независимости от банков; и все-же подобные случаи представляют лишь исключение. Использование кредита (и притом не только краткосрочного, но и долгосрочного) представляет слишком большие выгоды, чтобы можно было отказываться от него. Как бы дорого ни обходились патронируемым предприятиям предоставляемые им рессурсы, они всегда с'умеют реализовать на ссудном капитале прибыль бо́льшую, чем заплаченный за пользование им процент [2]). Как указывает Гильфердинг, использование кредита является для отдельного предпринимателя „необходимостью, навязываемой ему конкуррентной борьбой", так как оно приводит к повышению его индивидуального уровня прибыли: „пусть средний уровень прибыли составляет 30%, а ссудная ставка 5%; капитал в миллион марок должен дать 300 т. мар. прибыли. (В этой прибыли капиталист должен бухгалтерски считать 250 т. м. предпринимательской прибылью, а 50 т. м. процентами на свой капитал). Если капиталисту удается присоединить к своему второй миллион, полученный в кредит, то его прибыль достигнет теперь 600 т. минус 50 т., которые он должен заплатить в качестве процентов на второй миллион, т. е. 550 т.; его предпринимательская прибыль выражается теперь цифрой в 500 т., которая как и прежде, должна быть исчислена в отношении

[1]) H. H e i m e n d a h l. Die Stellung des Sozialismus zum Bankwesen. Schmollers Jahrbuch. 1920, 4 Heft, стр. 200 и сл.

[2]) По эмпирическому наблюдению, обычная норма прибыли составляет удвоенный процент на капитал; срв. И. Г л и в и ц. Железная промышленность в России.

к его собственному миллионному капиталу; уровень прибыли составит теперь, таким образом, 50% против прежних 25... Если использование кредита не доступно другим капиталистам в такой же мере, или возможно лишь на менее выгодных условиях, то первый капиталист (begünstigte Kapitalist) сможет извлечь сверх-прибыль" [1]).

Таким образом, эмансипировавшиеся от банков промышленные магнаты, естественно, несут финансовые жертвы за свою независимость; большинство предпочитает продать банкам свою свободу по сходной цене. А с народохозяйственной точки зрения полное отделение промышленности от банков было-бы даже нерационально, так как банкам пришлось-бы замкнуться в кругу посреднических и комиссионных операций, и возможность финансирования прогресса путем развития кредитно-денежного обращения, создаваемого банками, осталась-бы нереализованной.

4.

Следует-ли стремиться к ускорению процесса накопления?

Нам могут поставить на вид, что мы исходим из слепой веры в „благодетельность" экономического прогресса и желательность всемерного его ускорения, тогда как возникают-де справедливые сомнения в том, не следовало-ли бы, наоборот, попытаться затормозить его ход. Капиталистический дух довел жажду накопления до извращения. Все большая и большая часть национального дохода идет на производство средства производства. „Еще несколько десятилетий тому назад руководящую роль в капиталистической промышленности играла хлопчатобумажная промышленность, теперь-же такую роль играет железоделательная промышленность. Земледелие уже несколько десятилетий находится в Зап. Европе в состоянии относительного застоя. В таком-же почти положении находится и текстильная промышленность. Напротив, чрезвычайно быстро растет производство чугуна, химических продуктов, машин, каменного угля, вообще средств производства. Соответственно этому, доля населения, занятая производством предметов потребления, уменьшается, а доля населения, занятого производством средств производства, увеличивается" [2]). Таким образом, органический состав капитала неизменно повышается, это приводит к быстрому возрастанию производительности труда, выбрасыванию неимоверных масс продукта, которые рынок уже не в состоянии переварить. Появился даже особый термин: перекапитализация (Überkapitalisation) для обозначения этого явления. Быть может, при такой обстановке было бы правильнее не форсировать производства, а, наоборот, замедлять его темп. Писатели, стоящие на такой точке зрения, не затрудняются даже в указании способов восстановления более нормального соотношения между производством предметов потребления и средств производства „... только с помощью более благоприятствующего массовому потреблению распределения дохода, которое привело-бы к развитию производства потребительных благ

[1]) R. Hilferding. Das Finanzkapital. Eine Studie über die jüngste Entwicklung des Kapitalismus. Wien, 1910, стр. 93—94.

[2]) М. И. Туган-Барановский Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 3 изд. СПБ., 1914, стр. 253.

и к сжатию производства средств производства, депрессия могла бы перестать являться нормальным состоянием организованного по капиталистическому плану народного хозяйства. Это воззрение находит себе существенную поддержку в том факте, что как раз в странах с сильным ростом населения и высокоразвитой социальной политикой, как напр. в Германии, Англии и Сев. Америке эпохи преуспеяния, повидимому, все более начинает приобретать преобладание над периодами депрессии" [1]). Представители этой точки зрения заходят так далеко в своих сомнениях по поводу социальной полезности быстрого технического прогресса и сопутствующего ему головокружительного роста массы производимых товаров, что склонны даже считать депрессию „нормальным", а период под'ема—„болезненным" состоянием народного хозяйства [2]).

Как бы ни относиться к социально-политическим мотивам, воодушевляющим представителей изложенных взглядов, нельзя не признать, что в основе их рассуждений лежит коренное заблуждение. Туган-Барановским, на наш взгляд, вполне выяснено, что самый факт уменьшения доли рабочих в общественном доходе и понижения уровня потребления, происходящего одновременно с ростом производительных сил, еще ни в какой мере не доказывает неизбежности кризисов и вообще потрясений народного хозяйства. Вполне возможно, „расширение общественного производства при одновременном сокращении общественного потребления, без всякого нарушения равновесия между общественным предложением и общественным спросом" [3]). Вместе с тем, и общий уровень потребления народных масс, несомненно, значительно поднялся за последние десятилетия (мы говорим, разумеется, о предвоенной эпохе). Во всяком случае, можно порицать существующий при капитализме порядок распределения с точки зрения пассивно-гедонистического идеала; но считать темп накопления чрезмерным и применяемые в настоящее время оборудования промышленных и транспортных предприятий излишне дорогими и сложными мы не видим никаких оснований. В новейшей психолого-экономической литературе достаточно ясно обнаружена связь между уровнем процента и характером употребляемых хозяйствующими суб'ектами благ длительного пользования. Постройка каменных домов, вместо деревянных, прорытие каналов, сооружение железных дорог, доменных печей и т. д. становятся рентабельными лишь при понижении процента до известного уровня. И в настоящее время капиталов не хватает для многих сооружений, имеющих огромное народохозяйственное значение; эта причина делала, напр., совершенно неосуществимыми многочисленные проекты использования течения наших рек для получения белого угля (тем более, конечно, неосновательны всякие разговоры об электрофикации после произошедшего во время войны и революции истребления нашего национального капитала). Такой выдающийся практик в области денежного обращения и кредита, как Уитхерс, в своей книге: Poverty and waste, написанной накануне войны. уверял, что „недостаток в капи-

[1]) H. Herkner. Krisen в Hndw. d. Staatsw. 6 том, Jena, 1910, стр. 256.
[2]) Срв. Pinkus. Das Problem des Normalen in der Nationalökonomie Leipzig, 1906.
[3]) М. И. Туган-Барановский, назв. соч., стр. 221.

тале, по сравнению со спросом на него, охватывающим весь мир в наши дни быстрого прогресса на всем земном шаре, представляет одну из наиболее сериозных проблем, с которыми коммерческому миру в последнее время приходилось бороться". Из приводимых Уитхерсом примеров невозможности осуществления народохозяйственных проектов из-за недостатка в капитале воспроизведем один: королевская комиссия по каналам и водным путям Великобритании выработала после исчерпывающего изучения вопроса схему, благодаря которой английские внутренние сообщения могли получить чрезвычайное развитие и стать гораздо дешевле; при этом получила бы возможность хоть отчасти вновь окупать себя значительная масса капитала, когда то затраченная в каналы отдаленными предками живущего поколения. Отчет комиссии пришлось похоронить единственно вследствие относительной редкости и дороговизны капиталов [1]). Уитхерс делает отсюда вывод, что необходимо перестроить потребление на более здоровых началах и уничтожить бесполезную роскошь. Обсуждением этой темы нам придется заняться в главе о рационализации потребления. Пока-же отметим, что финансирование экономического прогресса мы, солидарно с Уитхерсом, считаем весьма важной и плодотворной задачей и думаем, что банкам нужно всячески содействовать предпринимателям в осуществлении их планов. Разумеется, не всякий план хорош. Кто не слыхал об эпохах грандиозного ажиотажа и спекулятивной горячки, когда находились, благодаря легковерию публики, средства для самых фантастических, сумасбродных затей! „Термометр акционерного омтимизма" [2]) показывает подчас невероятно высокую температуру, и было бы крайне прискорбно, если бы в этой нездоровой атмосфере спекулятивного угара банки поддавались бы общему течению. Может быть, даже является верным наблюдение, что слишком низкая учетная ставка провоцирует под'ем акционерного оптимизма. Недаром существует в Англии поговорка: Джон-Буль может многое выдержать, но он не может вынести двух процентов. Однако дело такта банковских руководителей—уметь различать опасные фантазии от вполне осуществимых, социально-полезных проектов. Если у руководителей Deutsche Bank кружится голова от тиссеновских планов, в этом нет для народного хозяйства никакой опасности. Но если бы, вместо Тиссена вызывал головокружение у банковских директоров современный потомок Джона-Ло или Исаака Перейры, дело могло-бы принять роковой оборот. Нельзя забывать при этом, что банки могут создавать капиталы для финансирования промышленности словно по мановению волшебного жезла: они делают возможной чековую циркуляцию, за которой может и не стоять никакое реальное обеспечение.

Таким образом, политика рационализации накопления должна быть построена не в целях воздействия на распыленную, многомиллионную массу мелких сберегателей (которые накопляют свои скромные сбережения далеко не по одним только рационалистическим мотивам), а служить правильному дозированию экономического прогресса, ход которого направляется небольшою группою „вождей" народного хозяйства. В боль-

[1]) H. Withers Poverty and waste. London, 1914, стр. 26—27.

[2]) Выражение Л. Петражицкого. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов, т. I, СПБ. 1911, стр. 82.

шинстве случаев банки сами возглавляют промышленность, и банковские руководители сидят в правлениях крупнейших промышленных предприятий. Этот тесный контакт банков с промышленностью дает им возможность почти безошибочно оценивать кон'юнктуру и, по произволу расширяя или сжимая кредит для целей финансирования прогресса, регулировать темп промышленной жизни и интенсивность накопления. Как мы видели, от высоты процента и размеров накопленного капитала зависит круг предприятий, которые могут быть рентабельными в данной стадии народохозяйственного развития. Воздействие на этот механизм всецело в пределах власти банков, и поэтому, когда говорят, подобно Пленге, о переходе от классической учетной политики к „господству над денежным рынком", то нисколько не преувеличивают роли банков в деле регулирования денежно-кредитных отношений.

5.

Рационализация распределения капитала в народном и мировом хозяйстве.

Мы видели, что в современном хозяйстве процесс накопления до известной степени подменяется созданием банками новых сгустков покупательной силы и предоставлением их, в форме ссудного капитала, отдельным предприятиям.

Поэтому, рационализируя накопление капитала, банки рационализируют, вместе с тем, и его распределение. Чем больше концентрируется банковое дело в немногих руках, тем больше для них возможности финансировать народное хозяйство по известному плану, форсировать развитие одних отраслей промышленности и задерживать рост других. Мы говорили уже о том, что создание банками новой покупательной силы далеко не может быть безграничным; тем больше у них оснований распределять находящийся в их распоряжении капитал таким образом, чтобы развивались наиболее жизнеспособные или признаваемые почему либо особенно важными отрасли народного хозяйства. Так, напр. в странах развитого индустриализма нередко уделяется особенное внимание экспортной промышленности. Вместе с тем, постепенно укореняется идея планомерного овладения ходом экспорта капиталов за границу. Как известно, в некоторых капиталистических странах насыщение капиталом достигло таких пределов, что у себя на родине он уже не находил достаточно рентабельного применения и устремлялся в чужие края. Это международное передвижение капиталов является естественным при неравенстве ссудного процента в разных странах и должно приводить—до известной степени—к выравниванию процента на капитал. Перелив капитала из страны в страну является, таким образом, стихийным закономерным процессом. Однако, в новейшей стадии капиталистического развития и он охватывается вожжами рационализации. Внедрение экспортируемого капитала в чужие страны идет через учреждаемые в этих странах банковские отделения. Эти отделения действуют по указке центров, которым они подчинены. Центры-же проводят определенную политику захвата в чужих странах наиболее важных отраслей народного хозяйства. В первую очередь

мишенью нападения оказываются местные банки и пути сообщения. Таким образом, сравнительно небольшая затрата средств дает возможность приобрести в странах, куда направляется экспорт капитала, наибольшее влияние.

При существующей в современных условиях тесной связи между экономикой и политикой, экспорт капитала оказывается также могущественным средством закрепления политического сближения между державами; и поэтому, с другой стороны, географическое распределение экспортируемого капитала часто подвергается правительственному контролю, как это напр. имеет место в тех странах, где требуется правительственное разрешение на допущение котировки иностранных бумаг на туземной бирже.

Влияние экспорта капитала на экономическое положение страны, откуда идет отлив капитала, оказывается довольно сложным. Оно, прежде всего, задерживает понижение процента на капитал. Как констатируется в работе Гобсона об экспорте капитала, относящейся к 1914 году, „в последние годы, как было установлено, рост процента, по помещениям. капитала внутри страны был велик—пожалуй, около 30%„—и весьма вероятно, что экспорт капитала был важным фактором, обусловившим этот рост“ [1]). А, по замечанию того же Гобсона, „с точки зрения доведения национальной производительности до максимума, очевидно, желательно, чтобы уровень процента стоял возможно ниже“ [2]). С другой стороны, получение высоких доходов на помещенный за границей капитал приводит к общему под'ему национального благополучия и след. создает возможность значительного увеличения накопления капитала. Вместе с тем, поливая золотым дождем иностранные нивы, экспортирующее капитал государство готовит себе новых конкурентов на мировом рынке и само способствует кристаллизации новых центров, притягательная сила которых может вызвать эмиграционный поток из экспортирующих капитал государств. Между факторами, обуславливающими экспорт товаров, капиталов и людей, существует многообразное взаимодействие, и руководители экономической политики должны помнить, что, регулируя процентную ставку и развивая план экспорта капитала, они могут вызвать неожиданные перемены в национальном биологическом фонде через отлив своего и приток чужеземного населения. Это свидетельствует о том, что „рационализация“ имеет свои пределы, но, вместе с тем, обнаруживает и всю мощность возможных ее влияний.

Весьма важной задачей, которая должна осуществляться органами „рационализации накопления“, является также поддержание необходимой гармонии между рынками краткосрочных и долгосрочных капиталов. Денежный рынок как бы разветвляется на два русла. В первом ответвлении встречаются спрос и предложение временно свободных оборотных средств, утилизируемых народным хозяйством на кор ткий срок. Главнейшая задача краткосрочного кредита—финансирование товарного оборота. Типичнейшее его бумажное воплощение—вексель. Во втором ответвлении сосредоточиваются средства, ищущие прочного и длительного помещения. Они предназначаются обычно для снабжения про-

[1]) C. K. Hobson. The export of capital, London, 1914, стр. 58.
[2]) Там-же, стр. 55.

мышленных и сельскохозяйственных предприятий основным капиталом, т.-е. медленно изнашиваемым оборудованием. Сюда же в минуту нужды бросаются государственные деятели, чтобы добиться заключения займа. Фондовое выражение этой формы кредита—акция или облигация. Граница между обоими рынками капиталов условна, так как самые понятия „долгого" или „короткого" срока не имеют вполне определенного содержания. Тем не менее, каждое из двух ответвлений денежного рынка имеет свою физиономию, питается своими средствами, переживает особенные колебания, не совпадающие с колебаниями другой его части. В частности, кривая движения учетного процента на рынке краткосрочных капиталов и процент на капитал при долгосрочном помещении, по общему правилу, не совпадают друг с другом. „Если учетный процент высок, деньги будут привлекаться в краткосрочные помещения — векселя и ссуды, будут итти на удовлетворение спроса, пред'являемого со стороны текущего делового оборота. Если учетный процент низок, они будут искать применения в качестве капитала, будут направляться в долгосрочные помещения, будут итти на покупку всякого рода ценных бумаг и т. д. Чем меньше спрос на деньги для краткосрочных помещений, тем интенсивнее они превращаются в капитал и наоборот: чем выше этот спрос, тем меньшая часть денег приобретает форму капитала" [1]).

При стихийном, рыночном установлении процентных ставок происходит естественное размежевание обеих частей рынка капиталов. Однако, возможность искусственного воздействия на ставку дает в руки финансистов могущественное средство, чтобы отрывать капиталы от их прямого назначения и давать им помещение, не соответствующее их природе. Особенно велико искушение восполнить недостаток в основном капитале для промышленности заимствованием временно свободных средств, создав для них магнит в виде взвинченного процента по долгосрочным помещениям. В государствах, не отличающихся особенно высокой ступенью достигнутого накопления капитала, но в то же время переживающих период бурного роста производительных сил, может на этой почве даже создаться „перенапряжение кредита" (Kreditüberspannung), как это имело, напр., место в Германии до мировой войны. По компетентному заявлению Пленге, „рыночное явление длительного переизбытка спроса на основной капитал, бесспорно, является характерной чертой нашего германского рынка капиталов и важнейшей причиной повышения процента и падения твердопроцентных фондов" [2]). Пленге старается, впрочем, подорвать значение „теории, согласно которой превращение оборотного капитала в основной просто недопустимо". Он ссылается на то, что между обоими разветвлениями рынка капиталов, несмотря на их от'единенность, существует постоянный обмен веществ. При высокоразвитом капитализме неизбежно скопление на рынке капиталов огромных масс капиталов, ищущих краткосрочного помещения, и, если часть их будет превращена в основной капитал, то это не грозит денежно-кредитным отношениям особенными потрясениями. Во всяком

[1]) В. А. Мукосеев. „Русский денежный рынок" в сб. Русские биржевые ценности 1914—15 г. Петр., 1915, стр. 127.

[2]) Plenge, назв. соч., стр. 217.

случае, такое превращение краткосрочного кредита в долгосрочный происходит лишь при относительно большей выгодности долгосрочных помещений, и центральный эмиссионный банк, взвинчивая учетную ставку, может легко воспрепятствовать такому метаморфозу. Тем не менее, помещение временно свободных средств в промышленное оборудование, хотя и представляет весьма ценную с народохозяйственной точки зрения возможность, но все же требует очень осторожного к себе отношения. Задача оборотных средств—облегчать товарную циркуляцию при данном статическом ее об'еме. Задача притекающих в промышленность основных капиталов—расширять производство, финансировать прогресс. Таким образом, превращение оборотных капиталов в основные дает возможность роста народного хозяйства, опережающего наличные финансовые рессурсы страны. Оборотная сторона медали заключается в создающемся на почве „перенапряжения кредита" положении банков, занимающихся этими чудодейственными операциями. Доверенные им „чужие деньги" могут быть во всякий момент востребованы, а банки не могут реализовать с необходимой легкостью средства, помещенные ими в иррегулярные операции, прикрывающие связь с промышленностью. При разумной организации денежного рынка, при согласованности действий его частей, можно достичь гармонического распределения капитала между обоими разветвлениями рынка капиталов и соблюдения здоровой меры в отношении превращения оборотных средств в основной капитал.

Таким образом, банки, являясь дирижерами накопления капитала, приобретают огромную власть над денежным рынком. Они определяют об'ем покупательной силы, которая может быть брошена на рынок без материального фундамента, они управляют распределением ее между отдельными отраслями промышленности, они намечают план переброски части национального капитала на иностранные рынки и систематического внедрения в иностранное народное хозяйство, они определяют темп превращения временно свободных средств в капитальное оборудование. Бернгард был прав: банки являются „вождями народного хозяйства".

6.

Рационализация накопления при социализме.

Попробуем теперь представить себе, что произошло крушение капитализма и на его развалинах создана социалистическая организация общества. В какой форме будет происходить и как будет тогда регулироваться накопление капитала? Нет никаких оснований предполагать, что при социализме накопление приостановится и что социалистическое общество будет пребывать в статическом состоянии, т.-е. ежегодно воспроизводить с фотографической точностью одну и ту же картину развития производительных сил. Принадлежащие перу марксистов описания Zukunftsstaat'a всегда с увлечением изображают рост технического прогресса и применение величайших технических усовершенствований, которые сделаются возможными после социалистической реорганизации. Откуда же будут взяты необходимые для этого капиталы?

В новой книге Маслова дается интересная и живая характеристика распространенных среди социалистов заблуждений по этому поводу. Они уповают на то, что технический прогресс станет возможным благодаря массовому закрытию непроизводительных мелких мастерских и сосредоточению продукции в гигантских предприятиях. Для Каутского прообразом такой политики концентрации производства, какой он ожидает от социалистического правительства, является американский водочный трест. „По Каутскому выходит", пишет Маслов: „что только благодаря социальному перевороту, — просто по щучьему велению, — производительность труда увеличится при тех же средствах производства в два раза. Курьезное предположение, что в крупных предприятиях производительность труда увеличится, благодаря закрытию мелких предприятий, основано просто на отсутствии представления о значении накопления капитала или—правильнее—дохода. Если бы можно было увеличить продукцию крупных предприятий, без дальнейшего накопления, то для чего дожидаться закрытия мелких предприятий?" [1]). В аналогичную ошибку впадает Бухарин, рассчитывающий „заменить сохи электрическими плугами путем отмены частной собственности, патентного права и т. д." [2]). Этой „вере в электричество, которое заменит процесс накопления", Маслов противопоставляет тезис о зависимости темпа технического прогресса от быстроты роста национального капитала. Таким образом, и при социализме накопление должно явиться необходимым и благотворным с народохозяйственной точки зрения процессом. А раз часть национального дохода должна капитализироваться, то придется отказаться от выдачи рабочему „полного продукта труда" и капитализировать часть общественного дохода. Прибыль, как вычет из дохода рабочего какой-то „прибавочной ценности", должна сохраниться и при социализме. Поскольку предприниматели занимаются накоплением за счет получаемой ими прибыли, они выполняют общественно-необходимую функцию и, если заработок рабочего вообще может быть увеличен при социализме, то не путем поглощения этой части предпринимательского дохода. В лучшем случае между представителями пролетариата будет поделена та доля прибыли, которая „непроизводительно" поглощается капиталистами и предпринимателями. Может быть, социалистическое правительство найдет нужным задержать темп накопления? Это будет, разумеется, зависеть от того, будет ли главной его заботою поднятие уровня жизни для данного поколения или развитие производительных сил и длительный под'ем благосостояния страны. Способность жертвовать непосредственным благополучием ради национальных идеалов предполагает сравнительно высокий уровень культурных достижений. Прорытие Панамского канала сделалось возможным только в XX веке. Мы не беремся судить, явится ли общественная психология социалистической эры атмосферой благоприятствующей дальнейшим техническим преобразованиям или нет. В „пестрых фантасмагориях" (по выражению Зомбарта) утопического социализма откровенно выпирает на передний план потребительский идеал. Фурье или Вейтлинг „видели осуществленным в стране будущего все, что только

[1]) П. Маслов. Мировая социальная проблема. Полное издание. Чита, 1921, стр. 95.
[2]) Там-же, стр. 107.

может порадовать сердце бедняка: там соленая морская вода превращается в лимонад, люди шутя выполняют свою каждодневную работу с розами в волосах, проводят свои многочисленные часы отдыха в веселом кругу друзей за богато уставленным столом и (самое главное!) имеют в своем свободном распоряжении, примерно, от трех до четырех красивых женщин" [1]). Если эти заманчивые картинки так легко находят доступ к сердцу бедняка, то, разумеется, при социалистическом устройстве задача накопления не должна быть распылена, как в современном обществе, между миллионами лиц. Центральные органы управления социалистического общества должны взять на себя решение трудного вопроса, какая доля национального дохода должна капитализироваться. Для народных масс должно существовать „принуждение к сбережению"— тот самый Sparzwang, который испробован германским правительством во время войны.

Сделаем еще дальнейший шаг и попытаемся наметить конкретно организацию накопления при социалистическом ст, ое. Крайние, коммунистические течения, как известно, считают, что процесс национализации банков должен привести, в конце-концов, к превращению банковой системы в „центральную бухгалтерию коммунистического общества" [2]).

В „Экономике переходного периода" Бухарин решительно отвергает „рассуждение Р. Гильфердинга о том, что захват шести банков („головки") пролетариатом передает в распоряжение последнего всю промышленность, потому что при финансово-капиталистических производственных отношениях банки являются организационными узлами производственно-технической системы,—„всего аппарата". Эмпирически доказано, что ничего подобного не происходит, ибо реально захват банков лишь подрывает командную власть капитала. Почему? Вопрос разрешается просто. Потому, что банки „управляли" промышленностью на основе специфических, кредитно-денежных отношений. Тип связи здесь был тип кредитной связи, который как раз и рушится при захвате банков пролетариатом" [3]). Но если нарушается связь банков с промышленностью, опирающаяся действительно на кредитные отношения, то банки теряют и способность воздействия на процесс накопления. Тогда, в сущности, проблема накопления получает то или иное решение в деталях единого хозяйственно-производственного плана. В изображении Бем Баверка, напр., распределение производительных сил при социализме устанавливается правительством, „просто в такой форме, что национальные рабочие в сравнительно большей пропорции командируются в создающие капитал, имеющие широкий размах произьодства, чем в настоящем поступило из этих самых производств за прошлый период готовых для потребления продуктов. Попросту говоря, относительно много рабочих направляется в горнозаводские предприятия, на постройку железных дорог, регулирование рек, производство машин, и т. д. и отно-

[1]) W. Sombart. Das Lebenswerk von Karl Marx. Jena, 1909, стр. 14.

[2]) Срв. напр. Н. Бухарин и Е. Преображенский. Азбука коммунизма, гл. XV „организация банков и денежное обращение".

[3]) Н. Бухарин. Экономика переходного периода. Ч. I. Общая теория трансформационного процесса, М., 1920, стр. 47.

сительно мало в виноделие, шелководство, производство кружев, пивоварение, текстильную промышленность и т. д." [1]).

Однако, далеко не все социалистические направления включают в свои программы общественного преобразования ликвидацию банковой системы. Если Марксу чужды были „иллюзии относительно чудодейственной силы кредитного и банкового дела в социалистическом смысле" [2]), то романтический социализм начала XIX ст., наоборот, наэлектризован верой в мистерии кредита. Наибольшее развитие идея организации всего народного хозяйства через посредство банков получила у сен-симонистской школы, развернувшей свои учения как раз в период небывалого спроса на капитал и железнодорожного грюндерства. Вот напр. предположения обоих Pères suprêmes сен-симонистской иерархии: Анфантена и Базара. „По всей стране создается сеть банков, которые должны найти иерархическое завершение в центральном банке. Все отрасли производства подчиняются контролю этого центрального банка. Имея точные сведения от отдельных местных банков о спросе, о положении хозяйства, о рабочем вопросе и т. д., этот банк поддерживает экономическое равновесие посредством соответствующего распределения средств производства. Главари банковских отделений составляют, вместе с особой collège spirituel, состоящей из лиц с общетеоретическим образованием, управление банка. Ces économistes" говорит Анфантен: „étaient les véritables théoriciens et en même temps les prophétes de l'industrie démontrants ou presantants son avenir" [3]). Более практичные бр. Перейра, являвшие „смесь возвышенного идеализма с трезвым, даже не житейским, а биржевым реализмом, экспансивность и в то же время деловитость" [4]), были учредителями знаменитого Crédit mobilier, бывшего „детищем сен-симонизма и бонапартовского цезаризма" [5]). Перейра также усматривали свою задачу в „собрании в одно русло всех, разбросанных по стране капиталов и предоставлении их то обильнее, то более скупо отечественной промышленности" [6]).

Подобные-же планы мы встречаем и теперь, спустя три четверти века, у социалистических писателей, несмотря на полную смену исторической обстановки и давнишнее охлаждение энтузиазма, вызываемого магической силой кредита. Ограничимся одним проектом—австромарксиста Отто Бауера. Его „конечная цель—планомерное руководительство производством через центральный банк, который в свою очередь подчинен руководству всего народа (Volksgesamtheit)". Социализация идет постепенно. Купол постройки, центральный банк, возводится, когда все уже готово. Задачи банка—регулировать все кредитное дело страны. Он будет „направлять капиталы всегда туда, где народ нуждается в них". Он будет „высшим органом распределения всех капиталов и.

---

[1]) E. v. Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitales. 3 изд. I полутом Innsbruck, 1909, стр. 196—197.

[2]) Цит. у И. И. Левина. Акционерные коммерческие банки в России, Т. I, Петр. 1917, стр. 69.

[3]) H. Heimendahl, цит. ст., стр. 182.

[4]) И. Левин, назв. соч., стр. 67.

[5]) Heimendahl, стр. 183.

[6]) И. Левин, стр. 68

вместе с тем, в то же время высшим руководящим центром всего народного хозяйства" [1]).

Таким образом, если сохранится „головка", которою Бухарину так не хочется увенчать социалистическое здание, процесс накопления будет протекать в формах, очень напоминающих буржуазный уклад. Разница будет заключаться лишь в том, что накопление будет носить более централизованный характер и совершенно потеряет связь со стихийной массовой психологией. Финансирующий отдельные отрасли промышленности банк будет капитализировать из их прибыли ту долю, какую найдет соответствующей видам развития социалистического народного хозяйства.

---

[1] H. Heimendahl, назв. ст., стр. 217—218

ГЛАВА IV.

Рационализация организации народного хозяйства.

1.

Борьба за демократизацию управления народным хозяйством.

Только в самое последнее время у представителей экономической науки начинает созревать сознание, что рациональное „разделение властей" имеет в хозяйстве не меньшее значение, чем в государственном управлении. Внимательный читатель нашего исследования, вероятно, заметил некоторое внутреннее противоречие в выводах второй главы. С одной стороны, мы убедились, что рабочий только в том случае может стать деятельным и полезным членом трудового общения, если он будет допущен к участию в управлении предприятием. С другой стороны, мы должны были признать, что необходимое для осуществления предпринимательской деятельности сочетание душевных качеств встречается редко, и поэтому в интересах развития и плодотворного использования производительных сил страны желательно сосредоточение народохозяйственной власти в немногих руках. Такова неизбежная коллизия между требованиями демократизации и централизации управления народным хозяйством. Не успевает первая тенденция одержать победу, выражающуюся в создании „фабричных парламентов", как значение этого успеха умаляется до крайности, вследствие роста концентрационного движения в промышленности: получившее конституционное устройство предприятие включается в какое-нибудь мощное об'единение трестообразного характера и должно руководиться в своей хозяйственной деятельности приказами какого-то нового центра, координирующего работу десятков или сотен предприятий. Однако, жизнь изобретает новый синтез принципов демократизации и концентрации управления: парламентский режим перерастает узкие пределы отдельного предприятия и распространяется на целые отрасли промышленности. Таковы последние достижения народохозяйственной демократии в Германии и Англии. Однако, чем крупнее производственная единица, в которой вводится новая форма управления, тем явственнее ощущается потребность в твердой, способной к решительным действиям власти; а представление о такой власти никак не уживается с какими-нибудь угольными стоглавами современного немецкого образца или английскими гончарными парламентами, представляющими миниатюрную копию Палаты общин [1]). Наряду с парламентом, неизбежно

[1]) Срв. интересное изложение торжественного заседания этого парламента у Meyer Bloomfield, назв. соч., стр. 504—530.

выростает во все более и более мощную силу организованное на иерархическом начале чиновничество, сосредоточивающее в своих руках нити реального управления. Вместе с тем, проблема народохозяйственного управления осложняется привхождением новой трудности. Централизованное управление целыми отраслями промышленности, из каких-бы выдающихся организаторов производства оно ни составлялось, легко может выродиться в типическую бюрократическую канцелярию, склонную руководить жизнью местных органов по своему произволу, не считаясь зачастую с их нуждами и возможностями. Центр начинает плодить планы, вызывающие на местах сначала недоумение, потом раздражение и, наконец, глухую враждебность. Здесь тоже выход мог-бы заключаться в установлении какого-нибудь синтеза, сочетающего единство централизованного управления с предоставлением местным органам автономии в разумных пределах.

Таковы трудности организационной проблемы. Их не следует считать неопреодолимыми. Более, чем какая-либо другая сторона народохозяйственной жизни, организационные ее формы есть дело рук человеческих. Вот почему при их обсуждении открываетея широкий простор для „рационализаторских" замыслов. И именно в сторону изобретения нового совершенного типа экономической власти направляется коллективная энергия увлеченных исканием новых форм масс в нашу бурную, революционную эпоху.

В результате оживленных литературных дебатов о социализме и социалистических экспериментов в Центральных державах и в России, производимых в последние годы, становится все более и более ясным, что борьба идет совсем не за переход собственности на средства производства из рук одного класса в руки другого, что вообще сущность социализма не в формально-юридическом моменте обобществления, а в демократической организации управления народным хозяйством. Известная каждому „Нью-Гармонийская община равенства" была организована на „началах полного коммунизма"; однако „юридическим собственником всего имущества общины оставался Роберт Оуэн" [1]). Едва-ли кто-нибудь станет утверждать, что сохранение этого nudi iuris за Оуэном умаляло коммунистический характер общины. С другой стороны, еслибы представить себе, что социалистическое правительство отдает „обобществленные" предприятия в аренду частным предпринимателям, которым было бы предоставлено право бесконтрольного распоряжения этим имуществом, вряд-ли „душа социализма" удержалась-бы в бренном капиталистическом теле предприятия по одному тому обстоятельству, что юридически собственником оставалось бы государство.

Для современного рабочего социализм означает участие в экономической власти. Рабочий не хочет быть винтиком в машине предприятия, аморфной частицей огромного целого, к интересам которого он остается внутренне чуждым. Он ищет приобщения к управлению хозяйством, тяготясь прежней ролью безучастного исполнителя. Таков лейт-мотив рабочего движения в новейших его формах. Эта

[1]) Проф. М. И. Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, изд. II, М., 1918, стр. 28.

новая нота в мировоззрении пролетариата звучит, например, очень явственно в мотивах к ст. 165 современной германской конституции, декретирующей введение системы советов. Рабочему хочется „вырваться из атмосферы наемного труда и сделаться активным участником производственного процесса, которым до сих пор односторонне руководил предприниматель". Ограниченность кругозора при прикованности к станку тяготит рабочего. Ему хочется быть одним из созидателей экономического прогресса. Таковы новые „жизненные импульсы", порождающие „захватывающее всю рабочую массу движение плодотворность которого должна быть признана законодательством" [1]). Влиятельнейшее английское течение, направленное к созданию целой сети промышленных парламентов и фабричных комитетов и нашедшее себе наиболее яркое выражение в т. н. Whitley Report, также вдохновляется надеждой на возможность превращения рабочего из орудия производства в сознательного его участника. Его целью является организация, по словам одного из комментаторов, „соединенного управления британской промышленности" [2]), на началах паритетного представительства рабочих и предпринимателей в типичной для Англии парламентской форме. Наконец, идеологи советской системы народохозяйственной администрации также приходят к заключению, что „диктатура пролетариата является централизацией командной власти в общественном производстве" и внушают, устами А. И. Серебровского, пролетариату „те истины, которые уже выявились за последние десятилетия капиталистического способа производства, а именно: 1) искусство управлять заводами и фабриками есть такая же наука, как и всякая другая, напр. математика, 2) научиться этому искусству можно так же, как и всякому другому, напр., инженерному; 3) не нужно быть избранным помазанником Божиим, чтобы постигнуть тайны управления. Для этого нужно обладать желанием и возможностью приобрести нужные для управляющего знания и опыт. Итак, пролетариат должен и может научиться управлять общественными предприятиями" [3]).

Впрочем, для восстановления правильной перспективы следует указать, что попытки привлечения рабочих к управлению начались не со вчерашнего дня и что в современной социальной обстановке они приобретают лишь гораздо более грандиозный размах. Единоличная, автократическая власть предпринимателя в его предприятии, которое он склонен был трактовать по принципу: my house—my castle, как об'ект проявления безграничного произвола, не стесненного ничьим вмешательством, продержалась гораздо дольше и оказалась гораздо более прочной, чем самодержавная политическая власть. По словам проф. А. И. Каминка, „тип предпринимателя, сосредоточившего в своих руках все элементы предприятия, весь капитал и всю полноту власти по управлению делом, был создан в Риме с таким совершенством, которому может позавидовать самый развитый капиталистический строй" [4]).

[1]) Цит. у P. Umbreit. Das Betriebsrätegesetz, Berlin, 1920, стр. 9.

[2]) Meyer Bloomfield. The new labor movement in Great Britain. Management and men. London, стр. 125.

[3]) А. П. Серебровский. Управление заводскими предприятиями. II сокращенное изд. М., 1919, стр. 2—3.

[4]) Проф. А. И. Каминка. Основы предпринимательского права. Петр. 1917, ст. 23.

Это патриархально—деспотическое управление, основанное на „власти главы семьи", сумело сохраниться в нетронутом виде на долгий, многовековый срок и после того, как предприятие переросло рамки семьи, и не поддалось даже влияниям бурного, демократического XIX века. Лишь к концу века появляются в промышленности представительные учреждения. Идея „конституционной фабрики" рождается в спокойной будничной обстановке социального мира. Ее проводниками являются благородные идеалисты, просвещенные предприниматели-филантропы. По общему типу „октроированных конституций", фабричные регламенты, вводящие парламентские учреждения в промышленных предприятиях, придают им характер „законосовещательных" органов. Выборные от рабочих образуют советы при предпринимателе, но их роль ограничивается, в сущности, оказанием ему моральной поддержки. Тем не менее, некоторые из этих опытов представляют большой исторический интерес и заслуживают подробного освещения. Остановимся на двух из них.

2.

Фабрично-заводские комитеты.

Генрих Фреезе рассказывает в своей книге „о конституционной фабрике" о мотивах, побудивших его ко введению рабочего комитета в своем предприятии, изготовляющем жалюзи. Фреезе был в то время еще молодым человеком, отдававшимся всей душой политической жизни, в качестве представителя „буржуазного левого течения". Приступая однажды к пересмотру фабричного регламента, изменения которого всегда производились единолично предпринимателем, он был поражен несоответствием своего поведения с его политическими идеалами. Услужливые друзья пытались раз'яснить ему, что „Geschäft und Politik seien zweierlei". Но Фреезе твердо решил привести фабричное устройство в большую гармонию со своими политическими взглядами. В результате, и появился в 1884 г. рабочий комитет. (Arbeitervertretung). Согласно § 55 фабричного регламента, „для защиты интересов рабочих во всем, что касается внутреннего распорядка фабрики, на ней существует с 3 августа 1884 г. рабочий комитет, установленный этим регламентом по соглашению с руководителем предприятия. Комитет состоит из 15 членов, из коих 4 назначаются руководителем ежегодно из числа служащих и рабочих фабрики. Остальные 11 ежегодно в январе избираются общим собранием всех участников фабрики посредством прямых и тайных выборов. Активным избирательным правом пользуются только совершеннолетние служащие предприятия и рабочие и работницы... Пассивное избирательное право принадлежит каждому совершеннолетнему участнику предприятия, проработавшему в нем не менее 6 месяцев" [1]). В 1909 году, по случаю 25-летнего юбилея своего парламента, Фреезе отказался от своей прерогативы назначения 4 членов комитета, считая ее „остатком патриархалистической системы, противоречащей существу конституционного государства" [2]). Это право, которым

[1]) H. Freese. Die konstitutionelle Fabrik Jena, 1909, стр. 148.
[2]) Там-же, стр. 8.

Фреезе обычно пользовался для назначения служащих в состав комитета, он сохранял за собой для того, чтобы оторванность административного персонала фабрики от деятельности рабочего комитета не превратилась во враждебность и не создала средостения между предпринимателем и рабочими, мешающего взаимному пониманию. Число членов комитета было, вместе с тем, сокращено до 12. По общему правилу, комитет собирается 8 раз в году. Компетенция его не установлена с достаточной точностью, но, насколько можно судить по результатам его работы, ему приходится заниматься, главным образом, периодическими пересмотрами регламента, вопросами рабочего дня и вознаграждения за труд и благотворительными делами. Во всяком случае, комитет не принимал никакого участия в активном управлении: установлении производственного плана, политике цен и т. д.

Аналогичная организация существует с 1897 г. и в известном Цейссовском предприятии, давно потерявшем частно-капиталистический облик. Предприятие не имеет единоличного собственника. Прибыли целиком расходуются на просветительные и благотворительные нужды. На средства предприятия поддерживается Иенский университет, народный университет, детская больница, читальный зал, народный дом, производятся отчисления в пользу общинных предприятий и т. д. Предприятие имеет довольно сложное управление, состоящее из высшего административного органа—Stiftungsverwaltung. каковым, по статуту предприятия, фактически является тот департамент государственного министерства Великого Герцогства Саксонского, в ведении которого состоит Иенский университет, из коммерческого правления (Geschäftsleitungen) и постоянного комиссара—Stiftungskommissar [1]). На ряду с этими органами, § 64 статута вводит в систему управления предприятием и рабочий комитет, ежегодно обновляемый и состояший не менее, чем из 12 членов. Замечательно следующее постановление статута: комитет обладает правом „собираться и независимо от приглашения со стороны коммерческого правления и может притязать на то, чтобы быть выслушанным коммерческим правлением по всем вопросам жизнедеятельности предприятия“ [2]). Душою этих социально-политических начинаний в Цейссовском предприятии, как известно, был профессор Аббе. В своем докладе, прочитанном в заседании рабочего комитета по поводу 5-летия его существования, Аббе энергично протестовал против распространенного мнения, будто рабочий комитет—учреждение декоративное, созданное с целью „прикрыть розами социальную пропасть“. Правда, должен был признать Аббе, комитет имеет только совещательный голос. Однако, залогом его влияния докладчик считал предоставленное ему право собираться по собственному почину. Аббе пришлось тут же признать, что в течение 5 лет рабочий комитет ни разу не попытался использовать эту важную прерогативу [3]) и что многочисленность его состава делает всю его работу слишком тяжеловесной (к 1902 году число его членов достигло 66). Таким образом, и в Цейссовском предприятии рабочий парламент не обнаружил особенной активности.

[1]) Ernst Abbe. Sozialpolitische Schriften, Jena, 1906, стр. 265.
[2]) Там-же, стр. 290.
[3]) Там-же, стр. 285.

Тем не менее, нельзя не признать, что совместная работа коммерческого правления и рабочего комитета создала между ними известную спайку, и благодаря ей предприятие было почти избавлено в начале германской революции от эксцессов, эпидемически распространившихся почти на всю область германской промышленности. Пытаясь об'яснить причину этой мягкости форм проявления национального кризиса в Цейссовском предприятии, автор статьи о новейшей эволюции предприятия, Шомерус отмечает: „В течение десятилетий в Цейссовском предприятии осуществлялся демократический режим (ein gutes Stück Demokratie); рабочий комитет существует 23 года, комитет служащих—12 лет. Опираясь на профессиональные организации, оба учреждения превратились в необходимые части фабричной организации... Если во всем последнее решение принадлежит коммерческому правлению, несущем на себе ответственность, то комитеты все-же имеют далеко идущую возможность при выработке мнения заставить посчитаться с собой“ [1]). Преобразования революционного времени привели к нарождению еще одного нового органа—Vertrauenskommission, который, согласно циркуляру правления от 7 августа 1919 г., должен находиться в постоянном контакте (Meinungsaustausch) относительно дальнейшего развития коммерческой стороны дела и употребления доходов предприятия с коммерческим управлением [2]). Трудно сказать, как будет протекать этот „обмен мнений“ и насколько он свяжет коммерческое правление. Во всяком случае, следует отметить предоставление комиссии доверенных лиц новых функций: участия в коммерческом управлении, от которого до сих пор рабочих держали в стороне.

Некоторые интересные попытки приобщения рабочих к управлению предприятиями возникают, далее, на почве предоставления рабочим участия в прибылях.

Наиболее распространенный случай сводится к тому, что рабочим и служащим может быть уделена часть акционерного капитала. Реальность этой уступки, однако, всецело определяется размерами предоставляемой им доли. Вот напр. цифры, относящиеся к американскому стальному тресту. „В июне 1913 г. около 45.416 рабочих и служащих треста владели полностью и частью акций взятых ими за время от 1909 до 1913 г. Номинальная стоимость всех этих акций равнялась 17.530.000 долл. Номинальная же сумма акционерного капитала стального треста равняется 868.583.600 долл., а число служащих равнялось в конце 1912 г. 221.025“ [3]). Разумеется, политика треста едва ли сильно затрагивается тем обстоятельством, что пятидесятая доля капитала принадлежит служебному персоналу и рабочим. Трест попрежнему остается орудием властной воли небольшой группы финансовых магнатов-заправил. При нынешнем распределении общественного богатства вообще едва ли можно ожидать сосредоточения значительных масс акционерного капитала в руках рабочих. В ряде предприятий участие рабочих в управлении предприятием получает более твердые основания, претворяясь в форму т. наз. копартнершипа. Переходную стадию

[1]) Schomerus. Die neueste Entwicklung des Carl-Zeiss-Werks,' Schmollers Jahrbuch 43 Jahrgang, 1919, стр. 273.

[2]) Там-же, стр. 280.

[3]) В. Тотомианц, назв. соч., стр. 56—57.

к этому типу организации предприятия представляют те предприятия, где доля рабочих в прибыли (бонус) обращается на принудительный выкуп акций, принадлежащих капиталистам, так что в конечном счете акционерами должны остаться одни рабочие. В чистом копартнершипе рабочие, как таковые, пользуются в той или иной форме правом выбора руководящего органа предприятия. Таково напр. известное малярное заведение, учрежденное Леклером. „Оно имеет двух-директоров-товарищей и вкладчика в лице общества взаимопомощи. Капитал товарищества равняется 800.000 фр., из коих 300.000 принадлежат директорам и 500.000— обществу взаимопомощи. Директора избираются элитой служебного персонала, образующей ядро (noyau), состоящее из 140 рабочих и служащих, хорошо знающих свое дело и безупречного поведения. Члены „ядра" избираются общим собранием" [1]).

До социального движения последних лет привлечение рабочих к управлению предприятиями было большой редкостью и имело в своей основе обычно порыв филантропического великодушия отдельного предпринимателя. В настоящее время делаются попытки превратить фабрично-заводские комитеты в постоянную часть административного аппарата предприятий. В Центральных державах организация комитетов даже декретирована законом.

§ 1 германского закона определяет для фабрично-заводских комитетов двоякий круг деятельности: отстаивание экономических интересов рабочих и служащих против предпринимателя и в то же время поддержку последнего в его начинаниях, клонящихся к развитию предприятия. В более подробном изложении, комитетам присваиваются следующие функции: I. Социальные задачи. А. В отношении условий найма. 1. Наблюдение за осуществлением законодательных предписаний в пользу рабочих, тарифных договоров и окончательных судебных решений. 2. Содействие при регулировании заработной платы и других условий труда, поскольку для них не существует тарифного регулирования. 3. Соглашение с предпринимателем по поводу порядка работы и служебных правил в рамках действующих тарифных договоров. 4. Попечение об инвалидах войны и потерпевших от несчастных случаев, если они работают в предприятии. 5. Участие в переговорах с предпринимателем о найме новых рабочих и служащих. 6. Право вмешательства при увольнении их. Б. Рабочие конфликты. 7. Способствование достижению соглашения в самой рабочей среде и между нею и работодателем и охрана свободы коалиции. 8. Предотвращение потрясений жизни предприятия при конфликтах, особенно путем созыва согласительных комитетов. В. Охрана здоровья и благополучия трудящихся. 9. Содействие при борьбе с опасностями, грозящими повреждениями здоровья занятых в предприятии рабочих. 10. Участие в управлении пенсионными кассами и другими каритативными учреждениями в предприятии.

II. Экономические задачи. Г. Содействие задачам предприятия. 11. Осуществление возможно более полной хозяйственности в работе предприятия. 12. Совместное с управлением проведение новых

[1]) Тотомианц, назв. соч., стр. 88—89.

методов труда. 13. Представительство рабочих и служащих в наблюдательном совете.

По германскому закону, выборы в комитеты основаны на демократических началах. Правом голоса пользуются все рабочие предприятия, мужчины и женщины, достигшие 18-летнего возраста. Для пассивного избирательного права возрастной ценз поднимается до 24 лет. Кроме того, пред'являются требования германского подданства, 6-месячного стажа в предприятии, а если предприятие существует меньше полугодия, службы в нем с момента возникновения, и 3-летней принадлежности к производству или профессии, в которой данный кандидат в члены комитета работает; кроме того, он не должен к моменту избрания состоять в профессиональном обучении. По австрийскому закону 15 мая 1919 г., пассивным избирательным правом пользуются и посторонние предприятию лица, а именно члены правления и служащие профессиональных организаций [1]).

В сущности говоря, дело сводится к принудительному введению режима „конституционной фабрики", давно существовавшего в некоторых предприятиях. В сочинении Спектатора „Проблема социализации в Германии", приводится ряд дополнительных черточек, показывающих, как далек германский закон о фабрично-заводских советах от демократического идеала: „...в некоторых случаях председательствовать в совете имеет право и предприниматель, и меньшинство в совете имеет право самостоятельно защищать свою точку зрения перед предпринимателем. Так как рабочие и служащие выбирают представителей в совет порознь, то это постановление закона, в связи с предыдущим (относительно председательствования) означает давление со стороны предпринимателей на советы, расщепление совета на группы, помеху ко всякой плодотворной работе и даже превращение советов в органы, послушно творящие волю предпринимателей... Никакого настоящего права контроля советам не дано; даже в области условий труда они имеют права требовать от предпринимателей дачи сведений и раз'яснений лишь постольку, поскольку это „не может повредить коммерческой тайне". Само собой ясно, что предприниматели всегда могут сослаться на коммерческую тайну" [2]).

В конце-концов Спектатор не берется предугадывать грядущую судьбу советов. „Весьма возможно, что из орудия революции заводские советы выродятся в орудие предпринимателей и реакции. Но не исключена также возможность того, что несмотря на все, заводские советы окажутся для революционного пролетариата подготовительной школой в деле управления предприятиями" [3]).

В Англии попытка массового насаждения рабочих комитетов связана с уже упомянутым течением в пользу введения в промышленности парламентских форм, возглавляемого Уайтли. Уайтли—член палаты общин, участник крупной хлопчатобумажной фирмы в Иоркшайре. В 1916 году комитет по реконструкции (Cabinet Reconstruction Committee)

---

[1]) Vogel, назв. статья, стр. 94.

[2]) Спектатор. Проблема социализации в Германии. Перевод с немецкого. М. 1921, стр. 44.

[3]) Там же.

созданный Асквитом, назначил его председателем особого комитета для изучения вопроса об отношении между предпринимателями и рабочими. Этот комитет из 12 лиц имел в своей среде трэд-юнионистских главарей, в роде Клайнса, назначенного впоследствии продовольственным диктатором (Food Controller), ученых экономистов (Гобсон, проф. Чэпман), предпринимателей и других известных специалистов (в том числе двух женщин). Работа комитета Уайтли приковала к себе всеобщий интерес. Задание, выполнение которого было возложено на комитет, было формулировано в следующих словах: комитет должен был „делать и рассматривать предложения для обеспечения постоянного улучшения в отношениях между нанимателями и рабочими; и рекомендовать средства для обеспечения того, чтобы промышленные условия, влияющие на отношения между нанимателями и рабочими, были систематически пересматриваемы заинтересованными сторонами в целях улучшения условий в будущем" [1]).

Частью намеченной постройки являются рабочие комитеты, учреждаемые для регулирования отношений в отдельных предприятиях. Формы и цели возникновения комитетов чрезвычайно разнообразны. В большинстве случаев они вырастают на почве существовавшего до войны института цеховых старшин (Shop stewards). Эти старшины были исполнительными органами профессиональных союзов, и их роль сводилась, главным образом, к вербовке новых членов, собиранию взносов и другим функциям для поддержания существования союзов и к осведомлению местных органов союзов о событиях в жизни предприятий, которые представляют интерес с союзной точки зрения. Действительная степень организованности цеховых старшин варьировала в разных союзах. В некоторых случаях все старшины данного союза в округе собирались ежемесячно совместно с окружным комитетом союза. Степень оффициальной связи их с союзами тоже неодинакова в разных союзах. Старшины иногда брали на себя созыв собраний по цехам, особенно в моменты конфликтов между трудом и капиталом. Во время войны позиция старшин усилилась вследствие принятого трэд-юнионами на себя обета отказа от стачек. Конфликты пришлось разрешать мирными средствами, и тут-то цеховые старшины выдвинулись в качестве посредников по улажению споров. Они и дали естественный контингент для комплектования рабочих комитетов. Следует различать комитеты трех типов. Первая главнейшая разновидность может быть названа „промышленным комитетом". Такой комитет, обычно построенный на основе связи с профессиональным союзом (on a Trade Union basis) занимается рассмотрением конкретных вопросов положения и оплаты труда в производстве (принципиальные вопросы переносятся в окружные и национальные организации) Вторая разновидность—„комитеты здравоохранения" (Welfare committee), занимающиеся вопросами санитарии, вентиляции предприятий и т. д. Они охватывают обычно всех рабочих данного предприятия, независимо от принадлежности к союзу. Третья разновидность, носящая обманчивое название „социальных союзов" (Social Union) представляет организованное общение рабочих на почве спортивных интересов, устройства игр и пикников и т. д.

[1]) Meyer Bloomfield назв. соч., стр. 106—107.

По своей организации комитеты либо бывают чисто рабочими учреждениями, либо имеют смешанный состав с участием представителей от предпринимателя. Представители рабочих могут быть либо делегатами от всей рабочей массы и выбираться, как это бывает обычно, отдельными цехами, — по большей части в числе, пропорциональном общему количеству рабочих, либо комплектоваться из цеховых старшин различных профессиональных союзов, представленных в предприятии либо, в больших предприятиях, где старшины слишком многочисленны, избираться старшинами из своей среды. Напр. в одном предприятии с 3.000 рабочими, фабрично-заводский комитет состоит из 12 рабочих представителей, избранных 40 старшинами от разных союзов, представленных в предприятии. Применяются и другие приемы избирательной техники. Так, иногда выборы производятся рабочими, разделенными по принадлежности к союзам, иногда все избиратели собираются для голосования воедино или голосуют по производствам и т. д. В некоторых предприятиях существуют отдельно комитеты для квалифицированного и неквалифицированного труда. Женщины иногда имеют отдельное представительство, иногда голосуют со всеми, иногда устраняются от участия в выборах. Что касается полномочий рабочих комитетов, то излагаемый нами меморандум министерства труда (от марта 1918 г.) выразительно подчеркивает, что „обычно рабочий комитет может возбудить вопрос перед заводским управлением и обсудить его совместно с последним; в качестве ultima ratio, он может побудить трэд-юнион к организации стачки. Но обычно комитет, как таковой, не может непосредственно проводить своих решений в действие или настоять на том, чтобы они были приведены в действие каким-либо непосредственно действующим аппаратом". Административная власть в предприятии остается в руках управления. Даже при существовании смешанных комитетов сохраняется тот же порядок: обычно требуется единогласное решение; „управление должно быть убеждено, и обе стороны должны придти к свободному соглашению прежде, чем предпринимаются активные действия" [1]). Не подлежит сомнению, что все изложенные попытки организации представительных учреждений в промышленности представляют огромную ценность, как средство воспитания рабочих масс, как способ расширения их кругозора, как удачный прием для поднятия их культурного уровня. Независимо от гуманитарных соображений, подобные достижения весьма существенны и для поднятия национальной производительности труда. Старая истина — результаты трудовой затраты прямо пропорциональны степени интеллигентности рабочего.

3.

Система управления в крупных промышленных об'единениях.

Мы указали, однако, в начале этой главы на то, что значение борьбы за власть внутри предприятия в значительной мере подрывается проявляющейся с необычайной интенсивностью в наши дни тен-

[1]) Meyer Bloomfield назв. соч., стр. 311—465 и 546—572.

денцией соединения больших масс предприятий в мощные об'единения. Приобретает поэтому особенный интерес освещение форм управления этих крупнейших хозяйственных единиц.

Начнем с акционерных компаний. На первых порах их развития они управлялись на олигархических началах, так как решать судьбы акционерных компаний предоставлялось ограниченному кругу крупнейших акционеров. Так, например, в общих собраниях Crédit Mobilier участвовали 200 „главных акционеров". Администраторы этого учреждения — братья Перейра — обладали „олигархической властью" [1]). (В Banque des France до сих пор сохранился такой же порядок). Совсем иным духом проникнуто новейшее акционерное законодательство. Над колыбелью современной акционерной компании реяли знамена 1848 г.

Она явилась по словам Штейницера, порождением „конституционно-демократической юридической теории акционерной компании" [2]). Поэтому основным принципом их организации является всеобщее избирательное право.

Такова была идея. Каково же ее воплощение? Все настойчивее и настойчивее в новейших сочинениях об акционерных компаниях высказывается мысль, что неорганизованная масса акционеров представляет собою лишь кредиторов предприятия, доверивших ему на несколько своеобразных условиях свои капиталы, а не участников ее. Истинными руководителями акционерной компании является небольшая группа директоров-заправил, бывших ее инициаторами и вдохновляющих повседневную ее работу. Проф. Петражицкий прямо говорит о „покорности и фиктивном значении общих собраний в начале жизни акционерной кампании" [3]). Но и в последующих стадиях роль акционеров, в лучшем случае, сводится к свержению с пьедестала одного „кружка заправил", чтобы легализовать господство новой сорганизовавшейся группы, оспаривавшей у первой власть. Уже цитированный нами Штейницер категорически утверждает, что всегда дело сводится к замене одной олигархии другою. В Америке такое Change in Control—повседневное явление, но оно всегда представляет лишь переход господства от одной финансовой или промышленной группы к другой, оно по самой природе вещей и не может быть ничем иным [4]). Общее собрание, это детище демократической идеологии, оказывается, таким образом, слепым орудием, которым пользуются для взаимной борьбы финансово-промышленные группы.

Переменим декорации. От обвеянной демократическими традициями прошлого акционерной компании перейдем к наиболее современным формам капиталистической организации — монополистическим об'единениям. Наиболее интересен для нас картель, так как при этом типе об'единения отдельные предприниматели сохраняют свою самостоятельность и, казалось бы, их организация, созданная для осуществления общих задач, должна быть основана на принципе одинакового влияния каждого из них на ход дел. По свидетельству Зингера, при

[1]) E. Steinitzer. Ökonomische Theorie der Aktiengesellschaft, Leipzig, 1908, стр. 58.

[2]) Там-же, стр. 60.

[3]) Проф. Петражицкий. Акции, биржевая игра и теория экономических кризисов. Спб. 1911, стр. 175.

[4]) Steinitzer, назв. соч., стр. 65.

производстве известной картельной анкеты в германском министерстве внутренних дел, в суждениях о рейнско-вестфальском угольном синдикате неоднократно и притом, к удивлению, не вызывая возражений, подчеркивалась мысль о „демократической конституции синдиката“ [1]). Наоборот, такой компетентный исследователь, как Шмоллер, именно на опыте монополистических об'единений, попытался найти лучшее подтверждение своего учения о вредности демократических форм и предпочтительности аристократически-бюрократического управления. Опровергая Шмоллера, автор одной из новейших работ о капиталистических монополиях, Фогельштейн, должен, однако, признать, что „мелкие предприниматели часто никак не умеют соблюдать меру, потому что они как раз обладают меньшим размахом и менее легко идут на отказ от немедленной выгоды. Против этих влияний нет действительных организационных средств, а может помочь лишь духовное превосходство отдельных лиц или угроза срывом союза со стороны инако-мыслящих“ [2]). Таким образом, и Фогельштейн должен признать, что якобы существующий в картелях демократизм приводит к господству немногих лиц, на чьей стороне — „духовное превосходство“. Чтобы разобраться в вопросе о том, кто прав в этом споре, достаточно изобразить конкретно организацию рейнско-вестфальского синдиката. Каждый владелец копей приобретает число акций синдиката, соответствующее его угольной выработке. Каждая акция дает один голос в общем собрании. А так как общее собрание избирает наблюдательный совет, а последний выделяет в свою очередь правление, наделенное весьма важными прерогативами, то следовательно, состав последнего находится в зависимости от распределения акционерного капитала. Часть синдикатских дел разрешается не указанными представительными органами, а собраниями владельцев копей, советом при нем (Beirat) и комиссией по установлению квот выработки. В основе конструкции этих органов лежит „плутократическое избирательное право“: решающим моментом являются не лица, а десятки тысяч или миллионы тонн участия в выработке. „Пусть только не говорят“, заключает по этому поводу Зингер: „о демократических принципах, как будто крупные и мелкие синдикатчики являются равноправными в ведении дел“ [3]).

В интересной работе Кестнера о „принуждении к организации“, трактующей, главным образом, о приемах посредством которых картелями ведется борьба как с противниками, стоящими вне его, так и с участниками этих организаций, справедливо указывается, что многие предприниматели избегают вступления в картель, вследствие нежелания подчиняться чужой воле. Значительная часть предпринимательских функций переходит к картелю. Для каждой из них в составе картеля постепенно вырабатывается особый специалист; так руководительство производственной техникой, регулирование отношений к рабочим и служащим и пр. отделяется от собственно-торговой деятельности по организации покупок и сбыта и от общего „организаторско-спекулятивного“

[1]) J. Singer. Das Land der Monopole: Amerika oder Deutschland, Berlin, 1913, стр. 103.

[2]) Th. Vogelstein. Finanzielle Organisation der kapitalistischen Industrie und die Monopolbildungen, в Grundriss der Sozialökonomik. VI Abt. 1914, 229—230.

[3]) Singer, назв. соч., стр. 209.

руководства. Таким образом, и здесь немногим лицам удается ловко использовать накопленный опыт, чтобы захватить в свои руки наиболее ответственные позиции по управлению пред'приятием.

Особенный интерес, как поприще для применения демократических начал в управлении представляют профессиональные союзы. Именно в этих организациях известные исследователи—супруги Вебб—попытались впервые открыть зародыш идеи „промышленной демократии". Классический Веббовский анализ форм управления, применяемых в английских профессиональных союзах, привел их к следующим выводам. По мере расширения союзов и усложнения их задач становится невозможным осуществление в них „примитивной демократии", т. е. прямого народоправства, при котором каждый (по жребию или по известной очереди) отбывает повинность управления. Профессиональные союзы переходят к режиму представительного правления. Появляются избранные членами союзов „парламенты", выделяется твердое ядро тесносплоченной и фактически непреодолимой бюрократии" [1]). Этот „управляющий класс чиновников" отличается от массы членов по своему облику, подготовке и обязанностям. Затем, в этой чиновничьей среде кристаллизуется единоличная власть: „почти все стороны организации трэд-юнионов вели к расширению и упрочению власти генерального секретаря". Попытки исправления дефектов представительного строя новейшими изобретениями, стремящимися сохранить видимость народоправства, оказались неудачными. Так, „неудобства свободного употребления референдума сделались вскоре очевидными для мыслящих трэд-юнионистов". Или вот еще более выразительное суждение по этому поводу: „управление посредством таких приемов, как отбывание должностей по очереди, массовые собрания, референдум и инициатива или снабжение делегатов императивными мандатами—ведет прямиком либо к бессилию и распадению, либо к бесконтрольному господству диктатора или опытной бюрократии" [2]).

Специалисты-чиновники становятся, таким образом, истинными вдохновителями политики трэд-юнионов. Если эта роль выпадает на долю простого рабочего, то „такая перемена изменяет его образ жизни и образ мыслей, обыкновенно также и его интеллектуальную атмосферу, изменяет до такой степени, что он утрачивает постепенно живое понимание чувств человека верстака и наковальни,—а в изложении этих чувств и состоит его задача. Есть какая-то жестокая ирония в этой проблеме, которая в значительной степени об'ясняет, по нашему мнению, бессознательную неприязнь наемных рабочих всего мира против представительных учреждений" [3]).

Та-же эволюция английских профессиональных союзов изображается Шмоллером в следующих словах: „Возникла представительная система; ежегодно избираемое собрание делегатов и выборный комитет взяли центральное управление в свои руки; 600—700 избранных на 1—2 года, но фактически пожизненных профессионалов-чиновников, избранных из числа способнейших неоплачиваемых лиц, занимающих

[1]) С. и Б. Вебб. Назв. соч., т. I, стр. 22.
[2]) Там-же, стр. 28.
[3]) Там-же, стр. 44.

почетные должности, частично отсеянных путем специальных испытаний, с жалованьем в 4.—10.000 марок, стали в качестве генеральных, окружных и местных секретарей, во главе союзов; раньше избирали „самых воинственных", теперь самых интеллигентных на роли вождей, говорит генеральный секретарь хлопчатобумажников Макара; они сделались обученными техниками страхового дела и адвокатами рабочего класса, знатоками народохозяйственного рынка и искусными дипломатами при переговорах и все более и более превращались, благодаря духовному превосходству и опыту, в руководителей своих союзов" [1]).

Примерно к таким-же выводам относительно германских профессиональных союзов приходит Адольф Вебер. С количественным ростом профессионального движения сопрягается понижение качественного уровня его членов. Большинство членов союза составляется из людей временно, по меркантильным соображениям, связавших свою судьбу с союзом: эти массы стараются обеспечить себе финансовую поддержку союза на случай надвигающейся, по их мнению, стачки. Для них, по словам одного из ежегодников кельнских профессиональных союзов, „организация представляет только промежуточную станцию, сохранять связь с которой они считают для себя необходимым лишь до тех пор, пока они состоят под строгим контролем" [2]). Личный состав союзов обновляется с поразительной быстротой, причем эта неустойчивая масса состоит в большинстве из зеленых юнцов. В книге Вебера приводится интересная сводка данных об изменениях умственных запросов союзных масс. „Легкое чтение" делает поразительные успехи за счет серьезных научных интересов, как показывает библиотечная статистика профессиональных союзов. Немудрено при таких условиях, что вожаки стараются подчинить массы своему влиянию и требуют он них строжайшей дисциплины. Один из предводителей рабочих, Эльм прочитал в ноябре 1910 г. доклад о „массах и вождях", в котором решительно настаивал на подчинении рабочих приказам и взглядам руководителей союзов и оффициальный орган об'единения профессиональных союзов назвал его мысли „заслуживающими большого внимания" [3]).

Во время войны в германских профессиональных союзах образовалась явственная трещина на почве расслоения между вождями и массами, и вожди сделались мишенью постоянных нападений по поводу того, что они-де не отражают настроений масс. Так, в брошюре Пауля Ланге „Политика вождей профессиональных союзов с 1914 по 1919" против главарей союзов выдвигается обвинение в семи смертных грехах: они призывали рабочих к отказу от требований повышения заработной платы, готовы были пожертвовать правом коалиции, насквозь проникались шовинистическим духом и т. д. [4]). Новейший исследователь этого вопроса, Коллер, добросовестно изучил жизнь германских „свободных союзов" (freie Gewerkschaften) и отношения между главарями и массами в этой

[1]) Schmoller Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre, II T., München und Leipzig, 1919, стр. 461—462.

[2]) Weber. Die Lohnbewegungen der Gewerkschafts-demokratie. Bonn, 1914, стр. 55.

[3]) Weber, назв, соч., стр. 64.

[4]) Paul Lange. Die Politik der Gewerkschaftsführer von 1914 bis 1919, Berlin 1919.

среде. Его работа написана с целью проверить основной тезис блестящего сочинения Михельса, который заключается в том, что демократия с имманентной необходимостью приводит к господству вождей, творящих свою волю, а не волю выдвинувших их масс (о книге Михельса нам придется ниже говорить подробно). В работе Коллера нет предвзятости, характерной для Михельса. Скорее в ней даже чувствуется легкий налет старинного демократического сентиментализма. И все-же ему приходится констатировать, что еще до войны существовали разногласия между вождями и массой в профессиональных союзах, возникавшие большей частью на почве стачечного движения и установления тарифных договоров. Во время войны главари союзов, действовавшие от имени своих избирателей, в действительности подчас совсем не отражали настроений масс. Дошло до того, что лидеров стали обвинять в отклонении от социалистических принципов. Особенно сотрудничество с правительством для „организации победы" казалось массам „отпадением от социализма, на которое они... никогда не уполномачивали вождей... Их собственные предводители участвовали в особых конференциях, совместно с правительством, т. е. со старым своим врагом—государством; конференциях, собиравшихся для разработки закона (о введении всеобщей трудовой повинности. В. Ш.), который по своему содержанию отнюдь не казался массам проникнутым благожелательным к ним духом" [1]). Вожди, против которых направляется оппозиция, сами признают наличность указанного противоречия; „у них есть чувство, что после войны неизбежна перестройка отношений" [2]). В итоге Коллер должен признать, что в деятельности профессиональных союзов трудно найти выявление воли масс.

Мы приходим, таким образом, к выводу, что применение демократических форм управления к хозяйственным учреждениям передает на практике власть в руки небольшой группы вождей и заправил. Вывод наш не является неожиданным для тех, кто знаком с общей литературой, отражающей „кризис современного правосознания". Та-же картина вырисовывается и при изучении политических учреждений. Так, Новгородцев „после продолжительного анализа" приходит к заключению, что „в странах с наиболее развитыми демократическими формами народная воля, в сущности, определяется волей немногих, стоящих наверху. Теория народного суверенитета приходит здесь, с другой стороны, к точке исхода, описав своего рода круг постепенных превращений. Она отправляется от того, чтобы властвующей воле немногих противопоставить верховную волю народа, волю всех граждан без исключения. Но силою вещей воля всего народа заменяется волей большинства, воля большинства—волей тех активных граждан, которые умеют заставить признать себя за большинство, и наконец воля этих активных элементов—волей нескольких политических деятелей, стоящих во главе власти и направляющих ход политической жизни [3])". Особенно яркое подтверждение этот ход мыслей находит на примере политической организации Соединенных Штатов. „Один дипломат утверждал, что форма правле-

[2]) Ph. A. Koller. Das Massen-nud Führer-Problem in den freien Gewerkschaften. Tübingen. 1920, стр. 103.

[2]) Там-же, стр. 93.

[3]) П. Новгородцев. Кризис современного правосознания М. 1900, стр. 169.

ния в Северо-Американском Союзе—абсолютный деспотизм, прикрывающийся конституционными формами; это деспотизм немногих лиц, а именно президента Соед. Штатов, статс-секретаря, секретаря казначейства, спикера палаты представителей и назначаемых последним председателей двух важнейших комитетов палаты" [1]).

4.

Причины господства вождей.

На первый взгляд, такой результат применения демократических форм управления кажется неожиданным и даже несколько загадочным. Однако, нетрудно убедиться в том, что он неизбежен при огромных различиях в степени одаренности и технической подготовленности, существующих в современном обществе. Вождей не было бы, еслибы человечество представляло серую, однородную массу, в рядах которой каждый наудачу выхваченный суб'ект был бы одинаково способен к выполнению известных общественных функций, как и все прочие. Покуда такого тождества всех людей нет, неизбежны различия, закрепленные на пожизненный срок в характере выполняемых работ, неизбежно и преобладание в общественной жизни счастливых обладателей природных даров и технической выучки. По мере того, как упраздняются привилегии, основанные на половых различиях, сословных началах, случайностях рождения, владении капиталом и т. д., это преобладание таланта и специалиста в обществе и, в частности, в народохозяйственной деятельности должно становиться все более и более отчетливым.

В новейшей литературе имеется несколько интересных попыток обоснования неизбежности диктатуры вождей. Дадим краткое их изложение. Начнем с Визера. Констатируя, что в обществе существует несомненное неравенство экономических условий, в которых находятся отдельные его члены, и в об'еме власти, которою они располагают, Визер находит недостаточной для об'яснения этих различий ссылку на то, что в руках одних находится аппарат внешней силы, утилизируемый ими против других. „Пушки являются только орудием; они нуждаются в господине, и основной вопрос заключается поэтому в том, кто становится господином пушек" [2]). Внешняя сила находится в руках немногих, и было бы непонятно, как общественная масса терпит такое положение вещей, еслибы мы не находили разгадки в той внутренней силе меньшинства, которая дает ему право распоряжаться и внешней силой. Только благодаря внутреннему превосходству, это небольшое число людей получает возможность с'организоваться и захватить в свои руки орудие власти. Таков „закон небольшого числа" (Gesetü der kleinen Zahl)—„замечательная проблема, требующая об'яснения". Масса, как таковая, неспособна к действиям не только потому, что большому количеству людей трудно сговориться, но и потому, что у нее нет импульсов, побуждающих к действиям так как каждый ждет действий другого, ставя себя в зависимость от него. Толпа инертна,

[1]) Там-же, стр. 166.
[2]) Fr. von Wieser, Recht und Macht. Leipzig, 1910, стр. 9.

и поэтому необходимы люди, которые умели-бы вести ее. Толпа нуждается в вождях во всех областях человеческой культуры, их имеет „ничтожная группа людей наряду с величайшими союзами“ [1]). Самостоятельность ее ничтожна. „Масса сохраняет свою самостоятельность, главным образом, только в выборе вождей или правил, которым она следует, и только в степени точности, с которою она придерживается образца“ [2]). Если в экономической области власть вождей не проявилась так-же рано и с такою-же силой, как в военной, политической или религиозной области, то это об'ясняется тем, что огромная часть народохозяйственных процессов не требует общего, единого руководства. „Только капиталистическая эпоха создала, в форме крупных предприятий, основу для возникновения великой экономической власти вождей“ [3]). „Как необходимы были одержимые духом завоевания натуры Кортеса и Пизарро, чтобы утвердить испанское господство в Мексике и Перу, так должны были выступить конквистадоры в экономической области, чтобы создать организации трестов“ [4]).

Мысль о неизбежности господства вождей развивает на все лады Роберт Михельс в талантливой работе: „К социологии партийности в современной демократии“. Еслибы не общеизвестная принадлежность Михельса к социалистическому движению (В. Зомбарт считает его единственным крупным немецким социалистом, исповедующим революционный синдикализм [5]), можно было-бы принять его книгу за памфлет против социал-демократической партии. С большим мастерством Михельс описывает, опираясь на свое широкое знакомство с жизнью партии, социально-психические процессы, приводящие к выделению вождей из массы, разростание пропасти между ними, появление у вождей особой идеологии, которую Михельс не без задора называет бонапартистской. Яркими штрихами очерчивает он беспомощность и неосведомленность масс, их потребность в обоготворении своих предводителей. Шаг за шагом прослеживает видоизменения в психологии вождей, скромно начинающих с готовности к беспрекословному подчинению народной воли и кончающих отождествлением своей личности с партией (Le parti—c'est moi). Одухотворенные идеализмом, вожди на заре своего жизненного пути с увлечением приносят себя в жертву партийному делу и вызывают у масс, благодаря этому чувство любви и благодарности, которое делает невозможным их отстранение. Они остаются бессменно на своих постах, тогда как министры в государственной машине сменяют друг друга с кинематографической быстротой. В. Либкнехт и Бебель были лидерами германской социал-демократии в течение десятилетий, тогда как было сделано вычисление, что средний срок пребывания германского министра у власти—$4^1/_2$ года. Психологическое влияние вождей на массы огромно. „В Англии трое или четверо человек—Макдональд, Кейр-Гарди, Гендерсон, Клайнс обладают доверием организованных масс в столь безграничной степени, что, как сказал один внимательный

[1]) Там-же, стр. 29.
[2]) Fr. von Wieser. Theorie der gesellschaftlichen Wirtschaft, в Grundriss der Sozialökonomik, I Abt., Tübingen, 1914, стр. 237.
[3]) Там-же, стр. 237.
[4]) Там-же, стр. 406.
[5]) W. Sombart Sozialismus und soziale Bewegung. 9 Aufl., Jena 1920 ст. 111.

наблюдатель, воздействие на массы возможно лишь путем воздействия на них. Власть, которою некогда располагал и располагает Бебель в Германии, обнаруживается в бесчисленных симптомах, от ликующего приема, которым его встречают повсюду, до повторяющихся перед каждым партейтагом усилий отдельных групп товарищей, принадлежащих к различным направлениям, перетянуть его на свою сторону" [1]).

Утвердившись прочно на своих местах, вожди употребляют все свое влияние для удержания власти за собой и своими близкими. Этот непотизм приобретает столь откровенную форму, что „любитель парадоксов мог-бы поддаться искушению расценивать этот процесс, как первый симптом постепенного перехода от системы плебисцитарного бонапартизма к системе наследственной монархии" [2]).

Так как некомпетентность масс в ряде сложнейших вопросов, подлежащих разрешению в общественных организациях, является непреодолимым препятствием для осуществления подлинной демократии и так как специальная выучка приобретает все большее и большее значение, Михельс приходит к заключению, что „демократия неизбежно приводит к олигархии,—более того, она сама и есть олигархия" [3]).

Макс Вебер в своей новейшей работе: „Wirtschaft und Gesellschaft" занимается подробным анализом различных „типов господства". С обычной для него отчетливостью мысли и пристрастием к тонким, стройным классификациям и разграничениям, Вебер выделяет в особую группу бюрократически-монократическое управление, отличающееся, по его мнению, особенной точностью, постоянством, дисциплиной, неподатливостью и надежностью. С формальной точки зрения бюрократическое управление является самым рациональным. „Можно выбирать только между „бюрократизмом" и „диллетантизмом" управления, и великое орудие, обусловливающее превосходство бюрократического управления заключается в специальных знаниях, абсолютная необходимость которых вызывается современной техникой и экономией производства благ, причем в высокой степени безразлично, организовано ли последнее на капиталистических или социалистических началах. Социализм означал бы даже, при стремлении произвести тот же технический результат, лишь огромное повышение значения состоящей из специалистов бюрократии" [4]). С социальной точки зрения бюрократическое господство означает: 1) тенденцию к нивеллировке в интересе создания возможно более широкого круга для рекрутирования наиболее квалифицированных специалистов, 2) тенденцию к плутократизированию в интересе возможно большего удлинения срока специального обучения, 3) господство формалистического безразличия в отношении лиц: sine ira et studio, без ненависти и страстей, поэтому и без „любви" и „энтузиазма", опираясь на сознание исполняемого долга, „не взирая на лиц", формально равно доступный каждому, несет идеальный чиновник свои должностные обязанности.

---

[1]) R. Michels. Zur Soziologie des Parteiwesens in der modernen Demokratie, Leipzig, 1911, стр. 145.

[2]) Там-же, стр. 100—101.

[3]) Там-же, стр. VIII.

[4]) Max Weber. Wirtschaft und Gesellschaft. Erster Teil. В Grundriss der Sozialökonomik. III. Abt. Tübingen. 1921. стр. 128.

5.

Иерархический строй современного предприятия.

Что касается специально области народного хозяйства, то здесь потребность в сосредоточении диктатуры в руках немногих чувствуется с особенным напряжением. Во имя принципа максимального развития производительных сил желательно предоставление власти распоряжения народохозяйственным процессом тем, кто сможет использовать национальное оборудование с наибольшим эффектом. Признаком успешности такого использования, как известно, является прибыльность предприятия или, если принять во внимание закон единства рыночной цены, высота издержек производства. Мы уже говорили о том, что издержки производства даже в одной и той-же отрасли производства дают пеструю картину самых разнообразных уклонений от нормы в ту или другую сторону. Одна из народохозяйственных выгод, проистекающих от соединения массы однородных предприятий в тресты, как раз и заключается в возможности приостановки работы в тех из них, которые дают наибольшие издержки на единицу продукта, и сосредоточения всего производства в наиболее успешно работающих производственных единицах. Поэтому и с народохозяйственной точки зрения желательна передача власти управления народным хозяйством в руки тех, кто может организовать производство наиболее выгодным в экономическом отношении способом. Отсюда неизбежен вывод о необходимости преодоления распыленности управления, т. е. концентрации экономической власти в одном или немногих центрах. Особенно в условиях национальной нищеты нельзя допустить неумелого хозяйничанья со стороны отдельных недостаточно квалифицированных собственников. Трестирование промышленности является поэтому естественным, непринужденным выводом из основных предпосылок экономической политики. А соединение больших групп промышленных предприятий в огромные тресты, концерны, комбинаты или как-бы еще они ни назывались, означает усиление иерархических начал в народном хозяйстве, подчинение низших высшим не на основании избрания, а по принципу высшей квалификации. Демократическая идеология, которая выступает на защиту бесправных и угнетенных участников производственного процесса, жаждущих приобщения к власти, вступает в конфликт с принципами иерархического строя народного хозяйства, выдвигаемыми естественным ходом экономической эволюции, и с необходимостью форсирования народохозяйственной производительности. Имманентная неизбежность этого конфликта станет особенно очевидной, когда мы приглядимся к современной организации крупного предприятия, как ее рисует популярная в настоящее время доктрина „научного управления производством“ (scientific management). Рутине, стародавней традиции и здесь противопоставляется рационализация.

Современное крупное предпрятие представляет собой весьма сложный механизм, и согласованная дружная работа его частей является первейшим залогом его успеха. Установление точной схемы внутреннего распорядка, планомерное распределение функций между трудящи-

мися и бдительный контроль—таковы основные проблемы научного управления.

Права, обязанности и ответственность каждого участника работы должны быть точно определены; строгое и точное ограничение деятельности устраняет возможность столкновения компетенций. Высшей основной задачей при этом следует признать „по возможности наибольшее ускорение процесса труда, использование всех человеческих и механических трудовых возможностей, рациональное и твердое ведение предприятия“ [1]). Разделение функций, в частности, заключается в том, что в составе предприятия выделяется особый орган, (planning department, Arbeitsbureau), устанавливающий, на основе научно-экспериментального анализа всех отдельных частиц трудового процесса, точнейший регламент для деятельности каждого участника предприятия. Этот „мозг“ предприятия вырабатывает для персонала надсмотрщиков и для рабочих особую „инструкционную карточку“ (instruction card), в которой описаны все детали выполнения каждой работы: время приступа к работе и ее окончания, инструменты, которыми надлежит пользоваться, технику выполнения каждой операции до мельчайших тонкостей и т. д. [2]), вплоть до указания количества времени, которое должно быть потрачено на чтение „инструкционной карточки“ [3]).

Специализация функций в самом аппарате управления должна быть доведена до такого совершенства, чтобы каждый служащий, сообразно с американским производственным принципом „interchangeaüility of parts“. являлся заменимым членом в организации предприятия. Как отдельные детали машин изготовляются с такой педантической точностью, что испорченная часть может быть заменена новой, так и выбытие любого звена административной цепи должно вызвать немедленную его замену равноценным специалистом, одинаково с ним инструктированным. В административном аппарате крупного предприятия выделяется ряд специальных отделов, каждый из которых занимается исключительно выполнением небольшой части общего задания. У Лейтнера мы находим такой интересный примерный перечень отделов управления: бюро патентов, занятое получением патентов на собственные изобретения и борьбой с патентами конкуррентов, литературное бюро, сочиняющее научные статьи для специальной периодической прессы и рекламные брошюры для покупателей, бюро регулирования заработной платы, статистическое, фотографическое бюро, отдел световых сигналов (Lichtpausanstalt), техническое бюро для каждого производственного отдела, секретариат дирекции для ведения секретной корреспонденции, юрисконсультская часть и т. д. [4]). Каждое предприятие располагает также огромным штатом низшего административного персонала, т. наз. bosses. Каждый рабочий всегда находился и в прежнее время в контакте с таким мастером. Разница состоит в том, что bosses тэйлоровской выучки не получают под свое начало некоторого количества рабочих, которыми они руководят целиком, во всех их работах, а ограничи-

[1]) Fr Leitner. Betriebslehre der kapitalistischer Grossindustrie. в. Grundriss der Sozialökonomik, VI Abt. Tübingen, 1914, стр. 105.
[2]) Marshall, назв. соч, стр. 372.
[3]) W. Kochman, назв. соч. стр. 396.
[4]) Leitner, назв. соч., стр. 108—109.

ваются указаниями в узкой сфере своей специальности. Рабочий состоит, таким образом, в ведении почти что десятка руководителей по отдельным деталям трудового процесса. „Каждый boss действует как технический руководитель в очень узкой сфере для большого числа рабочих; и поэтому его отношения к каждому из них настолько поверхностны и лишены личного характера, что он лишь в ничтожной мере может следить за общим их поведением“ [1]).

Деятельность предприятия направляется административным центром (Verwaltungszentrale), представляющим „сердце“ предприятия. Сюда сходятся все организационные нити, по двум основным отделам: техническому и коммерческому управлению. Каждый отдел имеет единоличного руководителя; один из них стоит во главе всего дела. „В руководительстве предприятия часто принимают участие несколько лиц (коммерческая и техническая дирекция). Этот дуализм в управлении с равноправным положением директоров (коллегиальное управление) должен быть заменен в интересах самого предприятия об'единением управления в одних руках“ [2]). Проделанный в России в широком масштабе опыт коллегиального управления, как известно, окончился полной неудачей. По словам официального „отчета В. С. Н. Х. Всероссийскому VIII С'езду Советов“, „в ходе работ рабочее управление само изменило свой характер. Первое время во главе управления в центре, районах и в предприятиях стояли широкие многочисленные коллегии, что вызывалось как необходимостью включить представителей всевозможных ведомств, чтобы все вопросы могли решаться согласованно, так и естественным недоверием рабочих к административно-техническому персоналу и чиновникам—представителям ведомств, которых приходилось разбавлять двойным количеством рабочих. По мере действительного об'единения руководства всем делом в руках соответствующей коллегии, представители ведомств становились ненужными, часть рабочих настолько освоилась с делом, что могла действительно управлять им, и административно-технический персонал подобрался такой, что не вызывал уже прежнего недоверия. Параллельно с этими изменениями происходил переход от широких представительных коллегий к узким деловым, состав которых все сокращался, и даже к единоличному управлению. В настоящий момент громадное большинство фабрик и заводов перешли от коллективного к единоличному управлению: из 2483 предприятий 2183 единоличного управления и 300 коллегиального“ [3]). Если единоличное начало могло восторжествовать у нас в 1920 году, то это, разумеется, свидетельствует о полной непригодности коллегиального принципа в деле управления промышленными предприятиями.

Но кто же должен стоять во главе: технический или коммерческий директор? В такой общей форме вопрос не должен ставиться. Желательно, прежде всего, чтобы купец мог разбираться в технической стороне дела, а техник прошел хорошую коммерческую выучку. Выбор главы должен определяться личностью участников и характером организации предприятия. В одних предприятиях доходность зависит, глав-

[1]) Leitner, назв. соч., стр. 106.
[2]) Leitner, назв. соч., стр. 106.
[3]) Отчет В. С. Н. Х. VIII Всероссийскому С'езду Советов, 1920, стр. 14—15.

ным образом, от удачного коммерческого управления, напр. от закупки сырья или сбыта своих изделий по выгодным ценам, а духовные свойства технического руководителя мало отражаются на качестве продукта; здесь технически образованный коммерсант был-бы всего более на месте. Иначе в предприятиях, где коммерческая сторона не требует особенной активности, напр. в случае передачи функций по продаже специальной организации, напр. синдикатской конторе, или филиальному отделению, а конструктивная, творческая работа техника определяет качество и рыночную ходкость товара, как это напр. имеет место в машиностроительных предприятиях, изготовляющих машины по особому заказу, где каждый продукт сохраняет индивидуальность. В таких предприятиях на роли руководителя, естественно, выдвигается технический директор [1]).

Таким образом, рабочая масса, „демократический элемент" предприятия по самому существу дела не может претендовать на полновластие. Если даже рассматривать—по аналогии с институтами государственного устройства—фабрично-заводские комитеты как, законодательные учреждения, а высшее управление как „подзаконную" исполнительную власть, то глава исполнительной власти сосредоточивает все-же в своих руках нити активного управления и сохраняет больший удельный вес, чем фабричный парламент. Пленге правильно намечает этот глубокий внутренний кризис современной идеологии, когда восклицает: „Конфликт XIX и XX веков. Конфликт демократии и эпохи экономической концентрации. Демократия устраняется и дает устранить себя, потому что она не понимает того, что происходит да пожалуй и не может понять" [2]). Как далеко простирается эта некомпетентность демократии именно в экономических вопросах, обнаруживается на обсуждаемых Пленге проблемах эмиссионной и банковой политики. Управление Рейхсбанка проектирует и готовится провести важную, чреватую последствиями банковую реформу, и общественное мнение совершенно не реагирует на это, как будто банковое законодательство может и должно проводиться под шумок органами управления. „Так чужды нашим политикам важнейшие проблемы нарождающейся высококапиталистической организации, и такую радость доставляет им разрешение этих запутанных вопросов privatim заинтересованными сторонами! Нужно поэтому сказать со всей возможной остротою, что парламентарное государство и старая бюрократия стоят перед новыми организационными формами и организационными задачами экономической жизни в ужасающей беспомощности" [3]).

Таким образом, современное крупное предприятие неизбежно усваивает громоздкую, чисто бюрократическую организацию, и социализм, поскольку он означает торжество принципа концентрации производительных сил, должен привести к еще большему усилению бюрократической власти.

Чем более широких размеров достигает централизация производства, чем больше развивается „трестомания", тем, очевидно, сложнее

[1]) Там-же, стр. 54.
[2]) Leitner, назв. соч., стр. 106—107.
[3]) J. Plenge. Von der Diskontpolitik zur Herrschaft über den Geldmarkt. Berlin, 1913, стр. 55.

должна становиться административная иерархия, тем многочисленнее „департаменты", на которые разбивается аппарат управления. Задержать этот процесс бюрократизации народного хозяйства можно только одним способом: возвращением к раздробленности производства, как она существовала при режиме свободной конкурренции, искусственным насаждением мелкой производственной единицы. Такие попытки повернуть вспять колесо истории, разумеется, обречены на неудачу. В литературе представлено и другое течение, уповающее на возможность преодоления бюрократической власти в отдаленном будущем, при наступлении высшей фазы коммунистического строя, когда сотрется различие между физическим и интеллектуальным трудом. Это направление ярче всего выражено в книге Ленина: „Государство и революция".

Ленин мечтает о таком порядке вещей, при котором „все общество будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы" [1]). По его мнению, „при социализме многое из примитивной демократии неизбежно оживет, ибо впервые в истории цивилизованных обществ масса населения поднимется до самостоятельного участия не только в голосованиях и выборах, но и в повседневном управлении. При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял" [2]). Чиновничество сделается ненужным. Новый строй приведет „к постепенному отмиранию всякого чиновничества, когда все более упрощающиеся функции надсмотра и отчетности будут выполняться всеми по очереди, будут затем становиться привычкой и, наконец, отпадут как особые функции особого слоя людей" [3]). Ленин горячо негодует по поводу противоположных взглядов Каутского, признающего необходимость сохранения чиновничества и при социализме. По словам Каутского, „мы не обходимся без чиновников и в партийной и в профессиональной организации, не говоря уже о государственном управлении. Наша программа требует не уничтожения государственных чиновников, а выбора чиновников народом". По мнению Ленина, Каутский повторяет лишь старый довод Бернштейна, который, ссылаясь на исторический пример перехода английских трэд-юнионов от примитивной демократии к парламентаризму, соединенному с бюрократизмом, доказывал невозможность „прямого народоправства" в хозяйственной области. Ленин решительно отводит ссылку на английские трэд-юнионы, так как они развивались, по его мнению, не в полной свободе, а в полном капиталистическом рабстве. „Бюрократизация" даже пролетарских должностных лиц, их тенденция отрываться от масс и занимать где то наверху, над ними, привиллегированное положение об'ясняется развращающей обстановкой капитализма. „При капитализме демократизм сужен, смят, урезан, изуродован всей обстановкой наемного рабства, нужды и нищеты масс" [4]). С отмиранием условий, вызывавших эту бюрократизацию, чиновничество станет столь-же ненужным, как самое государство.

---

[1]) Н. Ленин (Влад. Ульянов). Государство и революция. 1919, стр. 128.
[2]) Там-же, стр. 146–147.
[3]) Там-же, стр. 65.
[4]) Там-же, стр. 145.

Книга Ленина вызвала оживленный отклик на западе. Так известный германский государствовед Кельзен усмотрел в этом стремлении к интеллектуальному уравнению всех, чтобы сделать каждого одинаково способным к выполнению административных функций, „тенденцию к примитизму“ [1]). Достоевский прозорливо охарактеризировал этот примитивизм в „Бесах“ под именем Шигалевщины: „жажда образования есть уже жажда аристократическая... мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство. „Мы научились ремеслу, и мы честные люди, нам не надо ничего другого“—вот недавний ответ английских рабочих“. Если бы притязания социализма действительно ограничивались всеобщим обучением „ремеслу“, как с гениальной проникновенностью указал Достоевский, „тенденция к примитизму“ была бы в нем вполне уместна. Но социализм наоборот, стремится к почти безграничным культурным и творческим достижениям, он хочет далеко опередить капиталистический строй. В области народного хозяйства его путь лежит через доведение концентрации производства до последних пределов к максимальному повышению производительности. Недаром советская власть так благожелательна в отношении тэйлоризма. Тэйлоризм же есть прямое отрицание „примитивизма“! Поэтому большевизм стремится совместить несовместимое.

Как резко расходятся проповедуемые Лениным идеалы с действительностью, можно показать хотя-бы на примерах современных организаций промышленности в Советской России. Существует напр., проект создания нового хлопчато-бумажного треста. „По проекту в этот трест предполагается включить 83 фабрики с 5. 384. 537 прядильными веретенами, 267. 609 крутильными веретенами, 115. 726 ткацкими станками и 366 печатными машинами, что составляет по отношению к общему количеству числящихся за хлопчато-бумажным отделом Главтекстиля 75% прядильных веретен, 47% крутильных веретен, 56% ткацких станков и 33% всех предприятий. Весь этот гигантский трест, один из величайших в мире, будет управляться правлением из 5 лиц и 2 кандидатов к ним, назначаемых президиумом В. С. Н. Х. на 3-летний период“ [2]). Ясно ведь, что даже если-бы 5 членов правления и 2 кандидата к ним не назначались В. С. Н. Х. на 3-летний период, а выхватывались по жребию из рабочей массы, стоящей у этих миллионов веретен и станков, то все-же не пришлось всем принять участие в управлении. Говорить об упрощении функций, сводящихся только к надзору и отчетности, тоже не приходится. Управление мощным, грандиозным производственным аппаратом всегда потребует особого, редкого сочетания интеллектуальных качеств, которыми располагает, да и будет располагать далеко не каждый. При благоприятных общественных условиях, разумеется, каждый индивид получит возможность развивать свои способности, но этим благотворным влиянием среды не могут быть уничтожены биологические различия, которые всегда будут способствовать выделению из массы группы лиц, наиболее пригодных для осуществления народохозяйственной власти.

---

[1]) H. Kelsen. Vom Wesen und Wert der Demokratie. Archiv für Sozialw. und Sozialpol. 47, I (1920), стр. 72.

[2]) Сборник экономических статей Г. Цыперович. Трестирование промышленности и новая экономическая политика в Советской России. Петр. 1922, стр. 71.

Однако, из сказанного нами отнюдь не следует делать заключения о необходимости поставить крест на всех начинаниях, клонящихся ко введению в хозяйственной области парламентского режима. Мы уже сказали, что представительные учреждения могут явиться хорошей культурной школой для пролетариата. Нужно лишь примириться с мыслью, что активное коммерческое управление должно быть построено иерархически и что фактическая власть в народном хозяйстве должна принадлежать бюрократии.

6.

„Этатизм" и „синдикализм" в народном хозяйстве.

Однако, как уже указано в общей форме выше, централизация управления таит в себе и грозные опасности: когда судьба целых отраслей промышленности, разбросавшихся по всей государственной территории, решается в центре небольшою группой людей, часто не имеющих представления о местных условиях, то становятся неизбежными крупные промахи, грозящие производству неисчислимыми потерями. Социалистические писатели, занимавшиеся построением планов будущего общества, всегда балансируют между „этатизмом", т.-е. прямолинейным стремлением сосредоточить все в руках государства, и „синдикализмом", т.-е. разрывом ткани, об'единяющей отдельные предприятия, и допущением бесконтрольного хозяйничанья в каждом предприятии одних только его участников. Туган-Барановский различает в утопическом социализме в организационном отношении три оттенка. Централистический социализм, который он считает господствующим направлением, считает возможной социалистическую реорганизацию общества только при помощи государственной власти. „Все вместе образует сложную иерархию взаимно подчиненных хозяйственных организаций различного порядка, с центральной государственной организацией во главе" [1]). Централистическим духом была всего более пропитана „секта" сен-симонистов. Их учение Туган-Барановский считает „слишком аристократичным" и поэтому мало привлекательным для пролетарских масс. „Современная демократия не склонна к преклонению перед авторитетом, а крайняя централизация общественного устройства, проектированная сен-симонистами, потребовала-бы такой железной дисциплины, которой ни в каком случае не согласился-бы подчиниться свободолюбивый рабочий нашего времени" [2]) Второе течение: корпоративный социализм „имеет в виду передачу общественного производства в руки отдельных организованных профессиональных союзов, корпораций рабочих" [3]). Производство при таких условиях остается неорганизованным и непланомерным. В каждой отрасли производства занятые в ней рабочие „почти бесконтрольно распоряжаются принадлежащими им средствами производства". В отдельных отраслях производства сохраняется „возможность пользоваться выгодами своего эконо-

[1]) М. Туган-Барановский. Современный социализм в своем историческом развитии С. П. Б., 1906, стр. 136.
[2]) Там-же, стр. 138.
[3]) Там-же, стр. 169.

мического положения в ущерб интересам осталь ой части общества и, таким образом эксплоатировать ее" [1]). Представителями корпоративного социализма Туган-Барановский называет Луи-Блана, Лассаля, современных французских синдикалистов. Чистый тип корпоративного социализма на практике невозможен: „некоторые отрасли хозяйства по самому своему существу не допускают подобной организации и должны быть в заведывании всего общества". Таковы железные дороги, „ибо в правильном функционировании железных дорог заинтересовано все общество", таковы организации по продаже продуктов, изготовленных рабочими группами [2]). Наконец, федералистический социализм предполагает распадение государства на ряд самостоятельных социалистических общин. Такая община является миниатюрным народохозяйственным мирком, существующим на более или менее широко проведенных „автаркических" началах. Главными представителями федеративного сициализма можно считать Оуэна и Фурье.

7.

Участие государства в управлении народным хозяйством.

Вопрос об участии государства в управлении народным хозяйством имеет столь кардинальное значение для намечения рациональных организационных форм, что мы позволим себе остановиться на нем подробнее.

Государство может вступать с рынком в самые разнообразные отношения. Оно обладает, прежде всего, неотъемлемой властью регулирования народохозяйственной деятельности. Как известно, в последнее время целая научная школа, усиленно подчеркивая элемент социального регулирования, строила на нем утверждение, что право является логическим prius'ом в отношении хозяйства и что экономическим явлениям поэтому изначала присущ общественный характер. Родоначальником этой школы был Штаммлер. В работах Петражицкого, Амонна, Штольцмана, Кнаппа, Цвидинека и др. мысль о конститутивном для хозяйства значении социально-правового регулирования получила новое, живительное питание. По словам Штаммлера, „экономическим феноменом называется одинаковое массовое проявление правоотношений" [3]). Экономика низводится, таким образом, до степени простого рефлекса конкретного правового строя. Точно так же для Петражицкого, политическая экономия — не более, чем „теория мотивационного действия частного права (в связи с некоторыми элементами иного права)". Экономические законы" будто-бы ограничиваются „изучением поведения, вызываемого теперешним гражданским правом" [4]). Наконец и Штольцман, напирая на этические предпосылки экономического строя, называет народное хозяйство „сознательным человеческим продуктом социально-этического регулирования, непрерывно совершенствуемым позитивным духовным творением, создаваемым законодателем, по большей части в качестве выразительного вывода из какого-нибудь преднося-

[1]) Там-же, стр. 172.
[2]) Туган-Барановский. Социальные основы кооперации, стр. 10.
[3]) Штаммлер. Хозяйство и право с точки зрения материалистического понимания истории, Т. I, ст. 275.
[4]) Петражицкий. Теория права и государства. С. П. Б., 1910, стр. 704—710.

щегося ему этического идеала" [1]). По поводу подобных суждений Диль замечает: когда читаешь их, приходит в голову, что политической экономии надлежит давать комментарий к определенным законодательным кодексам [2]). Но в голову может придти и иное: будто при любом правовом строе хозяйствующие субъекты заняты исключительно исполнением предписаний, установленных для них социальным регулированием. Это свойственное Штаммлеру и его школе представление своим возникновением обязано смешению понятий регулирования и управления. У Штаммлера мы находим следующие строки, выдающие его с головой: „руководство производительной деятельностью, естественно, может осуществляться не иначе, как путем организации совместно производящих людей... Но мы уже раньше заметили, что организовывать и объединять на основе высших правил—это одно и то же; нельзя мыслить регулирование общественного сотрудничества так, чтобы оно не было руководством и правительством для индивидуума" [3]). Таким образом, регулирование приравнивается к организации, а организация признается единственным способом руководства производительной деятельностью. „Регулирование" выражается в нормировании поведения хозяйствующих субъектов с целью побудить их к определенной деятельности в духе этих норм. И частное хозяйство, как социальное явление, становится вообще возможным только как исполнение индивидуумом своей роли в предопределенном регулированием процессе общественной жизни.

Однако, сам Штаммлер, нашел нужным установить различие между „прямым приказанием совершенно определенным образом участвовать в социальной жизни" и косвенным воздействием, при котором „индивиду предоставляется более или менее широкая свобода выбора деятельности в процессе социальной жизни". Принцип прямого приказания с наибольшей силой будет проведен в обществе, построенном на началах „радикального коммунизма". Однако, „из истории нам известны только такие организации, которые принципиально дают косвенные предписания индивидууму относительно социального сотрудничества". Тем не менее, „никогда не должно добывать, что определенное регулирование всей совокупности данного социального хозяйства всегда имеется налицо, как-бы ни было ничтожно прямое воздействие на индивидуума, как-бы ни была велика полная свобода сношений на почве существующих установлений" [4]).

Из приведенных выдержек ясно, что Штаммлер ведет опасную игру понятием регулирования. Если регулирование есть чисто формальное понятие, тождественное по смыслу с категорией социальных правил и норм любого рода, хотя-бы эти нормы ничего не предписывали, кроме „свободы конкуренции" и представлялись даже практическим осуществлением „индивидуалистического анархизма" в духе Штирнера, то как можно идентифицировать его с понятием „руководства и правительства хозяйственной деятельностью"? Достаточно противопоставить, с одной

[1]) Stolzmann. Der Zweck in Volkswirtschaft. Die Volkswirtschaft als Sozialethisches Zweckgebilde, 1909, стр. 111.
[2]) K. Diehl, Wirtschaft und Recht. Conrad's Jahrbuch, III F. 1897, стр. 823.
[3]) Штаммлер, назв. соч., стр. 253.
[4]) Штаммлер, назв. соч., стр. 247—249.

стороны, строй „свободной конкуренции", основанный, по словам Штаммлера, „на совершенно определенных правовых институтах,—прежде всего, на частной собственности и свободе договора", а с другой „общество, построенное на началах радикального коммунизма", чтобы явственно ощутить резкую разницу в степени этого руководства. Кто в первом из них заставит индивида осуществлять определенные функции в экономическом строе и „исполнить свою роль в процессе социальной жизни"? В индивидуалистическом обществе нет единого хозяйственного центра, который распоряжался бы индивидами и всецело подчинял их поведение своей воле. В коммунистическом-же хозяйстве должен быть такой орган, так как роль предпринимателя и организатора производства должно взять на себя коммунистическое правительство.

Ту-же ошибку, но, пожалуй, в еще более характерной форме, мы находим у Кнаппа. Деньги — „продукт правопорядка", потому что государственная власть регулирует платежный оборот. В глазах Кнаппа, этого регулирования достаточно, чтобы управлять денежным рынком. По отношению к междувалютарным курсам Кнапп признает, что они образуются в результате „неурегулированной игры предложения и спроса на бирже" [1]); „экзодромное управление", т. е. система мер, принимаемых с целью воздействия на междувалютарные курсы, должна опираться на обычные биржевые приемы. Удачное выполнение этой операции— „вопрос экономической мощи" [2]). Но если установление цены валюты на иностранных биржах можно признать „меркантильным явлением", то внутри страны оно „покоится на авторитете" [3]). Некоторой аналогией экзодромного управления во внутреннем денежном обращении является для Кнаппа гилодромия, т. е. фиксирование государством цены на определенный валютный металл. „Это достигается, когда государство выступает в качестве могущественного торговца (als übermächtiger Händler) этим металлом; оно принимает его по фиксированной цене (гилолептизм) и отдает по фиксированной цене (гилофантизм)— и то и другое в неограниченном количестве. Пока государство осуществляет это, до тех пор махинации других торговцев с этим металлом остаются бессильными — цена стоит на прочном уровне. Государство должно, однако, располагать превосходными силами по сравнению со всеми остальными торговцами. Только благодаря этой мощной позиции ему удастся закрепление цены на металл внутри страны" [4]). Таким образом, общим признаком экзодромии и гилодромии является то, что, государство в обоих случаях намеренно и с превосходными силами вмешивается в определение цен [5]).

Едва-ли можно выразить подчеркиваемую нами разницу лучше, чем это сделал Кнапп. В одном случае регулирование опирается на авторитет государства, в другом оно подкрепляется биржевой деятельностью, стремящейся „намеренно с превосходными силами" произвести воздействие на рынок. В сущности, это две совершенно несходные „стихии" в деятельности государства. Оттенить эту разницу можно

[1]) Knapp, Staatliche Theorie des Geldes, 2 изд. 1918, стр. 242.
[2]) Там-же, стр. 245.
[3]) Там же, стр. 205.
[4]) Там-же, стр. 243. (Курсив наш).
[5]) Там-же, стр. 214.

лучше всего при сравнении налоговой и предпринимательской деятельности в государственном хозяйстве. Выступая в качестве органа взимания налогов, государство пассивно связывает свое благополучие с судьбой народного хозяйства. Процветание и упадок последнего неизбежно отражается на финансах страны. Государство лишь следит внимательно за ростом народного хозяйства и утилизирует, при помощи изменений налоговой системы, это развитие в свою пользу. Эта задача не требует быстрых решений, напряженного действия, неослабного внимания к колебаниям экономической кон'юктуры. Дань с населения взимается периодически, по определенной, законом установленной, схеме. В основе ее лежит приказ государственной власти, а не автономное согласие контрагента.

8.

Предпринимательская деятельность казны.

С этой стороны государственного хозяйства принципиально расходится деятельность правительства в качестве предпринимателя. Из беспристрастных наблюдателей экономической борьбы органы государства становятся ее участниками. Они ввергаются в народохозяйственный водоворот, производят, покупают, продают, назначая цены, с которыми приходится считаться, к которым должны приспособляться другие предприниматели. Государство становится *активным элементом* в хозяйстве. Его единое, централизованное, обладающее огромной финансовой мощью, экономическое управление противостоит на рынке неорганизованной массе находящихся в борьбе друг с другом хозяйственных суб'ектов. Немудрено при таких условиях, что государству удается приобрести возможность решительного и властного воздействия на рынок и цены. И если в прежнее время государство недостаточно пользовалось своим положением на рынке, то об'ясняется это отчасти тем, что огосударствлению была подвергнута сравнительно ничтожная часть народного хозяйства, а отчасти неумением или нежеланием „государственных предпринимателей" вести в широком масштабе планомерную, целесознательную политику. Наиболее полным выражением активного предпринимательства государственной власти и правительственного воздействия на рынок является государственная монополия. По внутренней своей конструкции она вполне соответствует частно-капиталистическому тресту. Обезличение отдельных предприятий и подчинение их единому верховному органу—такова организация монополии. Сверху до низу господствует принцип назначения. Прибыль целиком достается государству; вся иерархия управления состоит из наемных служащих. Обычно монополия прикрывает собой косвенный налог. Однако, между налогом и предпринимательской прибылью казны, как источниками дохода, существует огромная разница. Косвенный налог представляет *фиксированную* прибавку к цене, не изменяющуюся при колебаниях цен. Увеличение дохода государства из этого источника возможно только благодаря росту потребления обложенных налогом товаров, т.-е. при расширении сбыта. Поэтому для государства увеличение потребления этих товаров *всегда* выгодно.

Предпринимательская же прибыль зависит, по общему правилу, от разницы между ценой и издержками производства, а общая масса ее представляет произведение этой разницы на сбываемое число единиц товара. Рост сбыта может быть достигнут лишь путем сбавления цены и изменения разницы между ценой и издержками. Как хорошо известно из часто цитируемой таблицы, иллюстрирующей установление монопольных цен, он выгоден лишь до известной границы.

Наоборот, повышение цен и сокращение потребления для фиска, как получателя косвенного налога, всегда невыгодно, частный же предприниматель, устанавливающий цены, может быть вынужден к их повышению ростом издержек производства. Таким образом, одна и та же мера приводит к совершенно различным последствиям для казны и владельцев частных предприятий и, так как последние, естественно, заботятся скорее о своей прибыли, чем о выгоде для государства, то интересы фиска неизбежно должны страдать.

Положение радикально изменяется, когда частные предприятия, продукты которых обложены акцизом, переходят в руки казны. При установлении плана государственного хозяйства фискальный интерес, повелительно требующий для увеличения поступлений роста сбыта, начинает умерять действие предпринимательского интереса, когда он диктует повышение цен. И чем значительнее элемент налога в монопольной цене, тем сильнее сказывается эта умеряющая тенденция фискального интереса.

Изложенное соотношение приобретает особое значение, если принять во внимание природу товаров, производство которых или торговля которыми обычно монополизируются государством. Эти товары — по большей части продукты широкого массового потребления, имеющие притом множество „конкуррентов" среди рыночных благ. Нефть конкуррирует с каменным углем, газом электричеством, водка — с вином, пивом, чай — с кофе, какао, той же водкой. Возможна и более отдаленная конкурренция: спиртные напитки конкуррируют с культурными развлечениями и т. д. При таких условиях рынок крайне чувствителен к изменениям цен (т. н. „эластичность спроса"), так как относительное понижение цены на какой нибудь продукт притягивает к нему потребителей конкуррирующих товаров. Поэтому, если при массовом повышении цен государство сумело бы удержать цену монопольно продаваемых им товаров на прежнем уровне, оно могло бы с лихвой возвратить потерянное на единице продукта, благодаря росту потребления.

При этом весьма важно подчеркнуть одно обстоятельство. Государство почти не ощущает тисков постепенно стягивающегося кольца издержек производства, рано или поздно заставляющего отдельного предпринимателя принять участие в общем подъеме цен. Принудительное исключение всякой конкурренции и присоединение к цене продаваемого товара косвенного налога „страхует" прибыль, увеличивая расстояние между ценой и издержками производства настолько, что полное поглощение прибыли становится почти невозможным. Поэтому государство может использовать подъем конъюнктуры по своему: сохраняя прежние цены, искать прибыли не в высоких ставках на монопольные товары, а в широком массовом сбыте. Несомненно, что уже в довоенное время государству удавалось стабилизировать

некоторые из устанавливаемых им цен и с успехом сопротивляться воздействию конъюнктуры. Систематическое проведение принципа стабилизации цен на некоторые, наиболее ходкие товары, продукты народного потребления и важнейшие оказываемые государством услуги (напр., на железнодорожную перевозку), при широком развитии государственного хозяйства знаменовало бы собой новое направление финансовой политики и могло бы иметь большое социально-экономическое значение.

Изложенная нами только что программа политики государственных монополий относится скорее к разряду „утопических мечтаний", чем изображений реальной действительности. Если иногда органам, проводящим монополию в жизнь, и удается добиться стабилизации цен, то делается это обычно в счастливом неведении, что при этом выполняются какие то планы финансовой политики. На практике государственные монополии представляют плохое подобие трестов, так как частная промышленность поглощает обычно лучшие, наиболее жизнеспособные предпринимательские силы, а для государственных предприятий остаются элементы, малопригодные для творческой организаторской работы. Устойчивость позиции, занимаемой в народном хозяйстве частными и казенными предприятиями, в конце концов, всецело определяется этим распределением между ними наиболее приспособленных в био-психологическом отношении к предпринимательской деятельности элементов. Поэтому splendid isolation государственного предпринимательства в области народного хозяйства не может быть полезным. Государству приходится искать способов сочетания частного и государственного начал в хозяйственных организациях.

9.

Принудительные синдикаты.

Наиболее распространенная форма таких об'единений была подсказана особенной обстановкой, в которой протекала экономическая жизнь в военные годы. Эта форма—принудительные синдикаты. Она выработалась, главным образом, в Германии, под влиянием растущего недостатка сырья, сосредоточения производства на предметах строго необходимых для военного и гражданского потребления и т. д. Развитие принудительных синдикатов прошло несколько этапов [1]). Первым шагом был указ Союзного Совета от 12 июля 1915 г., уполномочивший правительство добиваться возобновления соглашения между каменноугольными предприятиями принудительным путем, так как переговоры о возобновлении на добровольном начале не приводили к желанному успеху. Дамоклова меча государственного вмешательства оказалось достаточно, чтобы устранить колебания и ускорить соглашение, к которому примкнуло и правительство, как владелец своих северо-немецких копей. При огромном значении каменноугольной и железо-делательной

[1]) История принудательного синдицирования в Германии изложена нами, главным образом, по работе, H. v. Beckerath'a. Zwangscartellierung oder freie Organisation der Industrie? Stutgart, 1918.

отраслей промышленности для военного снабжения государство, разумеется, не могло допустить в этой области организационных шатаний. Точно также в цементной промышленности, отличающейся раздробленностью производства, удалось в начале 1917 г. добиться организации принудительного синдиката, соединенного с запрещением организации новых предприятий — outsider'ов в этой области на 5 лет. В железоделательной промышленности военная организация была проведена путем соглашения. Она приняла форму картеллирования под покровительством военных и гражданских властей, которые, действуя в контакте с промышленными организациями, регулировали через них направление производства, сбыт, цены и т. д. Принудительный элемент в большей или меньшей мере был внесен в организацию алюминиевой промышленности, добычи графита, калийной, винокуренной промышленности и др.

Далее, форму принудительных синдикатов стали принимать возникшие в большом числе специальные организации по распределению видов сырья, имеющихся в ограниченном количестве, и по регулированию снабжения армии разными, необходимыми видами довольствия. В этих организациях возобладал военный распорядок. Высшим органом было военное министерство. Ему были непосредственно подчинены соответствующие организации, участниками коих были офицеры и специалисты. Необходимость экономии на сырье и топливе заставляла сосредоточивать производство в наиболее мощных, обладающих наиболее совершенным в техническом отношении оборудованием предприятиях. Прочие предприятия либо принудительно закрывались, либо сами вынуждены были прекратить работу, так как их лишали военнообязанных или подлежащих трудовой повинности рабочих, не включали в разверстку угля между предприятиями и т. д. Предприятия, сохранявшие возможность работать, должны были делить прибыль с приостановленными. Описанная организация существовала в хлопчато-бумажной и шерстяной промышленности, в производствах, занятых приготовлением жиров, резиновой и каучуковой промышленности и др.

В завершительной стадии развития принудительного синдицирования правительство не остановилось и перед дальнейшим стеснением частно-хозяйственной инициативы. Бекерат говорит прямо об „административной диктатуре военных и государственных властей в деле организации промышленности", а Frankfurter Zeitung окрестила это новое направление именем „чрезвычайно-указной экономической политики" [1]). Принудительная организация промышленности, по правительственной указке, принимает формы рассчитанные на долговременное существование. Новые синдикаты навязываются промышленности извне указами Союзного Совета, предопределяющими и все детали их деятельности. Типичным для нового вида организации является напр. принудительный синдикат обувной промышленности, вызванный к жизни указом от 17 марта 1917 г. Он охватывает все фабричное производство обувного товара. В главных районах производства промышленники об'единяются в особые организации: Herstellungs-und Vertriebsgesellschaften, работа которых регламентирована в мельчайших деталях. Эти об'единения подчиняются в своей деятельности центральному „наблю-

[1]) Beckerath, назв. соч., стр. 38.

дательному комитету обувной промышленности", приобретающему, таким образом, решающее влияние на весь ход обувной промышленности. Имперский канцлер назначает председателя, его заместителя и прочих членов комитета и сохраняет право их отозвания. Ему предоставлено издать наказ для работы наблюдательного комитета. Комитет состоит из 25 лиц, назначаемых из среды промышленников. Комитет преподает местным органам указания относительно вида, места и размеров производства, относительно сбыта и продажных цен. Он распределяет сырье и посредничает при распределении военных заказов. К комитету привешен „орнаментальный орган", в котором заседают представители потребления. Управление отдельных обществ и их об'единений находится в полной зависимости от наблюдательного комитета, который вообще оказывается во всех отношениях решающей инстанцией. Таким образом, на место „самоопределения промышленности" ставится „диктатура отдельных администраторов и зависящего от них небольшого кружка промышленников" [1]). Судьбу обувной промышленности пришлось разделить и мыловаренной промышленности.

10.

Смешанные акционерные компании.

Иную попытку сочетания государственных и частных начал в промышленных организациях представляют так называемые смешанные акционерные компании, представляющие продукт творчества новейшего времени. Разумеется, государству ничто не мешает выступать на бирже в качестве покупателя акций различных предприятий и приобретать, таким образом, некоторую долю участия в управлении ими. Если переходящие во владение казны пакеты акций достаточно внушительны, правительство может обеспечить себе возможность проведения своих представителей в правящие органы акционерного общества. Нам приходилось уже отмечать, что при искусном размещении капитала приобретение сравнительно небольшой части акций отдает в руки приобретателя власть распоряжения предприятием. Если частные trust companies могут пользоваться этой своеобразной особенностью акционерной промышленности для приобретения влияния в целом ряде предприятий, охватываемых ими, как паутиной, то государству при его финансовых возможностях ничего не стоит захватить в свою орбиту еще гораздо более широкий круг акционерных обществ. Обычно приводимое возражение против участия государства в акционерной промышленности, что государство-де плохой предприниматель и чиновники, фигурирующие в правящих органах акционерных компаний, наряду с частными коммерсантами, никогда не с'умеют проводить самостоятельную, активную политику, не представляется, на наш взгляд, неотразимым. Среди акционеров правительство всегда может найти способных предпринимателей, которые согласятся—за предоставление им государством возможности быть избранными в руководящие органы—проводить желательную государственной власти политику. Имея, таким образом,

[1]) Там-же, стр. 43.

преданных ему членов и директоров правления в разных акционерных обществах и координируя их деятельность сообразно с некоторыми намеченными им общими принципами экономической политики, государство может приобрести прочную власть в народном хозяйстве, основанную не на приказах и запретах, а на активном участии в работе промышленного аппарата.

Мы исходили из предположения, что государство становится акционером, приобретая желательные ему фонды на бирже на равных основаниях с частными лицами. Но превращение государства в акционера может идти и другими путями. Так, при учреждении каких-либо привиллегированных акционерных предприятий государство может по закону сохранить за собой право приобретения известной части акционерного капитала. Примером акционерной компании такого рода может служить швейцарский национальный банк, учрежденный законом 6 октября 1905 г. (изменен в июне 1911). Законом было установлено такое распределение акционерного капитала: 1) подписка на $^2/_5$ его было предоставлено правительствам отдельных кантонов пропорционально цифре населения; при отказе кантона, его право на подписку переходит к кантональному банку; 2) между существовавшими многочисленными эмиссионными банками распределяется $^1/_5$ пропорционально цифре их банкнотного обращения и 3) остальные $^2/_5$ предоставляются по подписке частным лицам [1]). Аналогичный характер носят смешанные общества, создаваемые в настоящее время с увлечением советской властью, решившей вступить на путь „массовой организации смешанных предприятий во всех отраслях промышленности“ [2]). Капитал либо сразу распределяется по соглашению между советским правительством и группой капиталистов (преимущественно иностранных), либо правительство фиксированную часть акций (обычно несколько больше половины) оставляет за собой, а остальные акции распределяет по подписке. Заимствуем у А. В. Венедиктова один пример из собранной им богатой коллекции: „Наркомвнешторг организовал совместно с германским обществом „Гамбург-Америка-Линия“... летом 1921 г. в Германии для обслуживания русских морских перевозок товарищество (т. наз. „Дерутра“) с основным капиталом в 100.000 марок, 50% коего было подписано правительством, 50% „Г. А. Линией“. Из 4 членов правления 2 избираются правительством, 1—„Г. А.-Линией“ и 1—по взаимному соглашению сторон. Из 3 директоров—распорядителей 2 назначаются правительством и 1—„Г.-А.-Линией“; причем все разногласия между русскими и германскими членами правления должны разрешаться уполномоченными Н. К. В. Т. в Германии“ [3]). Несколько иной характер носили попытки создания смешанных компаний в 1915—17 г.г., когда внедрение государства в промышленные предприятия происходило путем ликвидации неприятельского владения акциями русских обществ. Удачнее всего прошло преобразование „Всеобщей компании электричества“ во „Всеобщую электрическую компанию“. Однако, и в этом обществе „большинство мест в совете было отдано все же представителям

[1]) Ivar Hultman. Die Centralnotenbanken Europas. Berlin, 1912, стр. 142.

[2]) А. В. Венедиктов. Смешанные акционерные компании. В журнале „Экономическое Возрождение“, 1922, № 1, стр. 37. Статья дает интересный фактический материал.

[3]) Там-же, стр. 34.

частного капитала, равно как и директорами компании были назначены исключительно лица, занимавшие и ранее аналогичные должности в предприятии. Фактически приобретение государством $^2/_3$ акций не оказало почти никакого влияния на направление деятельности компаний и предоставило ей лишь необходимые денежные средства. Руководство предприятием осталось за прежними руководителями" [1]).

Как бы, однако, ни относиться к смешанным акционерным компаниям, нужно признать, что они представляют весьма эластичное сочетание государственного и частного начал, и неумелое использование своего финансового влияния в промышленных предприятиях тем или иным правительством отнюдь не может служить аргументом против самой идеи смешанных обществ.

11.

Социализация промышленности.

В современной Германии попытки создания новых форм управления промышленностью при участии государства вступают в новую стадию. Новейшее законодательство центральных держав, направленное к социализации промышленности, которое привлекает к себе возбужденное общественное внимание и вызвало появление огромной литературы, является, в сущности говоря, прямым продолжением практиковавшегося во время войны принудительного хозяйства. По словам Фогеля, „весь план социализации представляет собой, прежде всего, законодательный продукт партийной политики" [6]) Социализация стремится избежать двух крайностей, о которых говорено выше: „синдикализма", и „этатизма". Этот средний путь вдохновители социализации видят в создании особых об'единений, в которых сочетались бы в гармоническом равновесии все основные силы, участвующие в народном хозяйстве: государство, рабочие, предприниматели, потребители. В первую очередь подвергаются социализации отрасли народного хозяйства, занятые эксплоатацией естественных богатств страны: каменного и белого угля, лесов, электрической энергии, калийных запасов и т. д. Социализации подвергаются целые отрасли промышленности, хотя в немецкой Австрии издан специальный закон об отчуждении отдельных предприятий у их владельцев и, рассуждая формально, ни одно предприятие в стране не избавлено от угрозы неожиданного для его собственника перехода в руки какой-нибудь общественной корпорации. Высшие органы управления социализированными отраслями промышленности обычно представляют довольно искусственное сочетание разных „представительств". Для примера приведем сведения об организации, об'единяющей торговлю каменным углем в немецкой Австрии (Kohlenhandelsgemeinschaft GWA). Компетенция этого общества чрезвычайно обширна. Весь добываемый в стране уголь поступает в его распоряжение. Цена на уголь фиксируется по соглашению между обществом и отдельными предприятиями.

[1]) Там-же, стр. 31.

[6]) E. H. Vogel. Die Sozialisierungsgesetzgebung Deutsch—Österreichs und ihre volkswirtschaftliche Bedeutung. Arch. für Sozialwis. u. Sozialpolitik. 48 Band—1920, стр. 116.

В случае, если такое соглашение не достигнуто, цена назначается министерством торговли и промышленности. Обществу предоставлена монополия внешнего ввоза и вывоза каменного угля. На него же возложено справедливое распределение угля между потребителями. Общество же ведает в конечной инстанции регулированием цен на уголь. Так как ни одно предприятие в стране не может регулярно работать без снабжения топливом, то след. весь ход производительной работы в государстве попадает в зависимость от установленного обществом плана распределения угля. Комитет по управлению обществом организован на следующих началах. Он состоит из 22 человек. Из них—7 представителей правительства (5 чиновников и 2 специалиста, практически знакомых с данной хозяйственной отраслью), 4 представителя отдельных государственных областей, входящих в состав немецкой Австрии, по одному представителю от городского управления Вены, главного управления делами общества и сельско-хозяйственных союзов, по 2—от фабрично-заводских комитетов, общества по добыче каменного угля и от потребителей угля. Такому разношерстному, многоглавому „парламенту" приходится быть вершителем судеб каменоугольной промышленности!

Разумеется, проведение социализации на практике представляет большую сложность,—между прочим, и в финансовом отношении, так как большой капитал должен быть выплачен бывшим владельцам предприятий. В Австрии проектируется создание специального „банка социализации". Пока-же необходимый капитал авансируется правительством, выпускающим с этой целью особые облигации (Teilschuldverschreibungen). Мы уже видели выше, что социализацию народного хозяйства предполагается „увенчать" социализациею банков.

В бауеровском проекте предусмотрена и организация этого единого банка в Zukunftsstaat'e. Он различает дирекцию и правление. (Direktorium und Verwaltungsrat). Дирекция, состоящая из специалистов, избирается по представлениям особой комиссии, в которую входят руководители управления государственными финансами, главные директора промышленных об'единений и крупных торговых организаций, представители педагогического персонала высших коммерческих институтов и представители профессиональных организаций банковых служащих. Правление может составиться, примерно, по следующему принципу: $^1/_3$ избранников национального собрания и $^2/_3$ выборных от промышленных союзов, сельскохозяйственных товариществ, потребительских об'единений, профессиональных союзов и организаций служащих. В упрощенной схеме, предполагается предоставить влияние в управлении банком: государству, представителям кредитодателей и кредитополучателей и наемному труду (т. е. банковским служащим) [1]).

Изложенные мероприятия по социализации промышленности, проведенные в центральных державах, являются попытками „частичной социализации" народного хозяйства. В германской литературе по социализации промышленности, в которой уделяется большое внимание проблеме Voll-oder Teilsozialisierung, побеждает почти на всех позициях точка зрения частичной социализации. Против течения идет лишь выработанный Нойратом т. наз. „саксонский" проект социализации, пред-

[1]) Heimendahl, цит. ст., стр. 218—219.

лагающий произвести единовременный переход всего народного хозяйства на рельсы планомерного регулирования производства и распределения из единого центра. Проект Нойрата основан на столь знакомых нам идеях „единого хозяйственного плана" и всеоб'емлющей универсальной статистической регистрации, охватывающей решительно все проявления экономической жизни. Задача Нойрата—„преобразование всей структуры общества" [1]). Он предсказывает, что будущие поколения будут потешаться над господствовавшей до сих пор системой расчленения народохозяйственного управления [2]). Хотя Нойрат находит, что осуществление социализации может взять на себя деспотическое правительство с таким-же успехом, как и советская республика, тем не менее, его план заключается в создании иерархии бесчисленного количества стоящих друг над другом экономических советов, наблюдающих над каждой частицей хозяйства, чтобы убедиться в действительности проведения социализации. Во главе всего социализированного хозяйства стоит Zentralwirtschaftsamt. Насмотря на иерархичность системы, Нойрат надеется сочетать начало централизации с принципом самоуправления. „Проведение всех мероприятий следовало-бы всюду, где возможно, передавать не бюрократическим—самоуправляющимся союзам, которые должны были-бы участвовать в обсуждении или даже установлении общего плана" [3]). Большая роль в проекте Нойрата отводится социализационным или компенсационным банкам: „банки автоматически превращаются из денежных центров в органы натуральных перемещений (Naturalzentralen), которые должны доставлять зависящим от них отраслям производства сырье, вспомогательные материалы и т. д. и взять в свои руки также и натуральное снабжение рабочих" [4]). Таким образом проект Нойрата должен привести к единовременной реорганизации народного хозяйства, полной ликвидации остатков капиталистических отношений, упразднению денежной системы, проведению „планового" распределения и т. д.

Осторожные немецкие экономисты единодушно отвергают „саксонский" проект, считая невозможным в настоящих условиях создать необходимый для проведения его в жизнь статистический и организационный аппарат. Признавая, напр., устами Шумпетера, что „полная социализация не является административно-технической невозможностью", [5]) они предпочитают, тем не менее, идти к ней постепенно, через реализацию ряда приближающих к ней мероприятий. „Развитие фабрично-заводских комитетов, социализация банкового дела, организация промышленности в соответствующие принудительные об'единения, огосударствление отдельных отраслей промышленности, социализация отдельных „созревших" предприятий—все это в совокупности может заменить полную социализацию" [6]).

---

[1]) Otto Neurath. Ein System der Sozialisierung. Arch. für Sozialwis. u. Sozialpolitik, B. 48/1 стр. 46.

[2]) там-же стр. 64.

[3]) там-же стр. 65.

[4]) там-же стр. 65—66.

[5]) Schumpeter Die sozialistische Möglichkeiten von heute. Arch. f. Sozialwis. 48/II (1921), стр. 334.

[6]) там-же, стр. 343.

Камнем преткновения в проектах социализации является сельское хозяйство, так как здесь кругая централизация производства, естественно, осуждает на слом сотни тысяч самостоятельных мелких хозяйств. Однако, в этом обстоятельстве сторонники социализации не усматривают абсолютного препятствия. Вот, что пишет в июне 1921 г. К. Каутский: „... крестьяне—фанатики мелкого производства, своего собственного ведения хозяйства, между тем, как рабочий, будучи экономически самостоятельным, должен способствовать процветанию крупного производства в области сельского хозяйства, не только как социалист—в виду того, что лишь крупное производство создает возможность полной социализации сельского хозяйства, — но и вообще как более прогрессивный элемент: только при крупном производстве возможно настолько полное и всестороннее применение машины, что рабочее время сельского хозяина может быть сокращено без ущерба для продуктивности его труда и деревенское население может наиболее полно приобщиться к благам современной культуры“ [1]). Признавая трудности социализации сельского хозяйства, Каутский, тем не менее, находит, что многое может быть сделано „путем поощрения проникновения в крестьянское производство профессиональных союзов и местного самоуправления, а также путем покровительства переходу наиболее крупных поместий в собственность государства или городских общин и привлечения сельских рабочих к участию в организации производства“ [2]).

В Англии социализационное течение не захватило так глубоко промышленной организации, как это мы могли констатировать на примере Германии. По почину комиссии Уайтли, о которой мы уже говорили, в целом ряде отраслей промышленности организованы „парламенты“ на паритетных началах, долженствующие представлять перед правительством интересы отдельных отраслей английской промышленности. Организации эти не носят принудительного характера. В циркулярном письме министра труда главнейшим предпринимательским организациям и трэд-юнионам от 20 октября 1917 г. организация этих парламентов ставится в зависимость от „общего согласия среди различных организаций данной отрасли промышленности и явственно выраженного стремления к созданию совета“. Эти „парламенты“ являются автономными организациями и их учреждение „делает возможной большую степень самоуправления в промышленности, нежели существовавшая до сих пор“ [3]). Однако, министр подчеркивает, что, по указанию опыта военного времени, правительству часто приходится совещаться с представителями промышленников и рабочих по поводу важнейших жизненных вопросов их производства, и поэтому весьма желательно, чтобы отдельные отрасли промышленности могли выражать свое мнение организованным путем, через постоянное представительство. В настоящее время в Англии функционирует несколько десятков таких парламентов. Главные предметы их занятий—выравнивание реальной зара-

[1]) К. Каутский. Социализация сельского хозяйства. Русское универсальное издательство. Берлин. 1921, стр. 11.
[2]) там-же, стр. 7.
[3]) Meyer Bloomfield. Назв. соч., стр. 298.

ботной платы во всей стране, предотвращение безработицы посредством лучшей организации промышленности, организация труда инвалидов—солдат и матросов на таких условиях чтобы получаемые ими пенсии не оказывали давления на общий уровень заработной платы, способствование распространению технических знаний и навыков, вопросы ученичества и выработка схем для улучшения работы промышленности [1]).

В последнее время в Англии становятся популярными более радикальные проекты перестройки народохозяйственной организации. Мы имеем в виду течение, окрещенное именем гильдейского социализма. Это новое направление возглавляемое рядом талантливых писателей, главным образом, из интеллигентской среды: Колем, Меллором, Орреджем, Гобсоном, стремится по словам его программы к „уничтожению режима заработной платы и установлению самоуправления в промышленности посредством системы национальных союзов (гильдий), действующих в контакте с государством". Основное стремление гильдейского социализма—устранение тираннии, царящей в предприятиях, искоренение промышленного рабства путем организации социализма производителей и контроля последних над производством. Представители нового социалистического направления правильно улавливают, что переворот в общественном укладе может быть произведен не формально-юридическими преобразованиями, а полным перерождением сложившихся в капиталистическом предприятии общественных отношений и духовной атмосферы. „Каждый рабочий на фабрике — член общей организации, он ответственен перед своими товарищами по работе, он производит для удовлетворения потребностей всего общества. Ему обеспечен его труд; он не подчинен контролю ни капиталиста, ни его уполномоченного, ни назначенного в предприятие чиновника, а только своих сотрудников по работе. Контроль над ним принадлежит только мастерам и руководителям, которых он сам избрал; он производит блага для потребления, а не для прибыли. Время и условия труда устанавливаются гильдией, к которой он принадлежит. Он управляет машиной, вместо того, чтобы она управляла им. Он в состоянии приспособлять в общем и целом производство к потребностям потребителей и производителей. Он может устранить монотонность труда. Коротко говоря, он перестает быть наемным рабом, получающим заработную плату, и становится человеком, участником в управлении предприятием".

Возможность осуществления подобной системы зависит от психологической подготовки к ней рабочей массы. Сохранение капитализма—„вопрос воли", говорит один из вожаков гильдейского социализма Коль. „Идея группы" должна быть основой новой организации промышленности и явиться ферментом социалистического переустройства общества.

Конкретное проведение гильдейского социализма в жизнь мыслится в следующих чертах. Гильдии об'единяют всех занятых в том или другом производстве: физических и интеллектуальных работников, представителей обученного и необученного труда. Гильдии разбиваются на

[1]) Там же, стр. 115.

окружные отделы, в которых представлены все управления отдельными предприятиями. В управлении предприятия участвуют все профессии, в управлении гильдии—все профессии и все окружные отделы.

Все гильдии в совокупности образуют конгресс. Однако, предусматриваются об'единения и местных органов гильдии, по общинам и округам. Таким образом, вся схема проникнута духом децентрализации, экономического федерализма. Это сказывается еще яснее в намечаемых отношениях между центральными и местными органами гильдий. Местным органам предоставляется широкая автономия. Так, регламентация условий производства возлагается всецело на отдельные предприятия, тогда как гильдия заботится лишь о сбыте, вступая для этого в сношения с организациями потребителей. Впрочем, установление типов и образцов производимых благ и общих принципов ведения производства также сохраняется за гильдией. Во всяком случае, бюрократическое управление промышленностью не может быть допущено, и личной активности должно быть предоставлено широкое поле. Руководители предприятий, члены окружных отделов и гильдий избираются всей рабочей массой. Только технические специалисты намечаются более узкой коллегией, на основе предварительного испытания их квалификации.

Организацию потребителей представители гильдейского социализма мыслят себе в лице государства, которое вообще, в отличие от марксистской доктрины, сохраняется ими в плане будущего общества для выполнения политических функций. Организованному производству противопоставляется организованный спрос. Организации производителей и потребителей возглавляются об'единяющим их комитетом: joint-committee. Этот комитет регулирует цены, устанавливает размер обложения гильдий в пользу государства за предоставление орудий производства и препятствует проявлению монополистических тенденций со стороны гильдий. В случае споров между производителями и потребителями относительно высоты цен или подлежащего выработке контингента производства, недоразумения улаживаются по соглашению государственных органов с гильдейским конгрессом, если затронуты общие интересы, или по соглашению коммун с отдельными гильдиями и их местными органами, если дело касается местных интересов. Выручка от производства или за оказанные услуги, по уплате налога, распределяется между всеми членами гильдии — поровну или на каких-либо иных началах, пока не предрешается литературными выразителями гильдейского социализма.

Остановимся еще вкратце на русских опытах последних лет. У нас начали сразу с Vollsozialisierung, причем эта социализация проводилась центральными властями, и вся промышленность перекраивалась между разными „главками" и „центрами". Для идеологии этой эпохи очень характерна брошюра П. Кактыня „Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр". По мнению Кактыня, „необходима единая диктаторская воля, руководящая всем процессом" [1]). Эта народохозяйственная диктатура должна, однако, осуществляться

[1]) П. Кактынь. „Единый хозяйственный план и единый хозяйственный центр" М., 1920, стр. 9.

по известному плану, в выработке которого участвуют и местные хозяйственные органы: „хозяйственный план должен быть построен из частей, разработанных периферийными органами на основании заранее данных центром заданий" [1]). К деятельному участию в управлении производством должны были быть привлечены профессиональные союзы. Последние были перестроены по производственному принципу и должны были взять на себя руководство фабрично заводскими комитетами, которые осуществляют „дальнейший захват орудий производства, переходя по всей линии от рабочего контроля к управлению" [2]). Однако, вместо демократического управления через профессиональные союзы получилась довольно сложная бюрократическая система, официально признаваемая „извращением" рабоче-крестьянского государства. Как преломлялась эта система в представлении иностранцев, показывает интересное описание управления трестированной бензоловой промышленностью в небольшой книжке инженера Литинского о побочных продуктах коксования в южной России. Сначала появляется на сцене особый комитет бензоловой промышленности, состоящий из инженера, химика и рабочего и подчиненный „Донецхимотделу". С лета 1920 г. начинается реорганизация и централизация управления. Организуется в Москве, без ведома харьковских властей, Главбензол. „Дитя родилось в тяжелых муках". Шла жестокая борьба между различными государственными трестами: Химосновой, Главанилем и пр. На заднем плане сцены появляются Ц. П. К. П., Юготоп, Цепти. „Вследствие естественного развития советского аппарата управления каждый директор предприятия получил de facto несколько начальств... Если принять во внимание еще всякого рода „уполномоченных и „чрезвычайных уполномоченных", милицию, военные власти и т. д., то становится ясным, что директор фабрики легко теряет в этой обстановке голову" [3]).

Новая экономическая политика, стремящаяся поставить народное хозяйство на коммерческие рельсы, почти ничего не изменила, однако, в строе управления промышленностью. Между тем, у руководящих хозяйственных органов рано или поздно должно было появиться сознание, что это „бюрократическое извращение" делает невозможным плодотворную работу. Эта мысль отчетливо выражена в отчете правления Государственного банка за первый месяц работы: „стремясь к оздоровлению организационных форм нашей промышленности, а тем самым и ее работы, правление банка вело борьбу против „главкистских" методов организации промышленности, так наз. „трестомании". Необходимо приблизить промышленные управления к самому производству, связаться с местами, а не создавать безжизненные, лишенные жизненных соков, „главкистские" бюрократические „производственные канцелярии" [4]). Таким образом, проблема здорового сочетания централизованного управления с местным „самоуправлением" промышленности так и осталась у нас неразрешенной.

---

[1]) Там-же, стр. 15.
[2]) Там-же. стр. 20.
[3]) Ing. L. Litinsky. Die Nebenproductenkokerei in Südrussland, 1921.
[4]) Месяц работы правления Государственного Банка Р. С. Ф. С. Р. (16 ноября—15 Декабря 1921) М., 1921, стр. 11–12.

Как видно из нашего изложения, жизнь создала поразительное богатство организационных форм в промышленной области, и выбор наиболее рациональных из них не представляет большого затруднения. Прежде всего, не может вызывать споров необходимость привлечения рабочих к участию в управлении предприятиями. Пусть они даже не будут заниматься в своих комитетах вопросами активной коммерческой политики: установлением типов производимых благ, контингентов производства, цен и т. д. и ограничатся обсуждением своих социально-политических нужд. Но привлечение их к работе управления расширит их кругозор, создаст новые интересы, будет воспитывать в них навыки к организационному делу. Фабрично-заводские комитеты ценны, прежде всего, как культурная школа. Как замечает Маршалл в обычном для него спокойном примирительном тоне, „следует обратить особое внимание на определение предела, до которого промышленная мощь увеличивается, благодаря расширению базиса, из которого могут быть почерпнуты люди, обладающие высшими качествами, необходимыми для занятия ответственных постов в промышленности. До последнего времени пополнение шло исключительно за счет очень тонкого высшего слоя населения..... теперь-же государство может рассматривать главную массу рабочих, как источник значительной части высшей административной работы, которая прежде выпадала, по общему правилу почти исключительно на долю зажиточных классов. Эта перемена была подчеркнута в докладе Уайтли и должна получить развитие благодаря Соединенным Промышленным Советам; хотя их усилия не могут дать особенно значительных успехов в деле распространения высших способностей, выражающихся в создании новых планов (new ventures) умении взвешивать их выгодность и сопряженные с ним риски и делать мудрый выбор. Можно констатировать быстрый рост числа тех, кто обладает силой и эластичностью ума и характера, необходимыми для несения серьезной ответственности в промышленности: однако к несчастью, вероятность того, что именно лучшие люди будут выдвинуты вперед, уменьшается из-за ряда причин“ [1]).

Не менее желательно участие в производственной организации государственной власти, которая должна внести примиряющее начало в отношения предпринимателей друг к другу и к рабочим и быть проводником национально-государственной идеи в хозяйстве. Казна может быть участницей и отдельных предприятий, в форме смешанных акционерных компаний, и промышленных об'единений, в которые могут входить и чисто-государственные, и смешанные, и частные предприятия. Элемент принудительности при организации монополистических концернов следовало бы исключить, так как предпринимательской среде должна быть предоставлена возможность самой выбрать надлежащий момент и подходящих людей для проведения трестирования. Организация американских трестов сделалась возможной, благодаря тому, что ряд талантливых комбинаторов был выдвинут самой жизнью. Приказами власти здесь ничего не поделаешь; вернее, созданная преждевременно такими приказами система управления может искалечить в организационном отношении целые отрасли промышленности.

[1]) Marshall. Industry and trade, стр. 661.

Наконец, опасностей чрезмерной централизации можно избегнуть строгим разделением функций между центром и местными органами. В этом отношении в проектах английских гильдейских социалистов есть много здравого смысла. Разумеется, должен быть общий план производственной и рыночной политики; но этот общий план не должен быть результатом теоретических выкладок. Его естественной предпосылкой должно быть точное знание местных производственных возможностей и условий быта. Эта задача может быть разрешена отнюдь не сношением центрального парламента данной отрасли промышленности с местными, а разумно поставленной коммерческой организацией. Во всяком случае, каковы бы ни были недостатки централизованного управления, распыление народного хозяйства на мелкие производственные единицы представляло бы огромный регресс. Процесс трестирования должен быть доведен до конца.

ГЛАВА V.

Рационализация техники.

I.

Руководящие идеи технического прогресса.

Задача техники обычно усматривается в овладении природой и считается, в общем и целом, решенной. Непроходимая пропасть отделяет современную технику не только от первобытных приемов, применявшихся в производстве дикарем, но даже и от техники эпохи раннего капитализма. Промышленный переворот конца XVIII — начала XIX веков представляет в этом отношении важнейшую грань. Тонкий наблюдатель, Зомбарт, констатирует: „все жизненные отношения преобразуются с такой быстротой, что от нас, людей 1900 года, эпоха 1850 года отстоит дальше, чем эпоха 1350 г. отстояла от наших отцов, живших в половине XIX в.“ [1]). Тот же факт, подмеченный историком, подчеркивает, с гордым сознанием своей мощи, и капиталистический предприниматель: „периоды развития, протекавшие прежде лишь в течение столетий и нуждавшиеся еще в начале нашего времени в десятилетиях, заканчиваются теперь в несколько лет и часто появляются на свет Божий в законченном виде“ [2]).

Принципиальное отличие современной техники от первобытной заключается в том, что основой производственных приемов нашего времени является научное познание существующих в природе причинных взаимоотношений, точное изучение „законов природы“, благодаря чему из производственных процессов изгоняется sa majesté le hasard и становится вполне возможным предвидение результатов затраты труда. Благодаря прогрессу технического знания, совершенно преобразились все представления хозяйствующего человечества, относящиеся к природе и способам овладения ею. В одной из своих статей Зомбарт дает яркую характеристику научной атмосферы эпохи раннего капитализма, представлявшей пеструю смесь живой творческой фантазии с грубыми суевериями. „Точная научная основа“ отсутствовала у техники того времени. „Мир техников и изобретателей был еще тем старым, пестрым, веселым, красочным миром, в котором жили люди, прежде чем профессионалы—ученые (Wissenschaftler) разбили его вдребезги. Соб-

[1]) В. Зомбарт. Современный капитализм, Т. I, стр. 161.

[2]) Речь Вернера Сименса на с'езде немецких естествоиспытателей и врачей в 1886 г. (цит. в статье проф. Филиппович „экономический прогресс и успехи культуры“).

ственный дух и собственная фантазия переносились еще в природу; и небо, и земля воспринимались чувством наблюдателя, как одушевленные. Из этой веры в одушевленность природы проистекали все те мистические умонастроения и фантастические действия, которыми так богато то время, о котором мы как раз говорим, а именно глубоко верующее XVII столетие. Это применимо даже к тем практикам-технологам, которые действовали в качестве придворных и городских „инженеров" и которым мы обязаны многочисленными сборниками технических сведений их эпохи. Величайший „технолог" XVI в. Агрикола населяет рудники, промышленную сторону которых он описывает с таким знанием дела, „демонами", угрожающими жизни и здоровью рудокопа. Многие называют свои трактаты Magia naturalis и в них отводят чудесному все еще широкое поле действия. Ведь магия—не что иное, как выражение этой веры в одушевленность природы, к которой прикрепляется другая „практическая" вера в то, что живые существа, населяющие природу, и из них особенно низшие демоны природы, находятся в общении с человеком, и люди могут оказывать влияние на их поведение" [1]).

При таких условиях производственные процессы являлись простым искусством, результатом случайного открытия, составлявшего тайну отдельного мастера и с ним уходившего в могилу. Технические изобретения появлялись и пропадали вновь. Созидательная энергия растрачивалась впустую, и технический прогресс был невероятно медленным. Результат производства в большинстве случаев не мог быть учтен заранее и определялся неожиданным для производителя стечением обстоятельств. Орудия, употреблявшиеся в производстве, были как бы придатками к человеческим конечностям и не препятствовали естественной ритмичности трудового процесса, представлявшей подражание ритмичности природы. Биение человеческого сердца, удар молота о наковальню и песнь рабочего во время работы—все это мерно звучало в унисон, составляя как бы единый органический процесс, как это прекрасно изображено Бюхером в его книге „Работа и ритм".

Символом новой эпохи является победа вращательного, ротационного принципа, присущего машине, над навязанным человеку природой ритмом. Человек пересилил природу и создал машину не по образу и подобию своему, не по подсказке внешних сил, а из головы,— не заимствовал, а именно создал. Этот принцип, названный „критерием современной промышленной деятельности", Рело охарактеризовал в следующих словах: „подобно тому, как древний философ, сравнивая постоянное изменение вещей с потоком, выразил свою мысль в формуле: все течет, точно также мы, наблюдая бесчисленные двигательные явления в этом удивительном создании человеческого разума, которое мы называем машиной, можем сказать: все вращается" [2]).

Победа вращательного принципа была началом решительного преобразования техники. Вся она в настоящее время проникнута насквозь рационалистическим духом. Автор глубокомысленной новой работы о хозяйстве и технике Готтль - Отлилиенфельд прослеживает шаг за

[1]) W. Sombart. Die Technik im Zeitalter des Frühkapitalismus. Arch. für Sozialwissenschaft- XXXIV B., 1912, стр. 721 и сл.

[2]) Зомбарт. Современный капитализм, Т. II. стр. 42.

шагом за многоразличными проявлениями принципа рационализации в технике, (он говорит в кантовском духе о „принципах технического разума"), устанавливает очень сложную и затейливую классификацию этих проявлений [1]) и утверждает даже, что современное капиталистическое хозяйство требует от техники „дальнейшей рационализации рационального" [2]). По мнению Готтля, задача техники заключается в овладении природой с целью ослабления напряженного несоответствия между человеческими потребностями и средствами для их удовлетворения. Задача технического прогресса заключается в преодолении последнего сопротивления природы обеспечению потребностей достаточным для их покрытия запасом. Готтль насчитывает целых шесть „руководящих идей" технического прогресса· 1) эмансипацию от органических пределов человеческой дееспособности, 2) удаление элемента случайности из процесса удовлетворения потребностей, 3) смягчение нашей зависимости от почвы, 4) ослабление связанности, возникающей из факта прикрепленности предприятия к месту, 5) ликвидацию ручного труда и 6) преодоление зависимости от капитала, в которую производство попадает из-за технического прогресса [3]).

Как живое существо, человек может проявлять свою трудовую энергию лишь в тех пределах, которые установлены для него природой. Природа не дала ему крыльев, чтобы летать, не наделила его такой остротой зрения, чтобы он мог видеть удаленные от земли на колоссальные расстояния миры, не снабдила его таким слухом, чтобы до него могли долетать звуки за сотни и тысячи верст. Аэропланы, телескопы, телефоны и т. д. восполняют этот природный недостаток.

Современное производство нужно противополагать простому захвату того, что случайно попадает в руки человека, или использованию того, что непосредственно благоприятствует его начинаниям. Движение парусного судна целиком зависит от действия таких сил, с л у ч а й н о благоприятствующих человеку; пароход, наоборот, представляет собой результат преодоления этой случайности, от которой человек находился в зависимости при первобытных условиях хозяйствования. Таков же смысл искусственного освещения, отопления, орошения и т. д.: распоряжение солнечной энергией или регулирование количества выпадающих на землю атмосферных осадков, разумеется, не во власти человека; но от его усмотрения зависит рациональная организация снабжения его хозяйства электрической энергией, теплом от сжигаемого в печах топлива, водопроводной водой. „Конечной целью, к которой стремится эта тенденция прогресса, является урегулированное, эмансипировавшееся от случайных колебаний и обеспеченное от неожиданных нарушений удовлетворение потребностей" [4]).

Наша неизбежная связь с земной поверхностью обостряет несоответствие между потребностями и средствами их удовлетворения,

---

[1]) Мы можем здесь только дать перечень этих проявлений рационализации в технике: рафинирование, потенцирование, консолидация, континуизация, унификация, концентрация, комбинирование, арранжировка. Наряду с этим, Готтль приводит еще целый ряд дальнейших подразделений этих принципов; в итоге получается очень сложная и усвояемая лишь с большим трудом схема.

[2]) G o t t l-O t t l i l i e n f e l d. Wirtschaft u. Technik. в Grundriss der Sozialökonomik, II Abt., Tübingen, 1914, стр. 346.

[3]) Т а м - ж е, стр. 348 и сл.

[4]) Т а м - ж е, стр. 350.

вследствие физической невозможности создания новых земельных пространств. Многообразная зависимость наша от земли выражается в том, что она дает нам точку опоры („носит" нас), что она снабжает нас богатствами своих недр, что на ее поверхности произрастают нужные нам злаки. Полного освобождения от этой зависимости человек достигнуть не может. Но смягчению ее служат, напр., расширение человеческого жилья ввысь, (постройка „небоскребов") лучшая утилизация сырых материалов, применение, в качестве двигательной силы, „белого угля", имеющегося в природе в почти безграничном количестве, изготовление разного рода „синтетических" материалов, избавляющее от необходимости выращивания разных растений; правда, в последнем случае снова увеличивается зависимость от недр, если только „синтетическое" производство не может использовать, в качестве сырых материалов, отбросов какого-нибудь другого производстаа.

Особенно важное значение приобретает правильный выбор местоположения для предприятия. Этому вопросу уделялось в последнее время много внимания и мы изложим его, по возможности, подробно, выйдя из рамок намеченных построением Готтля. Каждый предприниматель стремится, естественно, обосноваться там, где, по его предположениям, можно будет наладить производство с минимальными издержками. Это приводит к локализации промышленности, сосредоточению больших количеств предприятий в немногих центрах, обладающих какими-нибудь физическими преимуществами: выгодными почвенными условиями или климатом, наличностью каменоугольных залежей, железорудных месторождений или других источников сырья на близком расстоянии или в местах, соединенных с данным центром удобными водными или сухопутными сообщениями [1]). Изменения в промышленной технике, в частности, напр., переход к новым видам топлива, приводит иногда к ослаблению значения этих природных преимуществ данного района и к необходимости перемещения промышленности. Пока основной капитал предприятий не имел монументального характера и производство не приобретало слишком прочной оседлости, возможна была „дислокация" промышленности применительно к выявившейся необходимости переноса ее в новые центры. Зомбарт упоминает о некоторых производствах, которые еще в XVI ст. имели бродячий характер. Так, мастера-художники, отливавшие колокола, переносили постоянно местоположение своего предприятия, оседая временно там, где должен висеть производимый в данный момент колокол, или печатники перебирались со своим оборудованием из замка в замок, из монастыря в монастырь [2]). Эта миграция промышленности встречает, однако, с развитием машинной техники все больше и больше препятствий. Вместе с тем, в центрах сосредоточения промышленности создается особенно благоприятная обстановка для работы, что затрудняет выселение предприятий на новые места. Все население данного района приобретает ценные технические навыки в данном производстве. „Секреты производства теряют свою таинственность; ими, так сказать, напоен здесь воздух и даже дети воспринимают многое бессознательно. Хорошая работа находит себе признание, изо-

[1]) Marshall Handbuch, стр. 291.
[2]) Sombart. Der moderne Kapitalismus, II/2, 1921, стр. 802.

бретения и усовершенствования в техническом и в организационном отношении быстро получают должную оценку; каждая новая идея отдельного лица воспринимается другими и перерабатывается ими применительно к собственным воззрениям, образуя, таким образом, источник новых идей" [1]).

Эта историческая преемственность технических навыков приобретает особенное значение в тех отраслях промышленности, где качество продукта зависит от личного искусства предпринимателя. Несмотря на сравнительную высоту издержек, производство может оставаться сосредоточенным в старых центрах, изготовляющих продукты особенно ценимой „марки". В качестве примера такой промышленности, можно привести немецкое производство музыкальных инструментов. Наибольшая концентрация этого производства произошла в Лейпциге, „старом музыкальном городе" и в Берлине, хотя здесь условия рабочего рынка не очень благоприятны для этой промышленности, Но решающую роль играет в данном случае „персональный фактор" [2]).

Тем не менее, для современного предпринимателя дешевизна производства—высшая заповедь. Поэтому выбор местоположения для предприятия предполагает точный расчет преимуществ и невыгод, сопряженных с организацией предприятия в данном географическом пункте. Государственная власть может насаждать промышленность в том или ином районе по военно стратегическим или административно-политическим соображениям, не считаясь с дороговизной производства. Но если решающими оказываются экономические мотивы, то в каждом конкретном случае установление местоположения представляет как-бы арифметическую задачу, имеющую лишь одно определенное решение. Математическое учение о местоположении (Industrielle Standortslehre) разработано немецким экономистом Альфредом Вебером. Мы приводим в дальнейшем основные мысли его доктрины.

Если исходить только от транспортных издержек, то для предприятия должно быть выбрано местоположение, которое даст ему возможность ограничиться минимальными передвижениями разных грузов к нему и от него; т. е. местоположение, представляющее „минимальный транспортный пункт", или другими словами, „тонно-километрический оптимальный пункт" в „фигуре местоположения" (Standortsfigur) [3]). Для одних производств большей притягательной силой обладают центры потребления, для других—сырьевые источники. Некоторые виды сырья не локализированы географически и поэтому могут быт получены без дополнительных транспортных издержек почти повсюду. Другие виды сырья отличаются не только прикрепленностью к месту, но и свойством терять значительнейшую часть своего веса при переработке, так что подвоз их оказывается очень ощутительным расходом, имеющим тенденцию перевешивать все остальные издержки. Такова напр., свеклосахарная промышленность, требующая подвоза огромных количеств громоздкой свеклы, из которой извлекается сравнительно с об'емом

[1]) Marshall, назв. соч., стр. 293—294.

[2]) W. Haenger. Die Musikinstrumenteninduslrie, в серии: Über den Standort d. Industrie, II Teil. Die deutsche Industrie seit 1860, Heft 4. Tübingen, 1919, стр. 40 и 43.

[3]) A. Weber Industrielle Standortslehre в Grundriss der Sozialökonomik, VI Abt. Tübingen. 1914, стр. 59.

свеклы ничтожное количество сахарного сока. Геометрическая „фигура местоположения" имеет столько углов, сколько пунктов связано с данным предприятием необходимостью транспортных переброс ок. Так, при одном центре потребления и двух сырьевых источниках такой фигурой окажется треугольник, если присоединить еще один пункт сбыта „фигура местоположения" превратится в четырехугольник и т. д. Степень близости оптимального пункта к тому или другому из углов определится удельным весом транспортных издержек, связанных с удалением от этого пункта, в общей экономии производства.

Наряду с транспортными издержками, в определении местоположения предприятия огромное значение имеет возможность использования относительно дешевой (по сравнению с производительностью труда) рабочей силы. Передвижение предприятия из наиболее выгодного в транспортном отношении пункта к лучшим рынкам труда сопряжено, разумеется, с повышением транспортных и понижением трудовых издержек. Можно представить себе вокруг каждого наиболее выгодного транспортного пункта предельные линии (изодапаны) возникающих для каждой из отраслей промышленности при передвижении добавочных транспортных издержек. Рабочий рынок перетягивает к себе производство в том случае, если он обещает такую экономию в издержках на рабочий персонал, что его притягательная сила оказывает свое действие в н у т р и линии, изображающей добавочные транспортные издержки (критическая изодапана).

Самые выгодные рынки труда притягивают к себе промышленные предприятия массами. Такое-же влияние оказывают источники сырья, особенно в отношении тяжелой индустрии, дающей большую потерю в весе при переработке. Так как концентрация производства и сама по себе дает большую экономию на издержках, то образуются специальные производственные центры. Лишь очень немногие производства распылены сообразно с нуждами потребления и не имеют явственно выраженных центров. Таковы напр. кирпичное производство, пивоварение. Большинство отраслей промышленности обнаруживает „ориентацию" либо по материалу, либо по труду. Концентрация производств, ориентированных по материалу, обусловлена техническими причинами. Такова, напр., так называемая, тяжелая индустрия. В основе-же концентрации отраслей промышленности, ориентированных по труду, лежит социальный момент: скопление в городских центрах больших масс квалифицированной рабочей силы. Высшее выражение этого типа промышленности представляет хлопчатобумажное производство Ланкашира. „Современные скопления населения являются, в существе своем, продуктом общественных, а не технических отношений" [1]).

Мы не имеем возможности следить за деталями построений Вебера. Здесь важно лишь отметить, что учение о выборе местоположения предприятия на основе математических выкладок проливает свет на проблему территориального расселения промышленности и дает в руки организаторов промышленности важное орудие для „рационализации" издержек производства в сторону понижения их до минимума. Конечно, в нормальных условиях едва-ли может идти речь о перенесении про-

мышленных центров, по воле государственной власти, в новые районы ради понижения издержек. Но, напр., при эвакуации наших промышленных предприятий во время войны выбор нового местоположения для них должен был-бы производиться на основе точной калькуляции себестоимости производства в разных географических пунктах. Те-же соображения должны быть решающими и при создании новых отраслей промышленности.

Пятая из упомянутых основных идей технического прогресса заключается в стремлении к исключению ручного труда. При ограниченности человеческих сил, удовлетворение потребностей будет тем дальше от конечного своего идеала, чем большую роль играет в производстве ручной труд. Только машина создает возможность полной рационализации производства; отсюда требование „машинизнровать" самый труд, поскольку он все-же является необходимом участником производства.

Все указанные тенденции технического прогресса требуют усиленного применения капитала в производстве. Таким образом, значительная и все возрастающая часть народохозяйственной продукции поглащается производством машинного оборудования и должна быть выхвачена у непосредственного потребления. Однако, повышая производительную способность народного хозяйства, эти тенденции, вместе с тем, ослабляют тягостность этой необходимости уделения все большей и большей доли национального дохода на создание фонда капитала. Несмотря на возрастание доли продукта, получаемой производством средств производства, абсолютная масса готовых предметов потребления растет. По мнению некоторых экономистов, представляется даже „мало удобным и целесообразным отождествление технического прогресса с повышением органического строения капитала". Эти авторы считают, что „прогресс техники может сопровождаться и относительным уменьшением капитала" [1]). Однако, до настоящего времени количество средств производства, приходящихся на каждого рабочего, неизменно увеличивалось. И это вытеснение живого труда машиной служит показателем торжества в производстве рационалистических начал.

2. Возможность рационализации влияния машин.

Технический прогресс, таким образом, должен, казалось-бы, неизбежно приводить к вытеснению некоторого количества труда из производства. Вот почему вопрос о том, насколько благотворным должно быть влияние введения машин на положение рабочего класса, вызывал ожесточенные споры еще у представителей классической школы. Достаточно известны сомнения Рикардо, заставившие его изменить своему первоначальному оптимизму в отношении влияния машин на общественное благосостояние, резкие выпады Сисмонди, решительное мнение Д. Ст. Милля, будто все механические изобретения нисколько не улучшили жребия трудящихся классов. Если машина заменяет труд 10 рабочих, она выбрасывает девятерых из них на улицу. Однако, уже в середине XIX в. Мишель Шевалье мог, на основании опыта, утверждать, что

[1]) Н. Н. Шапошников. Теория ценности и распределения, М., 1912, стр. 68.

такое действие машин является временным [1]). Из современных авторов подробно обосновывает эту точку зрения Дж. Кларк. Технический прогресс, закрывая рабочим двери некоторых отраслей промышленности, создает новый спрос на рабочие руки в других производствах. Все большие кадры рабочих становятся необходимыми для производства средств производства. Происходит временная заминка, иногда сопряженная для рабочего класса с тяжелыми страданиями. Но рано или поздно, благодаря перераспределению рабочей силы, равновесие восстанавливается. В общем же и целом, введение машин открывает перед человечеством совершенно новые производственные перспективы, понижает трудовые затраты и удешевляет потребление.

Возникают, однако, все-же сомнения в том, не слишком ли быстр темп введения новых технических усовершенствований и нельзя ли как-нибудь дозировать технический прогресс. В условиях „анархического" капиталистического производства каждое изобретение вводится на свой страх и риск отдельным предпринимателем и часто эти технические революции следуют одна за другой на столь близком расстоянии, что только что приобретенное каким-нибуть американским сверхпредпринимателем новое машинное оборудование приходится продавать, как железный лом. „Машина сама по себе часто является безнадежным специалистом. Она может выполнять одну тонкую работу и только ее, и когда для производства той же операции появляется новое и лучшее изобретение, машине нужно уйти, и не в какое-нибудь новое предприятие, а на слом" [2]). Отдельный предприниматель не может противостоять этому течению. Новое изобретение, понижая издержки производства, дает в руки осуществившего его предпринимателя смертоносное оружие против конкурентов. Консерватизм, сопротивляющийся техническим улучшениям, осуждает предпринимателя на гибель [3]). Кто не знает, напр., трагической судьбы английских handloom-weavers? Классическая доктрина настаивала на том, что товарные цены определяются издержками предприятий, работающих в наименее благоприятных условиях. Эта теория совершенно не учитывала динамики технического прогресса. В каждый данный момент цена может и быть достаточной, для покрытия издержек „предельного" производителя. Но новые усовершенствования понижают для ряда предприятий стоимость производства, увеличивая размеры предложения товара по цене, не покрывающей для прежнего предельного производителя даже издержек, и его поражение становится неизбежным. Для того, чтобы „держаться на поверхности воды", нужно участвовать в техническом прогрессе. В динамике цен решающим моментом оказываются все-же не максимальные, а минимальные издержки. „В конечном результате, всякое великое усовершенствование приводит к закрытию предприятий всех тех предпринимателей, которые не воспользуются им или какой нибудь выгодой равноценного значения" [4]). Однако, этот дамоклов меч перестал бы висеть над предпринимательскими головами, если бы

[1]) Срв. M. Chevalier Cours d'économie politique. T. I., Bruxelles, 1851, стр. 107 и сл.
[2]) J. B. Clark. Essentials, стр. 307;
[3]) там-же, стр. 289.
[4]) Clark, Essentials, стр. 264.

технические изобретения вводились бы в жизнь планомерно, какою-нибудь единой организацией, об'единяющей всю промышленность.

Такая „рационализация" технического прогресса, конечно, представляла бы большие преимущества по сравнению с существующим порядком вещей и с точки зрения рабочих, и с точки зрения самих предпринимателей. Не подлежит, однако, сомнению, что эта система имела бы и весьма важные теневые стороны. В современных условиях введение новых технических методов крайне выгодно предпринимателям, благодаря предоставлению им патентов, сохраняющих за ними исключительное право на использование этих новых приемов в своих личных интересах. Предприниматель не стал бы принимать на себя издержек и риска, связанных с экспериментированием новой машиной, если бы каждый мог наблюдать за его опытами, и, убедившись в успешности их результатов, ввести у себя аналогичное усовершенствование. Во всех культурных государствах существует поэтому юридическая охрана прав на изобретение. По выражению Ж. Сореля, „в течение веков технология была предметом частной собственности" [1]). Однако, установление этой „частной собственности" представляет единственный способ заинтересовать предпринимателей в проведении технического прогресса. Ослабление этой личной заинтересованности неизбежно приводит к замедлению технического прогресса. Это может быть доказано на примере частной монополии. Хотя Кларк и утверждает, что „ идеальная по рациональности постановки монополия (a perfectly intelligent monopoly) с бескорыстным управлением, готова была бы принять любое предложенное ей усовершенствование с такой-же быстротою, как и каждая фирма, существующая в условиях конкуренции, если единственным мотивом является прибыль" [2]), но он все-же должен признать, что „руководители (монополии В. Ш.) могут иметь и другие интересы, помимо получения больших дивидендов, и в таких случаях монополия склонна ожидать слишком долго со сменой своего оборудования. У нее нет надобности спешить с покупкой изобретения, и она может оттягивать эту покупку, чтобы обессилить владельца патента и добиться у него выгодных условий; такая практика не очень поощряет независимого изобретателя" [3]).

Управление техническим прогрессом из единого центра еще вернее убило-бы стимулы ко введению усовершенствований, чем переход частной промышленности к монополистическим организациям. Исчезли-бы крупные барыши, получаемые отдельными предпринимателями, благодаря временному обладанию недоступным для других секретом. Введение технических усовершенствований зависело бы от произвола ряда бюрократических инстанций, которые всегда были-бы склонны переоценивать финансовые жертвы, сопряженные с необходимостью отказа от дальнейшего пользования старым оборудованием. Технический прогресс стал бы гораздо более равномерным, но замедлился-бы до чрезвычайности. Такой результат едва-ли можно считать особенно желательным. Наиболее характерное проявление технического прогресса в совре-

---

[1]) Жорж Сорель. Введение в изучение современного хозяйства. М. 1908, стр. 128.
[2]) Clark Essentials, стр. 362.
[3]) Там-же, стр. 363.

менной промышленности заключается в постоянном ускорении темпа ее работы, благодаря которому из производства постоянно высвобождаются более или менее значительные дозы капитала, могущие получить новое плодотворное применение. Эти общие выгоды, приобретаемые благодаря современной системе введения новых технических методов, окупают с избытком временные страдания, причиняемые человечеству неожиданно-резкими скачками технического прогресса.

3. Преодоление технического риска.

По мере того, как рост научного знания превращает человека из раба природы в ее повелителя, самый смысл проблемы рационализации техники изменяется. Мистический туман, обволакивавший процесс производства, рассеялся. Каждый производственный акт есть необходимое звено в закономерной цепи действий, которые должны в своей совокупности дать строго предопределенный результат. Как видно уже из предшествующего изложения, задача овладения природой разрешена; она постепенно подменяется в настоящее время в сознании хозяйствующего человечества новой проблемой. Внимание производителя концентрируется на перспективах сбыта, и в каждом новом усовершенствовании производственных методов его интересует уже не их техническая рациональность, а экономическая выгодность: каждое понижение издержек производства дает возможность понизить цену и обещает тем самым расширение сбыта.

„Донаучная" техника неизбежно приводила к торжеству категории стоимости над принципом ценности. Получая от природы крайне скудное и случайное содержание, хозяйствующий субъект всю свою энергию расходует в погоне за обеспечением необходимого минимума потребления. А так как весь экономический процесс распределяется между моментами затраты и получки, то внимание человека, прикованное постоянными заботами об удовлетворении настоятельнейших потребностей к моменту затраты, к процессам добычи, производства благ, отвлекалось, естественно, от потребительских задач, от психологического эффекта потребления. Производство, а не потребление является в первобытных условиях основной проблемой хозяйственной деятельности. Потребителю не приходится особенно мудрствовать над выбором потребляемых благ. Сама природа ставит на вещах штамп ценности. Важны вещи, а не ценности,—вещи, могущие поддержать человеческую жизнь, спасти человека от голодной или холодной смерти.

С рационализацией техники производство теряет свою проблематичность; иррациональным моментом в хозяйстве становится сбыт. Риск технической неудачи производства сменяется ценностным риском. При соединении средств производства в известной, предписанной наукой, пропорции создание известного количества продуктов обеспечено. Единиц продукта, но не единиц ценности! Даже выбор лучшей из технических возможностей опирается все-же не на технический, а на ценностный расчет. Предприниматель знает, что способ А даст а единиц продукта, при способе В производительность повы-

до с единиц и т. д. Но, разумеется, он не может выбрать просто самую „производительную" техническую возможность. Выбор определяется сравнением стоимости всех способов (в ценностных единицах) с предполагаемой ценностью продукта, представляющей произведение неопределенной ценности единицы продукта на фиксированное число могущих быть произведенными единиц блага [1]).

Эта борьба между техническим и ценностным риском получает резкое выражение в уменьшении удельного веса сельского хозяйства и росте значения обрабатывающей промышленности. Сельскохозяйственное производство может эмансипироваться, с техническим прогрессом, от технического риска далеко не в такой степени, как обрабатывающая промышленность. Природная стихия является важнейшим моментом при определении урожая. Сравнительно мало изменяющаяся из года в год комбинация производительных сил: земли, труда, машин, удобрения дает весьма различные количества продуктов. Наоборот, технически промышленность вполне поддается рационализации; каждое промышленное предприятие может предопределить с почти математической точностью свою будущую продукцию; но промышленность страдает часто из-за отсутствия сбыта, т. е. из-за невозможности превратить товары в ценности. Неурожай и кризис—вот характерная антитеза крайнего разрушительного действия технического и экономического риска. В одном случае аппарат сельскохозяйственного производства в обычном его об'еме приводится в действие; но результатом этого действия оказывается крайне недостаточная техническая его производительность и причина несчастья—в стихийных силах природы. В другом случае приводится в действие аппарат промышленности в обычном его масштабе, дает обычное, ежегодное воспроизводящееся количество единиц продукта, но эти продукты не находят сбыта, и причина этого лежит в оценках потребителя. Борьба за потребителя приобретает особенную остроту и орудием ее является понижение товарной цены.

4. Стандартизация производства.

Таким образом, основное требование, пред'являемое к производственным процессам, заключается не столько в их техническом совершенстве, сколько в дешевизне. Одним из приемов такого удешевления является принцип стандартизации, производства продуктов по некоторому сравнительно небольшому количеству образцов. Стандартизация может применяться при выработке готовых для потребления изделий и при производстве машин, она может распространяться на отдельные части какого-нибудь аппарата или продукта или охватывать производимые единицы целиком. Одним из лучших примеров применения стандартизации к готовому продукту может служить обувная промышлен-

[1]) Вопрос о возможности выбора наиболее совершенных производственных приемов на основе сравнения одной технической их производительности вызвал интересный спор, между Бем—Баверком и Ирвингом Фишером. Мы не можем здесь излагать его подробно; см. Irv. Fisher. The rate of interest, 1907 особ. стр. 353 и Böhm-Bawerk. Positive Theorie des Kapitales. III изд. Innsbruck 1909, IV экскурс.

ность. Еще недавно считалось необходимым тщательное приспособление обуви к каждой индивидуальной ноге. Новый принцип был выдвинут американской обувной промышленностью. Каждое предприятие производит только один сорт сапог,—будут-ли то изящные ботинки для модниц или грубый сапог для пролетария, безразлично. Но каждый сорт, на котором специализировалось данное предприятие, производится в различных комбинациях длины и ширины. „В результате, работа каждой мастерской чрезвычайно проста, а общая продукция организована так тонко, что потребности и вкус почти каждого индивидуального потребителя находят себе (если не считать немногих исключительных случаев) удовлетворение почти с такою-же тщательностью, как еслибы о них позаботилась внимательная мысль квалифицированного ремесленника“ [1]).

Главнейшая выгода, сопряженная с применением стандартизации в производстве, заключается в том, что только стандартизованная техника делает возможным переход к массовому производству, Успехи металлургической промышленности за последние десятилетия об'ясняются напр. тем, что в основе ее техники лежат операции над громадными количествами однородного жидкого металла. На этой почве вырастает современный тип гигантского металлургического предприятия и одерживают победу тенденции к об'единению этих предприятий в мощные тресты. Чем дальше отстоит данная стадия обработки металла от этого общего корня—однородной массы жидкого металла, тем труднее стандартизация и понижение издержек.

Во время войны стандартизация сделала особенные успехи и стала применяться в самых разнообразных отраслях промышленности. Так, английское правительство сочло полезным указать несколько типов стандартизованных судов, наиболее пригодных в современных условиях. Опыт стандартизации в этой области оказался настолько удачным, что решено сохранить и для мирного времени специализацию каждой верфи на небольшом числе классов изготовляемых ими судов.

Стандартизация достигает наивысшего совершенства, когда она применяется к продукту, давно вошедшему в употребление, так что долгий и тщательный опыт успел поработать над составными его частями и над общим узором. Но в редких случаях приходится прибегать к стандартизации там, где неожиданно создается массовый спрос на изделия, не бывшие до тех пор особенно ходкими. Поучительный пример представляет в этом отношении американский опыт с производством аэропланов во время войны. Ряд выдающихся американских инженеров взялся за выработку общего плана экономной и быстрой конструкции аэропланных моторов приемами, специально свойственными американскому гению. Было предположено строить аэропланные моторы по различным моделям, но так, чтобы каждый мотор составлялся из одинаковых стандартизованных частей. Тогда части разбитых 8— или 12-цилиндровых моторов могут быть вновь собраны, и потери от поломки сведутся к минимуму. Европейские инженеры участвовали в составлении плана, но было решено отказаться от европейских моделей, так как последние представляют собой весьма специализованные

[1]) Marshall. Industry and trade, стр 238.

машины, требующие большой ручной работы механиков, являющихся в своем деле почти что артистами. Таких специалистов сравнительно очень мало в Америке. Поэтому был применен типичный американский принцип механической стандартизации [1]).

Применение стандартизации наталкивается на известные границы вследствие крайнего разнообразия потребительских вкусов. При погоне за потребителем, в которой приходится в обычных условиях принимать участие производителям готовых изделий, последние находятся в постоянном страхе, что не с'умеют в достаточной мере приспособиться к прихотям покупателя и будут побеждены более удачливым и эластичным конкурентом. Поэтому решительный приступ к стандартизации был бы возможен лишь по общему сговору всех предпринимателей, работающих в данной отрасли промышленности. Застрельщиком в этом направлении выступает в настоящее время Америка, в которой с конца 1920 года проводится „новая промышленная политика", стоящая под знаменем „упрощения" производства (Simplification). В основу этой политики положен чрезвычайно интересный опыт военного времени. В мае 1918 г. возникла при департаменте военной промышленности особая секция, которой было поручено добиваться всеми возможными способами ликвидации непроизводительной траты человеческого труда, материалов, капитала, и технических возможностей. Решено было разделить все предприятия на две группы—существенные и не существенные для военных целей. Последние подлежали жестокому сокращению. Однако вскоре выяснилось, что очень редко предприятие может быть целиком отнесено в ту или другую категорию. Большинство предприятий оказались существенно важными по тем или иным соображениям. С другой стороны, среди этих „важных" предприятий оказалось немало таких, которые производили бесполезную растрату труда, материалов, оборудования и капитала. Тогда было решено повести борьбу с такими тратами во всех предприятиях. Вникая в технику каждого производства, секция пришла к выводу, что в основу проведения принципа экономии могут быть положены несколько общих для всей промышленности положений. Несмотря на кажущуюся элементарность этих положений, они при проведении своем в жизнь дают блестящие результаты. Вот наиболее существенные из этих положений: „избегать стилей и разновидностей, поглощающих необходимые материалы в количестве, превышающем строго необходимое" ...избегать отдельных форм и побочных деталей, поглощающих материал для целей украшения или удобства, но не являющихся действительно необходимыми с точки зрения годности к употреблению или полезности продукта". Применение этих принципов сопровождалось чрезвычайным успехом. В отчете департамента военной промышленности был сделан на основании опыта подсчет возможных ежегодных сбережений, благодаря упрощению техники. На одной только урезке длины и уничтожении излишних украшений шерстяных изделий могла быть достигнута экономия в 53 миллиона ярдов этих изделий (ярд = 1,286 арш.). Общая сумма сбережений выражалась в десятках миллионов долларов.

Новое движение в пользу „упрощения" основывается на изложенном опыте военного времени и направлено, главным образом, на

[1]) Там-же стр 227—228.

уменьшение числа моделей, образцов, стилей. Первым шагом, предпринятым с этою целью, был созыв конференции производителей и потребителей мостовых плит, состоявшейся 15 ноября 1921 г. при участии известного Hoover'a. Уже на конференции было достигнуто соглашение о сокращении числа сортов изготовляемых плит с 66 до 20 и решено учредить постоянный комитет, который занимался бы дальнейшим упрощением техники в духе принятых конференцией постановлений. Та-же политика проводится теперь и в других отраслях промышленности [1]). Наиболее ценной стороной упрощения является достигаемое при его помощи сокращение издержек производства, усиливающее позицию американской промышленности на мировом рынке. Пример американской политики „симплификации" еще раз подчеркивает, что подлинная рационализация народохозяйственных процессов не может быть достигнута посредством случайных, несогласованных действий за свой страх и риск отдельных индивидов; она должна проводиться распоряжениями центрального органа, достаточно компетентного и полновластного. Американский пример в то же время доказывает, что такой орган может и не быть непосредственно связан с государственной властью.

5. Эластичность техники.

Опыт военного времени вообще представляет исключительный интерес с точки зрения рационализации техники. В связи с заданиями, возлагавшимися правительствами на промышленность, оказалась возможной полная перестройка промышленной техники, и обнаружилась поразительная пластичность форм конкретного воплощения капитала, позволявшая целому ряду производств вполне мирного характера перестроиться для „работы на оборону". При крайней специализации современного производства казалось чрезвычайно трудным, почти невозможным заставить промышленность той или другой страны производить в огромных количествах однотипные товары, необходимые для армии. Так, напр., Англии пришлось взять на себя обслуживание военных сил держав Согласия бесконечными массами хаки, грубых форменных пальто, одеял и других шерстяных вещей. По словам Гекшера, „огромная индустрия Бредфордского округа, обслуживавшая, главным образом, экспорт, оказалась не в состоянии сейчас-же перейти в выработке грубых шерстяных изделий, спрос на которые внезапно возрос до огромных размеров... О легкости, с которою преодолевались трудности специализации, можно судить по тому, что даже в этом производстве с его крайне развитой специализацией оказалось возможным употребить оставшихся без занятий рабочих другой отрасли текстильного дела, именно хлопчатобумажной, которые и были переведены из Ланкашейра в West Riding в Иоркшейре" [2]). Еще показательнее приводимая тем же Гекшером картина мобилизации германской промышленности для нужд войны: „большие и малые предприятия, не имевшие ранее ничего общего с выделкой оружия, с изумительной быстротой

[1]) „Simplification" in United States. America's new industrial policy by C. Chisholm. The Times trade Supplement, 29|IV 1922, стр. 131.

[2]) Эли Гекшер. Экономика мировой войны, стр. 60—61.

и знанием дела направили свою деятельность на поставку капсюлей и гранат. Неслыханный спрос на колючую проволоку был удовлетворен так, что наскоро устроили нужные машины и тем доставили хороший заработок множеству рабочих. Даже некоторые из игрушечных производств, которые сильно упали вследствие закрытия вывоза, оказалось возможным приспособить к выделке капсюлей... Зонтичные фабрики из своего большого запаса непромокаемых материй стали изготовлять куртки, в которых очень нуждались войска, сидевшие в окопах. Электрические заводы дали металлические пуговицы, велосипедные фабрики—железные кровати для лазаретов, фабрики швейных машин—шрапнель, рояльные—патронные гильзы, карусельные—бараки; химические заводы специализировались на изготовлении аптекарских товаров и фармацевтических препаратов; бумажные—на выделке бумажных мешков взамен джутовых; даже мастерские по выделке детских колясок стали работать на войну" [1]).

Удивительная приспособляемость промышленности обнаружилась не в меньшей степени и в способности отыскать суррогат почти для любого вида сырья или готовых изделий, которого страна лишилась вследствие перерыва сношений с внешним миром. Особенного развития употребление суррогатов достигло в Германии. Здесь, напр., медь была заменена при изготовлении орудий и снарядов специальной сталью, но и сталь, требующую примеси хрома, марганца и др. металлов, в которых Германия ощущала недостаток, пришлось заменить другими металлами. В электрических проводах медь была, большею частью, заменена железом в непромокаемой оболочке из бумаги или другого материала. Керосин отчасти заменен другими осветительными материалами, резина—различными металлическими сплавами и т. п. Особенно достопримечательным памятником приспособляемости германской военной промышленности явилось создание азотной промышленности после того, как преграждение доступа в Германию чилийской селитры, поставило Германию перед угрозой остаться без селитряной кислоты и вообще материала для изготовления пороха и взрывчатых веществ.

Перед Россией война поставила задачу особенной трудности: военная промышленность требует чрезвычайной точности работы, бывшей раньше ненужной в нашем промышленном обиходе, вследствие относительной грубости производимых изделий. Таким образом, война принудила нас в кратчайший срок подняться на высшую ступень промышленной техники. По компетентному свидетельству А. А. Маниковского, „почти все предметы боевого снаряжения, за ничтожными исключениями, требуют такой степени точности работы, к какой не привыкла наша общая промышленность, даже в той ее части, которая изготовляет такие ответственные механизмы, как, напр., паровозы, двигатели разных систем, металлообрабатывающие станки и им подобные... Не только простые рабочие, но и мастера и даже большая часть инженеров общей промышленности в начале своей работы на оборону не представляли себе с достаточной осязательностью необходимости считаться с какою-то „тысячной дюйма", а тем паче и еще с ее долями. Но здесь же надо отметить, что в большинстве случаев какой-либо

[1]) Там-же, стр. 63.

мудрости для достижения указанной точности, не требуется: нужны только пригодные для точной работы станки, надлежащее оборудование, соответствующая организация приемки изделий (браковка) и строгая школа (дрессировка) работы". [1]) Это прохождение нашей промышленностью „курса начального обучения точной работе" принесло ей, по мнению А. А. Маниковского, большую пользу. Однако, для того, чтобы подобные успехи под влиянием нужды не были эфемерными, необходимо закрепление приобретенных навыков. А. А. Маниковский указывает на то, „как легко забывается и расстраивается даже хорошо налаженное производство мощного завода, работающего к тому же все время на военный рынок, и как любое производство может быть сведено почти на нет, если оно было прекращено без оставления хотя бы небольших кадровых мастерских, где производство продолжалось бы все время хотя в малом размере" [2]). Исходя из печального опыта участия России в мировой войне, Маниковский развивает такую программу организации военной промышленности для будущего: „... для каждого отдельного производства боевого снаряжения должна быть организована своя самостоятельная группа заводов. В каждой такой группе основное ядро, так сказать, постоянный кадр группы, должны составить казенные заводы, которые, в случае мобилизации, не только соответственно развернутся сами, но и выделят из себя соответствующий технический персонал для инструктирования остальных членов группы, т.-е. однородных производств частной промышленности". [3]) Мы остановились с некоторой подробностью на вопросе о военной промышленности в России, потому что в нем находит интересное преломление проблема правительственной рационализации техники. При известном уровне капиталистического развития не приходится заботиться о военном снабжении заблаговременно, так как достаточно развитая общая промышленность в нужный момент может перейти к работе на оборону. Трудности возникают лишь для стран с отсталой техникой. Здесь может быть лишь заранее подготовлен оазис высокой технической культуры. Эта культура может и должна, посредством „инструктирования", получить широкое распространение в военное время. Отчего же, однако, невозможно прохождение этой школы в мирной обстановке, раз имеются налицо кадры инструкторов? Отчего во время войны нам удалось достичь поразительных успехов в области обучения точной работе, а в нормальных условиях такие достижения оказываются невозможными? Ответ нетруден: потому что казна, благодаря ничем не ограниченному расходованию средств, имеет возможность создавать производства, которые не могли бы существовать в примитивной хозяйственной обстановке на обычных коммерческих основаниях. Могла ли бы, однако, сохраниться эта созданная у нас в довольно крупном масштабе высокая техническая культура, если бы не было революции и связанного с ней разрушения промышленности и если-бы могла быть проведена планомерная демобилизация нашей военной промышленности? Казалось бы, если могут велосипедные фабрики готовить шрапнель, рояльные—

[1]) А. А. Маниковский. Боевое снабжение русской армии в войну 1914—1918 гг. Часть I. М. 1920, стр. 13—14.
[2]) Там-же, стр. 20.
[3]) Там-же, стр. 60.

патронные гильзы и т. д., то должен быть возможен и обратный таморфоз военной промышленности, т. - е. переход к обслуживанию частного рынка высокосортными изделиями. Так, констатируя во время войны чрезвычайный прирост оборудования нашей промышленности станками для производства боевых припасов, мы заранее мечтали о массовом переходе этих станков к производству столь необходимых России сельскохозяйственных машин.

В некоторых случаях, правда, переход на „хозяйственный расчет" может оказаться гибельным для предприятий, лишающихся тепличных условий существования. Приведем, в качестве иллюстрации, соображения о возможности сохранения достигнутых стекольной промышленностью во время войны успехов. „Конечно, далеко не все вновь возникшие производства имеют шансы на благополучное развитие в будущем. Задача изготовления химической посуды, иенского стекла для освещения и колб для электрических лампочек технически решена, и производство их оказалось экономически выгодным. Поэтому перечисленные отрасли стекольной промышленности, несомненно, удержатся и после окончания войны. Задача изготовления различного рода термометров также имеет все данные для правильного технического решения, но производство это невыгодно экономически: в то время как тюрингенский максимальный термометр обходится в Москве с провозом и пошлиной в 29—30 к., себестоимость такого же термометра, изготовленного в России, обходится не менее 2 руб.". Что касается оптического стекла, то, по мнению цитируемого автора, „здесь экономические вопросы имеют второстепенное значение в виду заинтересованности военного ведомства иметь оптическое стекло собственного производства, с одной стороны, и сравнительно малого влияния сырого стекла на стоимость готового оптического прибора—с другой. Но технически задача изготовления хорошего оптического стекла еще очень далека от решения и предстоит немало работы для насаждения этого производства в России" [1]).

Этот маленький пример показывает, какое значение имеет своевременно данный *толчек* развитию той или иной отрасли промышленности. Разумеется, соответствующая инициатива могла бы проявляться и не только под давлением военной нужды, а и в целях мирного прогресса промышленности. *Преемственность* развития играет при этом первенствующую роль, и нельзя не пожалеть о том, что вырисовавшаяся у нас во время войны попытка преодолеть примитивность нашей технической культуры сорвалась, из-за последовавшего развала промышленности. В современных условиях можно мечтать лишь о сформировании новой „ударной группы", которая в будущем, при восстановлении у нас прежнего уровня экономического преуспеяния, могла бы явиться новым рассадником технических знаний.

Отмеченные в нашем изложении новые веяния в промышленной технике показывают, как грандиозны возможности, открывающиеся перед народным хозяйством страны при планомерном регулировании ее технической культуры. Преодоление народохозяйственной стихии

[1]) В. Швецов. „Стекольная промышленность" в сб. Народное Хозяйство в 1916 г. вып. 3. Петр., 1920, стр 9.

получает в технике наиболее яркое выражение. В отношении техники, как и в других областях экономической жизни, проблема рационализации сводится к воспитанию нации: организатор производства должен привыкнуть к мысли, что лучшим техническим приемом является не передаваемый традицией от стародавних времен, а самый дешевый метод производства. Для достижения этой дешевизны нужна дружная, систематическая организационная работа. На примере американской политики „упрощения" техники мы видим, как борьба за сбыт и за понижение издержек заставляет предпринимателей сплотиться, чтобы договориться об исключении ненужных трат. Рационализация оказывается жизненной потребностью народного хозяйства. Старый индивидуализм, получивший такое законченное воплощение в английском предпринимателе с его горделивым стремлением к независимости и изолированности, изжит до конца. И этим триумфам солидарности в народном хозяйстве, готовности подчиниться общему решению и единой направляющей воле, больше всего способствует проникнутая духом рационализации техника.

ГЛАВА VI.

Рационализация потребления.

1.

Свободный потребительский фонд и организация потребления.

Потребление—наименее разработанная, почти „заброшенная" глава экономической науки. Многие ученые до сих пор считают, что доктрине потребления—не место в системе теоретической экономии. Это незаслуженное игнорирование теории потребления мстит за себя невыработанностью и даже некоторой противоречивостью основных ее понятий. Нам придется поэтому уделить в наших рассуждениях о рационализации потребления больше внимания чисто теоретическим вопросам, чем это, быть может, оправдывалось бы общим построением нашего исследования.

Под рационализацией мы разумеем в настоящей работе сознательное, планомерное регулирование той или иной сферы общественных отношений каким-нибудь стоящим над этими отношениями центральным органом. При таком понимании рационализации нужно признать, что в потреблении есть известная область, на которую не могут быть распространены попытки планомерного регулирования. Существует необходимый минимум потребления, как бы навязанный человеку физиологическими предпосылками его существования, „бронированный" природой. С такою же точностью и регулярностью, с какою массам населения приходится уплачивать правительству налоги, должна быть вносима и требуемая природой „дань" необходимого потребления, представляющая как бы выкуп за сохранение человеческой жизни. Мы сравниваем необходимое потребление с налогом, потому что в нем также есть своеобразный элемент вынужденной жертвы. Если-бы хозяйствующий суб'ект был совершенно свободен в выборе потребляемых им благ он начинал бы процесс потребления с тех категорий их, которые дают ему максимальное удовлетворение. При существовании физиологической „бронировки" приходится начинать с навязанных природой статей потребительского бюджета, которые могут давать очень мало в смысле жизненной услады. По словам Визера, „если разместить все наши удовлетворения в ряд, то нетрудно заметить, что первыми в ряду окажутся отнюдь не те, которые доставляют нам чистейшее наслаждение, которые больше всего украшают нашу жизнь. Важнейшие наши начинания, напротив, посвящены отражению нужды, ослаблению горя и

страданий. Прежде нужно обеспечить удовлетворение необходимых потребностей bis wir zum Guten dieser Welt gelangen! Необходимо различать между тем, что приятно сердцу человеческому, и тем, что люди должны, прежде всего, обеспечить себе. В каком порядке укладываются фактические интересы в ценностную скалу, определяется не первым, а вторым обстоятельством" [1]).

То же различие между необходимым (и след. „полезным") потреблением и стремлением к „чистому" наслаждению подчеркивает американский экономист Паттен. Он различает „абсолютную" и „положительную" полезность. Абсолютной полезностью обладают блага, необходимые для поддержания нашей жизни. Они могут доставлять наслаждение или быть безразличными для нас по своему психологическому эффекту, но потребление их необходимо, чтобы жить. Содержание жизни, интенсивность получаемого человеком при потреблении наслаждения, определяется не абсолютными, а положительными полезностями, т.-е. благами, вводимыми в потребление по свободному выбору человека. Хозяйствующий суб'ект может быть снабжен в достаточном количестве абсолютными полезностями, но не испытывать ничего, кроме страдания, и быть готовым к самоубийству. Но есть множество благ, обладающих одновременно обоими видами полезности, и задача потребления заключается в умелом соединении абсолютных и положительных полезностей в потреблении. Так, напр., платье может служить исключительно защите от холода, но оно же может удовлетворять эстетической потребности и являться поэтому положительной полезностью. Потребление и должно прогрессировать в направлении включения в состав потребляемых благ возможно большего количества предметов с такой комбинированной полезностью [2]).

Экономический прогресс, приводя к постепенному повышению среднего „уровня жизни" в обществе, дает хозяйствующему суб'екту возможность постепенного расширения круга положительных полезностей за счет необходимого потребления абсолютных полезностей. Если природа „отпускает" человеку лишь такое количество благ, какое необходимо для поддержания его жизни, то этим определяется не только общая сумма потребления ценностей, но и самые блага, входящие в потребление. Попробуем на минуту допустить, что можно выражать всю сумму потребляемых благ в каких-то общих единицах, аналогичных калориям в пищевом потреблении. Предположим, вместе с тем, что условия хозяйственной деятельности не допускают превышения всей суммой потребляемых благ 1000 таких идеальных потребительских единиц. Если необходимое потребление, выражающееся в абсолютных ценностях, поглощает всю 1000 единиц, то у хозяйствующего суб'екта не остается свободы выбора. Он должен быть пассивным исполнителем предначертаний природы, если хочет сохранить жизнь. Но пусть, благодаря экономическому прогрессу, в распоряжение нашего хозяйствующего суб'екта поступает уже не 1000, а 2000 единиц. Отчислив на удовлетворение необходимых потребностей половину своего потре-

[1]) Fr. v. Wieser. Der natürliche Werth, Wien, 1889, стр. 5—6.

[2]) S. N. Patten. The theory of dinamic economics, Philadelphia, 1892, стр. 39—40. Тоже различие и у Fetter'a. The principles of economics. New York, 1907, стр. 17—18.

бительского фонда, он может теперь использовать другую половину по своему усмотрению. Отсюда возможность активного воздействия потребителя на весь строй производимых благ. И чем большая часть дохода хозяйствующего суб'екта затрачивается на приобретение положительных полезностей, тем эта возможность больше.

Самые различные направления в истории экономической мысли, несмотря на коренное несходство в их построениях, стремились все же найти теоретическое выражение этой идее свободного потребительского фонда. Вот основные этапы ее перевоплощения: produit net—у физиократов, чистый доход нации, в противоположность валовому,—у Рикардо, прибавочная ценность—у Маркса. В основе всех этих построений лежит мысль, что человечество может производить больше, чем ему необходимо для поддержания жизни, и что общественная борьба ведется за обладание избыточным фондом потребления.

Смысл этого учения, как это ни странно, был яснее столетие тому назад, чем в настоящее время. Замечательный французский экономист начала XIX ст. Канар прямо определял богатство, как „скопление избыточного труда", подчеркивая, таким образом, что „необходимый труд" служит лишь поддержанию существования и его продукт не может быть предназначен для целей накопления. Рикардо называет чистым денежным доходом страны тот „фонд, из которого уплачиваются налоги и доставляются удовольствия" [1]). Заработная плата оказывается в глазах Рикардо, составной частью „издержек производства", потому что заработная плата держится на уровне средств существования и из нее не может быть поэтому никаких вычетов в пользу государства или для удовлетворения изысканных потребностей [2]). Мало известный французский автор рикардианской эпохи Ганиль, защищая Рикардо от нападок Ж. Б. Се, отлично раз'яснил сущность учения о чистом доходе. По словам Ганиля, „богатство государства образуется исключительно из чистого продукта", так как „только чистый продукт и те, кто его потребляет, составляют его (государства В. Ш.) богатство, его могущество и способствуют его преуспеянию, его славе, его величию" [3]). Те, кто производит не больше, чем необходимо для их потребления, представляют „мертвый груз на богатстве", ослабляющий национальную мощь. И Ганиль тут же прибавляет в утешение человечеству, что чистый продукт растет с общественным прогрессом, за счет необходимых издержек [4]).

Не следует, впрочем, преувеличивать значения подчеркнутого нами момента роста свободного потребительского фонда для человеческого благополучия. В условиях постоянной социальной среды возможность каждого нового включения положительной полезности в потребление увеличивает сумму психического наслаждения. Но при сравнении удаленных друг от друга исторических эпох нельзя измерять сумму достигнутого потребителем благополучия по размерам находящегося в его распоряжении потребительского фонда. На этом особенно настаивает в своей

[1]) The Works of D. Ricardo, ed. by Mc. Culloch, 1888, стр. 258.
[2]) Срв. нашу статью, Д. Рикардо, стр. 1326—27.
[3]) M. Ch. Ganilh. Des systemes d'économie politique, I том, 2 изд., Paris. 1821, стр. 218—221.
[4]) Там-же, стр. 224.

новой работе о потреблении Ольденберг. Хотя по своим достижениям современный потребитель стоит неизмеримо выше (turmhoch) своих предков, устанавливая во всех областях рекордные цифры, но нужно все же остерегаться применения при анализе успехов потребления такого „механического юбилейного масштаба". Повышению уровня психического наслаждения противодействует „фатальный закон природы", постоянно повышающий наши потребности и уменьшающий чувство удовольствия: мы так быстро привыкаем к улучшенному потреблению, что скоро перестаем ощущать значение произошедшей перемены и жаждем все новых и новых преобразований в строе потребления. У нас нет первобытной непосредственности восприятия. „Как раз те потребности, которые выходят за пределы голого минимума средств существования, подлежат в большей или меньшей мере действию закона притупления" [1]). Идеал полноты жизни особенно недостижим для современного городского потребителя. „Современный человек забыл, как он жил некогда непосредственно среди природы и какое богатство полных жизни впечатлений природа должна была вносить в круг его интересов; в городе он стал жалким нищим. Печальнее всего судьба молодого поколения крупных городских центров; ведь детишкам из народных школ восточного Лондона при экскурсиях в естественно-исторический музей приходится показывать, вместе с заспиртованными препаратами экзотических зверей, и фотографии какого-нибудь дерева с листвой и без нее, так как они не видели в натуре ни того, ни другого" [2]). Или, как справедливо замечает Ирвинг Фишер, разве можно сравнить богатство впечатлений, получаемых от жизни американским поэтом Уотом Уитмэн, который, быть может, не имеет гроша за душой, с суммой наслаждения какого-нибудь миллиардера, пресыщенного жизнью, с расстроенным пищеварением, хотя он располагает неизмеримо большим свободным фондом потребления!

Тем не менее, для каждого потребителя в отдельности задача бесспорно заключается в расширении сферы потребления за пределы необходимого минимума. Экономисты обычно не замечают этой проблемы, потому что, в их представлении, роль потребителя чисто пассивная и сводится к уничтожению того, что создано производством. Послушаем, напр., такого авторитетного писателя, как Маршалл. „Потребление может быть рассматриваемо как отрицательное производство. Подобно тому, как человек может производить полезности, точно так же ничего, кроме них, он не может и потреблять. Но подобно тому, как производство материальных предметов в действительности представляет не что иное, как преобразование материи, благодаря которому она приобретает новые полезные свойства, так и потребление есть не что иное, как новое их преобразование, уменьшающее или уничтожающее их полезность" [3]). При такой точке зрения на потребление, наука о потреблении, в сущности, сводится к изучению техники уничтожения благ. Американский экономист Паттен, подобно Джевонсу, выдвигающий потребление на передний план

[1]) K. Oldenberg. Die Konsumtion. В Grundriss der Sozialökonomik. Abt. II, Tübingen 1914, стр. 118.
[2]) Там-же, стр. 139.
[3]) Marshall. Handbuch, стр. 110.

экономической теории и посвятивший „потреблению богатства" специальную монографию, так определяет задачу этой дисциплины: „Теория потребления основывается на законах удовольствия и страдания, измененных социальной обстановкой, в которой живет человечество" [1]). Большая часть работы Паттена посвящена изучению влияния среды на потребление в указанном техническом смысле. О содержании ее лучше всего можно судить по следующим, наудачу выхваченным из нее, сентенциям. „Охота, с которой мы потребляем в настоящее время сахар, может быть сравнена с любовью эскимоса к жиру. Они пьют масло с таким же удовольствием, как мы едим конфекты". „Сильные аппетиты перестают быть источником силы и становятся источником слабости". „Климат является решающим фактором при определении того, может ли спорт вне дома приобрести массовый характер". „Развитие большой любви к музыке, я боюсь, может встретить большие препятствия. Климатические условия Америки неблагоприятны для наилучшего использования голоса" [2]).

Авторы, рассчитывающие на укрепление авторитета доктрины потребления подобными рассуждениями, могут, разумеется, произвести лишь обратное действие, т.-е. поспособствовать окончательному утверждению в нашей науке предрассудка о „низменном" характере, „инфериоритете" потребления. В действительности потребление в такой же мере требует знаний, искусства, способностей, как и создание ценностей. В потреблении есть свой трудовой процесс, которого никто не замечает; оно не состоит только в еде, посещении театров, путешествиях на автомобилях и т. д. Его необходимая предпосылка — подготовка возможности удовлетворения потребностей, превращение денежного дохода в ряд материальных благ, которые послужат для их приобретателя источником потока „психического дохода", по терминологии современных американских экономистов [3]). Умение покупать представляет такую же сложную деятельность, как умение производить и продавать. Кроме „художественного чутья", талантливого комбинирования потребляемых благ, оно предполагает основательное знакомство с рынком, способность отыскивать наиболее дешевые возможности приобретения товаров, умение торговаться, способность выбрать наиболее подходящие для покупки время и место. Сообразно со степенью развития у того или другого суб'екта этих способностей, он сумеет превратить фиксированный денежный доход в совершенно различные по количеству и эффектности получаемых ощущений потоки психического дохода. Красота жизни зависит от правильного разрешения этой проблемы организации потребления.

В пределах современной семьи выработалась даже специальная система „разделения труда", заключающаяся в том, что проблема „приобретения" возлагается на мужчину, организация потребления—на женщину. На почве такого разделения труда сделалось возможным даже появление особого типа людей, которые зарабатывают громадные

---

[1]) S. N. Patten. The consumption of wealth. Philadelphia, стр. VII.

[2]) Там-же, стр. 21—34.

[3]) Срв., напр., Fetter, назв. соч., стр. 43—45. Понятием психического дохода пользуется в своих теоретических работах и Ирвинг Фишер.

деньги, но совсем „не умеют покупать" предметов потребления. И с другой стороны, сколько есть людей, не умеющих зарабатывать денег, но отлично умеющих их тратить. Развивая идеал „женщины, как потребительницы", Ирма Вольф признает область купли „профессиональной деятельностью домохозяйки", которая должна заботиться о частно-хозяйственной, социально-этической и эстетической удовлетворительности покупки. „Так как она должна исходить от данного дохода, ее задача— дешевая и хорошая покупка. Она здесь поставлена перед частнохозяйственной проблемой, всю широту и значение которой для широких кругов общества она по большей части едва ли теперь подозревает" [1]). Стремление современной женщины к промышленной работе вне дома, по мнению Ирмы Вольф, приводит к увеличению числа „женщин— покупательниц, лишенных всяких культурных связей" [2]). Мы не собираемся, впрочем, входить здесь в обсуждение вопроса о целесообразности такого разделения труда в пределах семьи. Для наших целей достаточно подчеркнуть необходимость особой организационной деятельности в сфере потребления. Чем удачнее осуществляется она, тем меньшей тяжестью наваливается бремя абсолютных полезностей на потребление, тем больший простор остается для свободы потребительского выбора.

Организация потребления приобретает особенное значение в условиях денежного хозяйства. Представляя собой, как бы, „сгусток" покупательной силы, деньги обеспечивают потребителю „свободу выбора хозяйственных благ" [3]), сохраняют ему возможность отодвигать приобретение того или другого нужного ему предмета до того момента, когда потребность в нем вполне созреет и размеры ее окончательно выяснятся. В нормальных рыночных условиях всякая заготовка запасов „впрок" становится невыгодной. Потребитель не любит связывать себя на долгий период времени. Он предпочитает дешевые блага, с коротким сроком служения, чтобы почаще обновлять „стиль" своего домашнего обихода. Вместе с тем, все большее и большее количество благ вовлекается в сферу рыночного оборота, становится об'ектом купли— продажи. Проблема потребления вечно стоит перед хозяйствующим суб'ектом, постоянно требует новых расчетов и сравнений с его стороны. Он движется по улицам современного города, где все продается, где все имеет на себе характерный ярлык с многозначительными цифровыми знаками. За ним охотятся, так как из-за каждого покупателя идет между торговцами борьба не на жизнь, а на смерть. Со всех сторон потребитель окружен приманками: привлекательные и блестящие окна магазинов, широковещательная реклама, ловкие комми-вояжеры, проникающие даже в жилище потребителя и умеющие так красноречиво изобразить чудесные свойства предлагаемого товара, преследуют потребителя на каждом шагу. Достаточно представить себе современного хозяйствующего суб'екта в универсальном магазине, среди бесконечного множества благ, из которых каждое готово сдвинуться с места и последовать за ним по мановению его руки, чтобы убедиться в слож-

[1]) Irma Wolff. Frau als Konsumentin. Arch. für Sozialwis. XXXIV Band 1902, стр. 893.

[2]) Там-же, стр. 900—1.

[3]) Срв. А. Рыкачев. Деньги и денежная власть.

ности задач, стоящих перед потребителем. Он должен обладать тонкой, рафинированной способностью к точному измерению и взвешиванию своих переживаний; в его представлении должен всегда быть начертан план потребления, в котором каждой потребности было бы уделено особое место и все они слагались-бы в строго координированную систему. Случайность, основанная на неожиданном искушении, не должна вторгаться в сферу потребления. Зиммель считает „измерительный, взвешивающий, счетно-точный характер нового времени" высшим проявлением „чистейшего интеллектуализма" нашей эпохи. Ее теоретико познавательный идеал заключается в том, чтобы понимать мир, как великий счетный образец (ein grosses Rechenexempel) [1]). В такой интеллектуальной атмосфере каждый потребитель должен быть мастером точного учета, и недаром современная доктрина предельной полезности заставляет его проделывать такие чудеса учетно-расчетной техники при построении своей системы потребления [2]).

2. Основные принципы рационализации потребления.

Рационализация потребления при таких условиях должна, прежде всего, заключаться, в правильном соразмерении потребностей и в таком комбинировании трат, чтобы последние доли потребностей во всех благах, удовлетворяемые при помощи одинаковых затрат были равной интенсивности [3]). От умения потребителя зависит возможность гармоничного сочетания потребностей. Каждое благо занимает в системе потребления определенное место. В частности, при приобретении благ длительного пользования потребитель должен строго взвесить возможность полной утилизации полезности, представляемой этими благами. Они не уничтожаются в едином акте потребления, а могут служить источником психического дохода в течение неопределенно долгого периода. Полное их использование предполагает довольно большой запас свободного времени у потребителя. Лучшими примерами включения в систему потребления не гармонирующих с ней благ длительного пользования могут служить приобретение библиотеки, когда книги остаются неразрезанными на полках шкапов, или рояля, который служит лишь „украшением" гостиной.

Другим основным постулатом рационализации потребления является требование постоянной дифференциации потребления, т.-е. расширения круга потребляемых благ [4]). Другими словами, признаком качественного улучшения потребления служит появление новых потребностей и средств их удовлетворения.

---

[1]) G. Simmel. Philosophie des Geldes, 2 изд. Leipzig, 1907, стр. 498—499.

[2]) В современной экономической литературе ведется интересный спор о том „измеримы" ли потребности или только „сравнимы". Учение об измеримости энергично отстаивал еще Бем—Баверк Срв. его Основы теории ценности хозяйственных благ СПБ, 1903, стр. 68—77 и 110—115. Противоположного мнения Cuhel. Zur Lehre von den Bedürfnissen. Innsbruck, 1907, стр. 186 и сл., Mises, назв. соч., стр. 18—24.

[3]) Т. наз. „второй закон Госсена", срв. Войтинский Рынок и цены. Теория потребления рынка и рыночных цен. С.П.Б., 1906, стр. 116 и сл., А. Билимович. К вопросу о расценке хозяйственных благ, Киев, 1914, стр. 88 и сл.

[4]) Срв. Patten. The theory of dinamic economics, гл. VIII.

Чем больше единиц одного и того же блага приходится потреблять каждому индивиду, тем меньше предельная полезность этого блага и тем, след., ниже ценность всего потребляемого запаса. Если вместо того, чтобы увеличивать количество потребляемых единиц одного и того-же блага, мы введем в потребление новое благо, общая сумма получаемого наслаждения увеличится. Приведем упрощенный пример. Для какого-нибудь хозяйствующего суб'екта полезность последовательно потребляемых единиц благ *А*, *В*, *С* и *Д* выразится следующими рядами.

А	*В*	*С*	*Д*
20	18	16	15
16	15	14	14
12	10	13	11
10	8	11	10
8	7	8	5
6	4	6	2
.	.	.	.
.	.	.	.
.	.	.	.

Пусть наш суб'ект имеет возможность потреблять в общем 10 единиц разных благ, причем стоимость благ всех четырех видов одинакова. Если-бы он ограничился потреблением только *А* и *В*, в состав его потребления вошло-бы 5 единиц того и другого блага и общая сумма полученной им полезности составила-бы 124. Когда-же его потребление становится более разнообразным, включая уже не два, а четыре блага, в число 10 единиц войдут 3 *А*, 2 *В*, 3 *С* и 2 *Д*, а общая сумма полезности поднимется до 153 [1]). Чистый прирост потребительского дохода образовался исключительно благодаря расширению круга потребляемых благ. Поэтому дифференциация потребностей является одним из основных требований политики потребления.

Мы видели, однако, в предыдущей главе, какие выгоды в техническом отношении представляет однородность спроса. Маршалл прямо об'ясняет характером спроса со стороны американского потребителя поразительные успехи промышленности Соединенных Штатов. Даже столь характерная для Америки расовая дифференцированность населения не нарушает единообразия спроса. „Как ни далеки скандинавы от итальянцев, а природные американцы от поляков по настроениям, образу жизни и даже по занятиям, они все же являются покупателями почти тех-же благ.... Говоря вообще, все различные расы страны, как-ни глубоки отличия их друг от друга по характеру и склонностям, в равной степени что-нибудь привносят при определении господствующего духа сильной смешаной расы, среди которой они расселились. Только в немногих случаях, преимущественно в городских центрах, новые пришельцы являются в достаточном числе, чтобы составить рынок для благ особого рода, к которым они привыкли у себя на родине“ [2]). Такая однородность спроса, разумеется, весьма способствует

[1]) Срв. интересное графическое изображение изложенного закона у C l a r k'a Essentials, стр. 207.

[2]) Marshall, Industry and trade, стр. 147.

стандартизации производства. Однако, в современных странах с многомиллионным населением стандартизация производства может отлично уживаться с разнообразием потребления. Даже из сравнительно ограниченного числа „стандартизованных" элементов возможно получение огромного количества потребительских комбинаций. Грубая упрощенность потребительской схемы обусловлена не недостаточной дифференцированностью благ, а сложившимися у потребителя привычками, затрудняющими доступ нового блага в потребительскую сферу. С этим консерватизмом потребителя и должна бороться экономическая политика.

Важнейшей задачей рационализации потребления мы считаем всемерное расширение и культивирование духовных потребностей за счет физических. Упорная и деятельная борьба должна вестись за сокращение до минимума доли физических потребностей в свободном потребительском фонде. Остановимся хотя-бы на пищевом довольствии. Согласно новейшим физиологическим данным, ежедневное потребление (netto) взрослого человека в зависимости от количества мускульной работы, веса тела и размеров его поверхности должно колебаться в пределах от 1.750 до 5.000 калорий (единиц энергии), составляясь в разных пропорциях из углеводов, жиров и белков. Несмотря на всю условность этих расчетов, в основе их лежит правильная идея: существует некоторый необходимый физиологический минимум питания. Всякий излишек сверх этого минимума может быть рассматриваем, как эксцесс питания, не приносящий потребителю существенной пользы. В интересной работе Ольденберга, цитированной выше, приведено немало примеров нецелесообразного выбора пищи. Отчасти это видоизменение питания обусловливается особенными условиями жизни населения в крупных городских центрах. Горожанин поглощает по калорийности гораздо меньше пищи, но это—пища высокой ценности. Жиры и белки, преимущественно животного происхождения, вытесняют об'емистое пищевое довольствие с большим содержанием углеводов. Только концентрированная форма углеводов—сахар—приобретает большую популярность. Чрезвычайным предпочтением пользуется мясо, „стоящее в центре питания больших городов и, особенно, ресторанного довольствия" [1]). Учитывая эту потребность городского населения, один современный физиолог выдвигает даже такую формулу: 118 граммов белков из них 35% в форме мяса. Задаваясь вопросом о том, соответствует-ли питание немецкого потребителя физиологической норме, Ольденберг скорее готов бить тревогу по поводу падения потребления мяса у городского населения, в котором он усматривает „сериозный симптом начинающегося падения потребления ниже нормы" [2]). Приводимые им данные не оправдывают этого пессимистического заключения. Во всяком случае, в этом вопросе средние величины мало показательны. Быть может, неимущие классы населения не получают достаточного питания, но зато зажиточные классы предаются пищевым излишествам. В интересах национальной культуры нужно решительно высказаться против такого обжорства. Каждая лишняя сотня уничтожаемых в форме пищи калорий может быть превращена в научные или художественные цен-

[1]) Oldenberg, назв. соч., стр. 150.
[2]) Там-же стр. 157.

ности. Пища более всего тянет нас к земле, подрезывает крылья. Через нее легче всего подчиняет нас себе власть минувших веков и заявляет свои претензии на регулирование строя нашей жизни атавизм. Выражая свой скептицизм по поводу расширения сферы потребительской свободы, Ольденберг указывает на силу привычки в потреблении, которая делает для нас особенно приятной пищу предков. В течение тысячелетий хлеб служил напр., пищей для европейцев [1]). Напрасно, однако, Ольденберг подменяет понятие потребления одним из его видов—пищевым довольствием. В области духовной культуры „мертвые повелевают" нами в гораздо меньшей степени, чем в области пищевого довольствия.

Умеренное пищевое потребление необходимо и в интересах безболезненного размещения населения на земном шаре. Вот интересные данные, приводимые тем-же Ольденбергом: „Современное население земного шара, вероятно, сильно отстает от 2 миллиардов. Баллод определил в 1912 году, учитывая необходимую поверхность для текстильного сырья и допуская повышение урожая на гектар в $1^1/_2$—2 раза против современных американских цифр, максимальную цифру либо в $6,_8$—7 миллиардов человек, живущих по немецкому типу, либо $22,_4$ миллиарда живущих по восточно-азиатскому типу" [2]). Вот насколько различны цифры возможного населения земного шара при предположении разных систем питания! Мы не проповедуем перехода на японский режим, но думаем, что в области пищевого довольствия современный потребитель мог бы провести значительные сокращения. То-же применимо, разумеется, и к другим видам физиологических потребностей. Мы не говорим уже о возможности чрезвычайно существенной экономии на спиртных напитках, табаке и пр. Рост духовных потребностей за счет потребления подобного рода явился бы симптомом движения человечества к подлинной потребительской свободе.

Наконец, рационализации может подвергнуться и техника потребления. Утилизация отбросов, экономное расходование топлива и т. д. все эти модные проблемы потребления военно-революционного времени свидетельствуют о том как склонен был к неразумному расточительству сибарит-потребитель довоенной эпохи и как много может дать рационально проведенная экономия потребления. Как и всякая техника, техника потребления должна быть основана на точном изучении соответствующих процессов уничтожения благ. Эволюция производственной техники с ее блестящими результатами может служить до известной степени предвестником возможных достижений в области техники потребления.

3. Организационные формы регулирования потребления.

Остается обсудить вопрос о том, как придать рационализации потребления организованный, планомерный характер. Уже в современном строе потребления можно различить некоторые элементы организации и настойчиво проводимого регулирования. Потребление значи-

[1]) Там-же, стр. 120.
[2]) Там-же, стр. 358.

тельнейшей части „небронированных" природой продуктов не случайно: оно движется в рамках моды. Зомбарт отметил основные черты современной моды: распространение ее на огромную массу предметов потребления, ее абсолютную всеобщность, свойственный ей бешеный темп смены. Вместе с тем, он показал, что „участие потребителей в этом процессе низводится до возможного минимума, что движущей силой в творчестве современной моды является капиталистический предприниматель. Функции парижских кокоток или принца Уэльского носят исключительно характер вспомогательных услуг передаточного механизма". [1]), Таким образом, потребитель как-бы передоверяет значительную часть предоставленной ему природой свободы предпринимателю. Последний намечает типы производимых благ. Потребителю остается лишь соединять их в те или иные комбинации.

Можно, однако, усумниться в целесообразности сосредоточения власти регулирования потребления в руках предпринимателей, заботящихся совсем не о воспитании у потребителя культурных вкусов или о повышении качества потребляемых последними товаров, а о своей личной выгоде. Вместе с тем, не подлежит сомнению, что командующая позиция предпринимателей над потребителями всецело об'ясняется их стройной отганизованностью при распыленности потребителей. Ведь перспективы сбыта, в конце-концов, зависят исключительно от готовности покупателя приобрести данное благо, и предпринимателю удается навязать ему продукты своего производства только потому, что потребитель привык выбирать на рынке блага из уже г о т о в о г о ассортимента их, а не быть руководителем при самом выборе. Потребитель мог бы быть диктатором рынка, если бы он был организованной силой. Потребительская кооперация в современном ее виде представляет лишь жалкий суррогат такой организации; при достаточно мощном ее развитии, в настоящее время, она могла бы и не ограничиваться планомерным давлением на цены и устранением розничной торговли, а взять на себя огромную культурную роль, выявляя вкусы организованного потребителя. Но, чтобы выявлять вкус, нужно обладать им. Современный потребитель не только не организован, он в массе своей пассивен, невежествен и примитивен. Потребительская кооперация только тогда сможет приобрести культурное значение, когда потребитель пройдет хорошую школу, когда он ощутит настоятельную потребность в о б л а г о р о ж е н и и своего спроса. С этим, впрочем, нет надобности ждать д окончания медленного, мучительного процесса культурного преображения человечества. Потребление может и должно иметь своих вожде так-же как и производство. Уже и в настоящее время в нашей сред есть достаточно ярких творцов этических, художественных, научны ценностей, которые могли бы быть нашими у ч и т е л я м и в п о т р е б л е н и и.

Чтобы избавить от упрека в утопизме нашу мысль о возможно эмансипации потребителя от опеки предпринимателя, достаточно напом нить, какое значение приобретает концентрированный спрос государ ства в моменты расширения его влияния на рынке, как потребителя Судьба целых отраслей промышленности зависит от готовности госу

[1]) В. З о м б а р т. Современный капитализм, т. II, стр. 283.

дарства поддерживать их существование предоставлением казенных заказов (достаточно напомнить пример нашей железоделательной промышленности). Роль государственного спроса в жизни промышленности определилась с особенной яркостью во время мировой войны, когда вся работа промышленности равнялась по потребностям государства. Разумеется, в нормальных условиях сфера влияния государственной власти в качестве потребителя сравнительно очень ограничена. Государственный аппарат почти не поглощает готовых изделий, служащих непосредственному потреблению. И все-же пример государственного спроса оказывается для нас очень поучительным, так как он обнаруживает скрытую, потенциальную мощь организованного потребления.

При современной неорганизованности потребительской массы и при опасности сохранения монополии регулирования потребления в руках предпринимателей возникает, естественно, вопрос о государственной рационализации потребления. Вторжение государственной власти в сферу потребительской свободы может достигать различных пределов. В течение ряда веков государственная власть пыталась повлиять на строй потребления своими законами против роскоши. Убедившись в бесплодности этих попыток, современное государство ставит себе в этой области гораздо более скромные задачи. По словам Ольденберга, оно лишь запрещает или затрудняет расходование денег на безнравственные цели, напр. посредством цензуры, проводящей запрещение безнравственных зрелищ,причем, однако, возможен широкий произвол со стороны решающих эти вопросы чиновников, и борется с особенно острыми формами негигиенического потребления (посредством жилищного законодательства, регулирования трактирного промысла и т. д.) Сила государственного влияния на потребление не может быть даже в отдаленной степени сравниваема с принудительным действием моды [1]). Но, тем не менее, можно себе представить такую организацию народного хозяйства, при которой государство приобрело-бы руководящую роль в потреблении. Мы видели, что деньги и свободное распоряжение ими со стороны потребителя являются залогом сохранения за ним неограниченной возможности выбора хозяйственных благ. Поэтому простейший способ лишения потребителя принадлежащей ему свободы выбора заключается в упразднении денежной системы и переходе от менового хозяйства к плановому распределению. Разумеется, одна только замена современной денежной единицы счетом на другие условные ценности, напр., выражение всех ценностей в трудовых единицах, не представляет радикальной реформы по сравнению с существующим порядком вещей. Изменяются, быть может, условия реализации приобретенных, благодаря трудовым затратам, ценностей. но не самый строй потребления. Социализация народного хозяйства сама по себе вносит новую черту в систему потребления лишь в том смысле, что диктатура над потреблением переходит от частных предпринимателей в руки государства.

Положительной стороной такого порядка вещей является возможность построения системы потребления не по принципу частной рентабельности, а на основе государственных соображений о культурном воспитании нации. Заботясь о своей прибыли, частный предприниматель

[1]) Oldenberg, назв. соч., стр. 159.

может при известных условиях навязывать свои произведения потребителю, но в колебаниях спроса потребитель все же косвенно проявляет свою волю и оказывает известное влияние на распределение национального капитала между производствами. Государство может считаться с запросами потребителя еще в меньшей степени, чем отдельный предприниматель. Хотя отсутствие спроса на то или иное благо не может не вызывать убытков, но государственная власть может не реагировать на это обстоятельство так остро, как вынужден воспринимать его владелец частного предприятия. Наоборот, усиленный спрос на какие-нибудь блага может вызвать бурную конкуренцию из-за них среди потребителей и „драки у общественных магазинов", о которых говорит напр. Штольцманн [1]) Но пресечение подобных эксцессов возможно, разумеется, мерами полицейского воздействия и ссылка на неизбежность подобных явлений не может служить доводом, доказывающим полную неосуществимость такого порядка вещей. Если государство берет на себя воспитание потребителя, то оно должно быть готово нести при этом некоторые жертвы, вызываемые трудностью быстрого привития массам потребностей, бывших им до того времени совершенно чуждыми. Но постепенно новые блага, вталкиваемые государством в оборот, найдут себе дорогу и привьются в качестве неотъемлемых частей потребительского бюджета.

Основное, принципиальное возражение против изложенной народохозяйственной системы заключается в том, что при ней неустранимо возникает тягостная правительственная опека над строем потребления, и масса населения приучается ждать толчка в деле культивирования новых потребностей от власти. Мы указывали, что высшая заповедь прогресса в области потребления заключается в постепенном переходе потребителя ко все более и более дифференцированному и утонченному потреблению. Эта благодать духа высшей культуры не может снизойти на него извне, путем механического развития потребностей. Массу потребителей следует приучать не к слепому пассивному повиновению воле „просвещенного" правительства, а к развитию активности и способности к самостоятельному культурному творчеству. Государственной власти трудно заниматься изобретением для потребителей новых потребностей. Большинство планов социалистического преобразования общества примитивно изображают общий ход развития народного хозяйства так, словно производственная программа определяется вообще не какими-либо соображениями о культурных задачах общества, а статистическими данными, касающимися развития потребностей в прошлом. Социализм вообще охотно подменяет творчество работой статистического аппарата [2]). Конечно, можно думать, что это дефект современных социалистических учений, несвязанный неразрывно с самой идеей социализма. Но, тем не

[1]) R. Stolzmann. Die soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre, Berlin 1896.

[2]) „—Но если потребление ничем не ограничено, то не возможны ли в нем резкие колебания, которые могут опрокинуть все статистические расчеты?—Конечно, нет. Отдельный человек, может быть, станет есть то или иное кушанье в двойном, или тройном против обычного количестве, или захочет переменить 10 костюмов в 10 дней; но общество в 3.000 миллионов человек не подвержено таким колебаниям. При таких больших числах уклонения в ту или другую сторону уравновешиваются и средние величины изменяются очень медленно, в строгой непрерывности". А. Богданов. Красная звезда. Утопия 2-ое изд., М. 1918, стр. 68—69.

менее, независимо от тех или других конкретных построений, нужно категорически высказаться против сосредоточения всех нитей народохозяйственной динамики в руках государственной власти. Такая экономическая система неизбежно приведет к угасанию творческой энергии нации, к развитию в ней фатализма, опирающегося на постоянное ожидание инициативы со стороны власти, и квиетизма.

Еще опаснее система чисто планового распределения, „пайковое хозяйство". Здесь функции денег окончательно упраздняются, потребитель лишается последних остатков свободы выбора хозяйственных благ, а государственная власть не только предопределяет круг потребляемых обществом благ, но и назначает каждому конкретному индивиду его потребительскую „порцию". Так как нельзя, конечно, предполагать, что содержание этих „порций" будет определяться по произволу для каждого отдельного потребителя, то осуществление этой системы необходимо предполагает распределение потребителей на категории по полу, возрасту, характеру выполняемых трудовых функций и т. д. Наиболее последовательно этот принцип проведен, как известно, в коммунистической утопии Кабэ. Государство „отводит каждой семье одинаковые дома с одинаковой меблировкой, дает одежду одинакового покроя и в одинаковом количестве, одинаково кормит всех в общественных ресторанах и т. д. Если какого-либо предмета потребления не хватает для всех, то, чтобы не нарушать принципа равенства, государство не дает его никому, совершенно его не производит". Особый комитет устанавливает обязательную форму одежды для жителей икарийской республики, варьируя ее только для лиц различных профессий, возрастов или семейного состояния. „Заботы Кабэ о доброй нравственности своих граждан и гражданок простираются до того, что он строго регламентирует, в каком возрасте женщины получают право носить цветы, перья на шляпах, драгоценности, яркие платья и когда они должны переходить к более скромным одеждам. Трудность, возникающая при изготовлении одежды вследствие неодинаковости физического сложения людей будет преодолеваться путем приготовления ее из эластичных тканей, так что она будет годиться людям различного роста и сложения". Строгой регламентации подвергается и принимаемая икарийцами духовная пища. Старые книги сожжены, новые печатаются только после предварительного одобрения властей и раздаются даром. Для прессы существует такой порядок: „В каждой коммуне разрешается издание только одной коммунальной газеты, в каждой провинции—одной провинциальной газеты, и во всем государстве одной национальной газеты. Редактором каждой такой газеты намечается особо выбранное народом и пользующееся его доверием лицо". Газеты должны иметь характер простых протоколов и давать беспристрастное изложение фактов, без всякого освещения их со стороны журналиста [1]).

Разумеется, система Кабэ—продукт того самого примитивизма, о котором нам уже пришлось говорить выше. Ее осуществление должно быть отложено до того далекого будущего, когда сотрутся индивидуальные различия в людях. Нам пришлось уже высказать сомнения и в том, настанет ли вообще когда-нибудь момент такой

[1] М. И. Туган-Барановский. Современный социализм, стр. 161—164.

„унификации" человеческого типа, так как индивидуальные различия создаются не только под влиянием социальной обстановки, но и на биологической основе, путем наследственной передачи. Идея „пайка" коренным образом противоречит задаче всестороннего развития человеческой личности; ее осуществление должно было бы привести к жестокому излому индивидуальности и приостановке культурного прогресса.

Частичное проведение в жизнь пайкового хозяйства представляет практиковавшаяся во время мировой войны в некоторых государствах карточная система. Она возникла в условиях народохозяйственной скудости и вдохновлялась мыслью, что только при равномерном распределении ограниченных запасов возможно сохранение жизни всего населения испытывающего нужду государства. Свобода выбора хозяйственных благ сохраняется за потребителем, но для целого ряда расходов устанавливается максимум, определяемый приходящейся на долю данного индивида по раскладке карточной порцией. При карточной системе проводилась аналогичная икарийской дифференциация карточных пайков в зависимости от ряда физиологических и социальных признаков. Карточное регулирование было упразднено в государствах, оказавшихся вынужденными ввести у себя подобную частичную регламентацию потребления, как только оказалось возможным возобновление работы народного хозяйства для обслуживания в полной мере мирных потребностей населения.

Таким образом, непосредственное государственное регулирование потребления может оказаться неизбежным в исключительных условиях народохозяйственной бедности, но при известном уровне благосостояния оно ощущается населением, как нестерпимое вмешательство в сферу индивидуальной свободы, и должно быть отвергнуто. Тем не менее, власть регулирования потребления рано или поздно должна быть отнята у предпринимательских организаций. Государство, как потребитель, и частные потребительские об'единения должны явиться той могущественной силою, которая возьмет на себя рационализацию потребления в интересах народной культуры. В какие формы выльется организация этих руководящих потреблением элементов народного хозяйства, пока еще невозможно предугадать. Мы видели, как богаты современные организационные формы в промышленности. Рудиментарная организация потребления представляет в этом отношении полную противоположность. Здесь еще нет и следов кристаллизации единого регулирующего центра. Можно лишь догадываться, что и в области потребления удастся, в конце-концов, наметить какую-нибудь организационную схему, соединяющую в общем руководящем центре частное и государственное начало. Свобода выбора, которою располагает в теории потребитель, неизбежно превращается в подчинение воле немногих избранных. Естественно поэтому потребовать, чтобы эти избранные осуществляли свою миссию организации потребления не в своих эгоистических интересах, а во имя культуры.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

СТРАН.

ГЛАВА I. **Общие начала экономической политики** . 3—29

1. Теория и политика—3; 2. Идея рационализации хозяйства и причины ее успеха—5; 3. Теоретические предпосылки доктрины невмешательства в хозяйственную жизнь—10; 4. Новые тенденции в народном хозяйстве—13; 5. Государственная власть и отдельные лица, как субъекты экономической политики—20; 6. Руководящий принцип экономической политики—23.

ГЛАВА II. **Рационализация трудового процесса** . . . 30—63

1. Мальтузианство и расовая проблема—30; 2. Эвгеника—36; 3. Проблема ликвидации экономически пассивного населения—43; 4. Использование индивидуальности и выбор профессии—49; 5. Тэйлоризм, как попытка рационализации трудовой затраты—52; 6. Предпринимательская деятельность и ее рационализация—55.

ГЛАВА III. **Рационализация накопления** . . . . . 64—86

1. Массовые сбережения, как источник накопления, и трудности рационализации этого процесса—64; 2. Накопление в материальной и денежной форме 68; 3. Современные формы накопления и участие в них банков—71; 4. Следует ли стремиться к ускорению процесса накопления?—76; 5. Рационализация распределения капитала в народном и мировом хозяйстве—79; 6. Рационализация накопления при социализме—82.

ГЛАВА IV. **Рационализация организации народного хозяйства** . . . . . 87—129

1. Борьба за демократизацию управления народным хозяйством—87; 2. Фабрично-заводские комитеты—90; 3. Система управления в крупных промышленных об'единениях—96; 4. Причины господства вождей—102; 5. Иерархический строй современного предприятия—105; 6. „Этатизм" и „синдикализм" в народном хозяйстве—111; 7. Участие государства в управлении народным хозяйством—112; 8. Предпринимательская деятельность казны—115; 9. Принудительные синдикаты—117; 10. Смешанные акционерные компании—119; 11. Социализация промышленности—121.

ГЛАВА V. **Рационализация техники** . . . . . 130—147

1. Руководящие идеи технического прогресса—130; 2. Возможность рационализации влияния машин—136; 3. Преодоление технического риска—139; 4. Стандартизация производства—140; 5. Эластичность техники—143.

ГЛАВА VI. **Рационализация потребления** . . . . . 148—162

1. Свободный потребительский фонд и организация потребления—148; 2. Основные принципы рационализации потребления — 154; 3. Организационные формы регулирования потребления—157.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВО"

Петроград, Литейный пр., 28.

1. М. И. БОГОЛЕПОВ: Европа после войны 1921 г. (распр.).
2. А. М. СМИРНОВ: Кризис денежной системы французской революции. 1921 г. (распр.).
3. Карл ДИЛЬ: Золото и валюта. Пер. А. С. Кагана под ред. М. И. Боголепова 1921 г. (распр.).
4. Норман ЭНДЖИЛЬ: Версальский мир и экономический хаос в Европе. Пер. А. И. Ханох под ред. А. С. Кагана. 1922 г. (распр.).
5. Б. Д. БРУЦКУС: Аграрный вопрос и аграрная политика 1922 г. (распр.).
6. И. М. КУЛИШЕР: Международные торговые договоры ч. I-ая 1922 г.
7. И. М. КУЛИШЕР: Международные торговые договоры ч. II-ая 1922 г.
8. В. Э. ДЕН: Новая Европа. 1922 г.
9. В. М. ШТЕЙН: Экономическая политика. 1922 г.
10. Фридрих БЕНДИКСЕН: Природа денег. Пер. А. С. Кагана (в печати).
11. М. И. БОГОЛЕПОВ: Промышленный кризис в Европе (готовится к печати).

„ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ" Ежемесячный журнал под ред. М. И. Боголепова и В. М. Штейна. Вышли №№ 1 и 2. № 3 в печати.

Склад изданий в ПЕТЕРБУРГЕ: **„ПРАВО"** Литейный пр., 28; в МОСКВЕ: Книжный склад **„ОСНОВЫ"** Газетный пер., 10.